Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

ОВЕРЕНО
2000 г.

1266.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1876

КНИЖКИ ШЕСТАЯ И СЕДЬМАЯ.

ІЮНЬ и ІЮЛЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ),
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКИ ШЕСТАЯ и СЕДЬМАЯ. — ІЮНЬ и ІЮЛЬ.

I. — О КОДИФИКАЦІИ И ЕЯ ВЛІЯНІИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НА НАУКУ ПРАВА профессора Юридическаго факультета въ Тулузѣ С. Жинульяка (перев. съ франц.). *(Продолженіе)*. 3

II. — ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЕГО СОСТОЯНІИ.—ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ.—Д. Тальберга. 41

III. — ЛЕКЦІИ СУДОУСТРОЙСТВА И ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Преподавателя Московскаго Университета А. М. Фальковскаго. 58

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

IV. — ОТВѢТЪ ГРАФУ Л. А. КОМАРОВСКОМУ.—Всеволода Даневскаго 1

V. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРСКАГО НАДЗОРА ВЪ ПРОВИНЦІИ. К. А—рова. 25

VI. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) *Претензія, бывшая въ виду администраціи, не подлежитъ вторичному заявленію суду, или конкурсу, по обращеніи администраціи въ конкурсъ.* (Рѣшеніе правительствующаго сената, по 4 департаменту, по дѣлу купца Михаила Шувалова съ конкурснымъ управленіемъ по дѣламъ торговаго дома Дмитрія Корчагина сыновья и Вильямсъ). 106

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1876

ГОДЪ ОСЬМЫЙ

ІЮНЬ и ІЮЛЬ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1876

ГОДЪ ОБЩІЙ

ІЮНЬ и ІЮЛЬ

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Катковъ)
1876

О кодификаціи и ея вліяніи на законодательство и на науку права.

С. ЖИНУЛЬЯКА,

ПРОФЕССОРА ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ ТУЛУЗѢ.

„Кодексы народовъ суть дѣло времени; точнѣе выражаясь, они не сочиняются".
(Введеніе перваго проекта Гражд. Код.)

(Продолженіе).

III. Долгое время, да и вобще и донынѣ, должны мы сознать, кодификація разсматривалась какъ настоящее юридическое обновленіе, которое приводитъ къ такому же соціальному, или же слѣдуетъ за послѣднимъ. Кодификація всегда представлялась переворотомъ въ правѣ народа, отмѣною прежняго законодательства, полнѣйшимъ разрывомъ настоящаго съ прошедшимъ и совершеннымъ ихъ разъединеніемъ. Какъ дѣло радикальное, кодификація для дѣйствительности ея, должна быть полною, всеобъемлющею для того чтобы чрезъ смѣшеніе разнородныхъ началъ не подвергнуть гибели ея благотворныя послѣдствія. *Все, что не вошло въ уложеніе—не законъ,* какъ выражался Бентамъ. Обычаи, естественное право, общенародное право, римское право и проч. все это какъ безполезное и опасное устраняется кодификаціей. „Допустить дѣйствіе ихъ, говоря словами того же публициста, не значило-ли бы, въ самомъ дѣлѣ, предоставить

произволу все то, что предполагалось отъ него оградить? Подобная амальгама не достаточна ли-сама по себѣ для искаженія всего кодекса? Сложите двѣ величины, одну конечную, другую безконечную, въ суммѣ получите безконечность: это математическая аксіома". Впрочемъ, это послѣдняя отличительная черта этого воззрѣнія, по которому кодификація не только должна быть полною, но и совершенною, въ томъ смыслѣ, что ею исключаются, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени дополненія, измѣненія и исключенія въ законодательствѣ.

Достойный удивленія подвигъ и дѣйствительно представляющійся прекраснымъ идеаломъ законодательства, но для осуществленія котораго пришлось бы создать идеальный народъ *), и идеалы законодателей **), Миносовъ, Ликурговъ, этихъ классическихъ образцовъ для всѣхъ кодификаторовъ и законы которыхъ въ послѣднемъ вѣкѣ, для многихъ казались вѣчными прототипами конституцій и кодексовъ ***).

---

*) Извѣстенъ отвѣтъ Руссо на вопросъ: какой народъ способенъ къ воспринятію законодательства? „Тотъ, который, будучи соединенъ узами происхожденія, интереса или соглашенія не испыталъ еще настоящаго господства законовъ; тотъ, который не имѣетъ еще ни обычаевъ, ни предразсудковъ сильно укоренившихся.... Наконецъ тотъ, который соединяетъ въ себѣ стойкость зрѣлаго народа съ воспріимчивостью юнаго. Работа законодательства трудна не столько въ отношеніи того что слѣдуетъ установить, сколько въ отмѣнѣ существующаго; успѣхъ дѣла начаще задерживается вслѣдствіе невозможности открыть простыя и естественныя средства, примѣнимыя къ потребностямъ общества. Всѣ эти условія, по истинѣ, трудно соединить: отъ того и мало видимъ государствъ, хорошо устроенныхъ". (Contrat Social, liv. II, chap. X).

**) Кто же не знаетъ словъ, которыми Руссо завершаетъ характеристику истиннаго законодателя: „нужно бы Бога чтобы дать законы людямъ". (Contrat Social, liv. II, chap. VII.

***) Для меня да будетъ достаточно напомнить сдѣланное Hèrault de Sechelles требованіе изъ національной библіотеки экземпляра законовъ Миноса, и сослаться между прочимъ на *Traité de la législation* или *principes des lois* изданные въ 1771 аббатомъ Мабли, съ эпиграфомъ изъ Цицерона: *ad respublicas firmandas et ad stabiliendas vires, sanandos populos, omnis nostra pergit oratio.*

Впрочемъ такое воззрѣніе не было достояніемъ единичныхъ мыслителей, оно было общее, хотя авторитетъ Миноса и Ликурга, не взирая на его популярность въ эту эпоху, и не пользовался всеобщимъ признаніемъ; идея коренной реформы, кодификаціи, какъ ее въ то время понимали, была весьма распространена и вообще принята. Она составляла часть философскихъ системъ наиболѣе уважаемыхъ. Философы и публицисты требовали во имя природы, гумманности, разума, ниспроверженія нашего древняго законодательства, недостатки котораго ими, какъ бы съ удовольствіемъ, преувеличивались, и созданія новаго.

Ученые и ихъ ученики въ одинъ голосъ произносили свое delenda Carthago противъ столь долго царившаго во Франціи хаоса въ законодательствѣ. Указавъ на противорѣчія въ разныхъ законахъ страны, Вольтеръ, въ концѣ его коментарія на трактатъ Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, восклицаетъ: „куда не обратимъ взоры наши, всюду насъ поражаютъ противорѣчіе, жестокость, неопредѣленность, произволъ. Въ нашъ вѣкъ мы стремимся все усовершенствовать; постараемся же усовершенствовать законы, отъ которыхъ зависятъ наша жизнь и наше благосостояніе“. И это усовершенствованіе, котораго онъ требовалъ отъ имени философіи, должно было, частью, состоять въ изданіи единаго кодекса. О чемъ онъ и самъ заявляетъ въ *Siecle de Louis XIV.*

Въ *Questions sur l'Encyclopédie*, мысль его вполнѣ раскрывается (*v⁰ lois*): „законы, во всѣхъ почти государствахъ, получили бытіе по случаю интереса законодателя, потребности минуты, невѣжества, предразсудковъ. Составленіе ихъ было случайно, подобно постройкѣ городовъ. Взгляните на кварталы Парижа: Halles, Saint-Pierre-aux-Boeufs, rue Brise-Miche.... и сопоставьте ихъ съ Лувромъ и Тюльери. Вотъ изображеніе нашихъ законовъ. Лондонъ сталъ достойнымъ обитанія съ момента превращенія его въ пепелъ. Съ тѣхъ поръ улицы разширены и выпрямлены; Лондонъ былъ городомъ предназначеннымъ къ сожженію. Желаете ли имѣть хоро-

шіе законы сожгите ваши и составьте новые*)“ Мармонтель, въ *Bélisaire*, повторялъ тѣ же жалобы и требовалъ того же средства,—единаго кодекса.

Необходимо имѣть три кодекса, утверждалъ въ свою очередь Руссо въ своемъ *Gouvernement de Pologne* (ch. 10), „одинъ *политическій*, другой *гражданскій* и третій *уголовный*; всѣ три ясные, краткіе и точные на сколько будетъ возможно. Эти кодексы будутъ преподаваемы не только въ университетахъ, но и во всѣхъ училищахъ, и нѣтъ надобности въ другомъ сборникѣ права. Всѣ правила естественнаго права несравненно лучше запечатлѣны въ сердцахъ людей, нежели въ громадныхъ Юстиніановыхъ сборникахъ: сдѣлайте ихъ честными и добродѣтельными и я отвѣчаю, что они будутъ знать достаточно право. Но необходимо чтобы всѣ граждане, и въ особенности люди призванные къ общественной дѣятельности, были обучены положительнымъ законамъ ихъ отечества и правиламъ, по которымъ они управляются. Они ихъ найдутъ въ кодексахъ, подлежащихъ изученію. Относительнаго римскаго и обычнаго права, все это, если только существуетъ, должно быть изгнано изъ школъ и судебныхъ установленій. Въ нихъ не должно быть другаго авторитета кромѣ законовъ государства, однообразныхъ для всѣхъ провинцій, чтобы уничтожить источникъ процессовъ, а вопросы не разрѣшенные законами предоставить здравому смыслу и чистой совѣсти судей“.

Эти авторитеты, на которые я ссылаюсь изъ числа многихъ другихъ, надѣюсь, достаточны для подтвержденія того, что кодификація какъ работа и орудіе соціальнаго и юридическаго обновленія привходила въ философскія идеи XVIII

---

*) Нѣсколько далѣе онъ спрашиваетъ: „Что лучше было бы—не имѣть вовсе законовъ, или же руководствоваться подобными? Для имперіи, болѣе обширной нежели римская, выгодно было оставаться долго въ хаотическомъ состояніи, потому, что когда предстояло все сдѣлать, то удобнѣе было воздвигнуть зданіе, нежели поправлять существующее, развалины котораго должны были сохраниться“. Далѣе онъ восхваляетъ императрицу Екатерину, которую онъ называетъ: *Thesmophore du Nord.*

вѣка. Наиболѣе дальновидные не игнорировали трудности подобнаго предпріятія, и даже признавали ее, не полагая однако такое дѣло непреодолимымъ. И въ самомъ дѣлѣ могли ли они не вѣрить въ возможность кодификаціи на началахъ, въ то время бывшихъ въ ходу о возникновеніи и основаніяхъ общества и законодательства? Что же въ эту эпоху болѣе было распространено нелѣпой*) гипотезы объ естественномъ состояніи человѣка, предшествовавшемъ соединенію людей въ общество? Эту гипотезу вездѣ мы находимъ, даже въ *Esprit des Lois* всѣ принципы котораго несовмѣстимы съ нею. Монтескье посвящая ей 2 главу своей первой книги очевидно испыталъ воздѣйствіе духа времени, которому и слѣдуетъ приписать заблужденіе великаго публициста и слѣдующія слова: „предпочтительно всѣмъ этимъ законамъ существуютъ *естественные*, получившіе это наименованіе потому что проистекаютъ единственно изъ существа нашей природы. Для основательнаго познанія ихъ слѣдуетъ изучить человѣка прежде образованія обществъ. Законы *естественные* и будутъ тѣ, которымъ онъ подчинялся бы въ подобномъ состояніи..."

Но, это первобытное состояніе, антисоціальное или дикое, если называть предметъ по имени и которое Руссо, если и не открылъ, то сдѣлалъ популярнымъ**), будучи разъ допущеннымъ, неминуемо приводитъ съ Гоббесомъ и Руссо

---

*) Я называю эту гипотезу нелѣпою, и, въ самомъ дѣлѣ, она измышлена для достиженія открытія законовъ проистекающихъ единственно изъ природы человѣка. Но общежитіе будучи естественнымъ состояніемъ человѣка, что по мнѣнію моему не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, то для познанія естественныхъ законовъ человѣка, его поставили въ состояніе внѣобщественное, то есть противное природѣ. Пріемъ заключающій противорѣчіе, конечно заслуживалъ сдѣланной мною квалификаціи.

**) Въ своей рѣчи „*Sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes*, изд. въ 1754. Гоббесъ, не обращаясь къ болѣе древнимъ временамъ, потому что мы нашли бы то же у поэтовъ и философовъ древности, допустилъ это состояніе, какъ основаніе своей системы, подъ именемъ *libertas*.

къ признанію за основаніе общежитія соглашенія индивидуумовъ, прежде того обособленныхъ и затѣмъ соединяющихся по доброй волѣ или подъ господствомъ силы, и за единственный источникъ законодательства произволъ деспота или собранія, въ рукахъ котораго находится вся суверенная власть. И въ томъ и другомъ случаяхъ, законъ, какъ эманація воли одного *) или всеобщей воли, какъ именуетъ ее Руссо, не имѣетъ другаго основанія кромѣ этой воли и зависитъ единственно отъ нея. „И такъ всеобщая воля составляетъ порядокъ, верховное правило и это всеобщее правило и олицетворяемое—есть самодержецъ... Что такое законъ? Это публичное и торжественное объявленіе общей воли о предметѣ общаго интереса **)". Но тогда законы лишены стойкости, опредѣленности; потому что общая воля можетъ измѣняться. На это Руссо отвѣчаетъ: „Во всякомъ положеніи народъ властенъ измѣнять свои законы, даже наилучшіе; потому, что если ему угодно причинять себѣ зло, то кто же имѣетъ право въ этомъ ему препятствовать" ***) Руссо дѣйствительно указалъ на коррективъ возможнаго злоупотребленія функціи суверенной силы, объяснивъ, что нечего опасаться, чтобы народъ сталъ дѣйствовать ко вреду своему; но допустивъ это положеніе, хотя и не вполнѣ безспорное, само собою очевидно, что народъ можетъ по своему усмотрѣнію и когда ему угодно измѣнять свои законы. Послѣ этого, что можетъ быть естественнѣе права и власти народа производить радикальныя реформы въ законодательствѣ, отмѣнять и создавать, уничтожать старые законы замѣняя ихъ однимъ новымъ, ничего общаго съ ними не имѣющимъ, и основаннымъ единственно на принципахъ послужившихъ для ниспроверженія первыхъ?

*) Leges civiles (ut eas definiamus) nihil aliud sunt, quam ejus qui in civitate summa potestate praeditus est civium futuris actionibus mandata. Гоббесъ. *De Cive Libertas*, cap. VI, 9, in fine. V. *Elementa philosophica de Cive, cap. 1—3.*

**) *Lettres écrites de la Montagne, partie I, lettre VI.—Contrat social, L. II, ch. VI. et passim.*

***) *Contrat Social, liv. II, chap. XII.*

Такимъ образомъ идея кодификаціи, въ смыслѣ радикальной реформы права, обязана своимъ происхожденіемъ указаннымъ мнѣніямъ и принципамъ двухъ представителей философіи XVIII вѣка. Возможно ли затѣмъ удивляться если эта идея, среди другихъ философскихъ этой эпохи, встрѣчается вездѣ, гдѣ послѣдніе или ихъ представители нашли благосклонный пріемъ у Фридриха въ Пруссіи и у Екатерины въ Россіи *). Эти идеи вызвали къ жизни прусскій кодексъ, хотя его редакція и невполнѣ имъ соотвѣтствуетъ, потому что онъ былъ дѣло юрисконсультовъ, а не философовъ, а самъ Фридрихъ въ немъ не принималъ участія. Но хотя монархъ философъ не участвовалъ въ редакціи кодекса, но идеи его выразились въ послѣднемъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ насъ введеніе, порядокъ содержанія перваго проекта и въ особеноости кабинетный ордоннансъ отъ 14 апрѣля 1780.

Редакторъ перваго проекта даетъ отчетъ о его трудахъ слѣдующимъ образомъ; изложивъ сдѣланныя въ разныхъ частяхъ Германіи попытки къ составленію кодексовъ, онъ присовокупляетъ:

„Государь, воззрѣнія котораго безконечно шире, принялся за это дѣло болѣе основательнымъ образомъ. Онъ повелѣлъ 1-е разработать общее право страны, которое заключало бы всѣ законы гражданскаго общества; предпослать каждому предмету общія начала: извлечь всѣ послѣдствія, естественно изъ нихъ вытекающія и составить такимъ образомъ всеобщую систему, примѣнимую ко всѣмъ государствамъ, которыя принимаютъ разумъ, какъ правило и основаніе для ихъ законовъ“.

Кодексъ основанный на разумѣ и дѣйствіе котораго должно быть столь же общее какъ самаго разума, вполнѣ достоинъ былъ философа, для котораго, чтобы пребыть послѣдовательнымъ, оставалось только обезпечить господство сво-

*) Это признаетъ Мейеръ самъ для Франціи и для Пруссіи, насколько относится преувеличенныхъ идей объ единствѣ и упрощеніи законодательства (*Codification*, письмо III, стр. 163 и слѣд.).

его творенія въ будущемъ: „и для того чтобы частныя лица, а еще болѣе того, профессора, продолжаетъ авторъ, не имѣли случая искажать законы ихъ произвольнымъ толкованіемъ, король запретилъ, подъ страхомъ строгихъ наказаній, сочинять комментаріи, какъ на все право страны, такъ и на отдѣльныя его части. На томъ же основаніи, онъ воспретилъ профессорамъ обучающимъ юношество излагать что-либо въ противность тексту закона, ни даже, опираясь на духъ и намѣреніе его, дополнять, ограничивать и установлять исключенія... Почему профессора должны довольствоваться изложеніемъ предъ молодыми людьми системы и стараться запечатлѣть въ умахъ ихъ общія начала по каждому предмету".

Для завершенія достойнымъ образомъ своего подвига Фридриху оставалось только объявить кабинетъ-ордоннансомъ, отъ 14 апрѣля 1780, подобно тому какъ онъ это сдѣлалъ въ письмѣ къ канцлеру его, „что онъ въ прахъ превратилъ таинственный авторитетъ юрисконсультовъ, потому что онъ требуетъ упрощенія права, закрываетъ путь ко всѣмъ ихъ тонкостямъ и упраздняетъ, какъ безполезное или ненужное цѣлое сословіе адвокатовъ".

Такъ какъ въ порядкѣ вещей человѣческомъ нѣтъ болѣе почтеннаго авторитета, какъ авторитета разума, то понятно, что тѣ, которые говорятъ или полагаютъ, что говорятъ именемъ его, заблуждаются какъ относительно значенія такъ и долговѣчности своего творенія и не страшатся тиранически дать чувствовать свое могущество. Впрочемъ это свойственно не однимъ составителямъ кодексовъ, оно обще имъ со всѣми мнимыми представителями разума.

Что касается кодификаторовъ, то независимо отъ авторитета на который они опираются, всѣ они, должно сознать, держутъ одну и ту же рѣчь, и Юстиніанъ въ своей знаменитой конституціи (Tanta) *), высказавъ о своемъ тво-

---

*) *De confirmatione Digestorum ad Senatum et omnes populos* §§ *19 и 21.*

реніи: *Hasce itaque leges et adorate et observate omnibus antiquioribus quiescentibus,* установляетъ, какъ за подлогъ, такіе же запреты, какъ Фридрихъ II, для обезпеченія ненарушимости и бытія своего произведенія. *Ut nemo neque eorum qui in praesenti juris prudentiam habent, neque qui postea fierent, audeat commentarios iisdem legibus adnectere....* и затѣмъ разрѣшая лишь переводы на греческій языкъ, краткія замѣтки и паратитлы, онъ присовокупляетъ: *Alias autem interpretationes imo magis perversiones, eos jactare non concedimus; ne verbositas eorum aliquod legibus nostris adferat ex confusione deducus....* Напоминая затѣмъ смѣшеніе царившее въ римскомъ правѣ и отъ котораго онъ считаетъ себя освободителемъ, и указывая на комментаріи, на вѣчный эдиктъ, какъ главные источники запутанности въ правѣ, Юстиніанъ восклицаетъ: *Quos si passi non sumus, quemadmodum posteritatis admittatur vana discordia? Si quid autem tale facere ausi fuerint, ipsi quidem falsitatis rei constituantur volumina autem eorum omnimodo corrumpantur.* Вѣчно, какъ видно, одни и тѣ же запреты, одни и тѣ же притязанія связать грядущее.

Если философскія идеи XVIII вѣка оказали замѣтное вліяніе на законодательство въ Германіи, то это вліяніе не менѣе было и во Франціи за нѣсколько лѣтъ до 1789, и послѣ того, когда приступлено было къ изданію кодексовъ. Пробѣгая нѣкоторыя сочиненія вышедшія по предмету законодательства во второй половинѣ XVIII вѣка, мы найдемъ въ нихъ изложеніе тѣхъ же принциповъ кодификаціи, которые приведены въ веденіи къ кодексу Фридриха.

Вотъ что писалъ въ 1875 авторъ, непрерывно ссылавшійся на мнѣнія Вольтера и Руссо и котораго можно считать отголоскомъ всеобщаго мнѣнія господствовавшаго въ то время въ пользу кодификаціи, точно также какъ впослѣдствіи онъ былъ представителемъ враждебнаго къ ней отношенія. „Это всеобщее несовершенство современныхъ законодательствъ, писалъ Бернарди въ своихъ Vues sur la justice

civile *), причемъ онъ постарался представить самые недостатки въ преувеличенномъ видѣ, еще не доказываетъ невозможности къ усовершенствованію законодательствъ, какъ доказательство противнаго можно бы противопоставить древность. Тѣмъ не менѣе не представляется невозможнымъ для какого либо государства составить кодексъ законовъ, распредѣленныхъ въ систематическомъ порядкѣ, въ которомъ были бы воспроизведены, въ разныхъ отдѣлахъ, нормы для разныхъ частей общественнаго строя. Во главѣ каждаго отдѣла изложить общія начала такимъ образомъ чтобы частныя законоположенія были только ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ. Затѣмъ, такъ какъ эти общія начала имѣютъ своимъ источникомъ естественный законъ, то основныя положенія этаго послѣдняго должны быть помѣщены въ началѣ кодекса. Такой кодексъ, составляя сводъ нравственныхъ положеній, долженъ войти въ составъ предметовъ воспитанія. Юриспруденція перестала бы быть наукою туманною, исполненною противорѣчій; она, безконечно великимъ объемомъ содержанія ея, не требовала бы громадной затраты человѣческихъ силъ, употребляемыхъ для ея затемнѣнія, подъ предлогомъ изученія. Безъ всякаго преувеличенія думаю, что подобный подвигъ на половину уменьшилъ бы тяжбы."—Двое писателей составляютъ единственное исключеніе мало, по видимому, сочувствуя дѣлу такой кодификаціи, такому единству законодательства, къ которому, казалось, устремлены были желанія всѣхъ **). Поэтому то, мнѣнія ихъ не были уважены и когда разразилась революція 1789, подготовленная въ значительной степени философскими идеями, эти послѣднія перешли изъ области теоріи въ сферу практическаго ихъ приложенія.

---

*) Въ видѣ продолженія къ его *Essai* sur les revolutions du Droit français, стр. 353. Сравните то, что онъ излагаетъ въ этой брошюрѣ съ книгою IX, глав. I—V его сочиненія изданнаго въ 1816, подъ заглавіемъ: *De l'origine et des progrès de la législation francaise ou Histoire du droit, public et privé de la France.*

**) L' encyclopedie méthodique, Iurisprudence, vo loi, § VI, t. V. p. 592—594 et pag 588. Ce volume fut publié en 1785.

Учредительное собраніе, перечисливъ всѣ права даруемыя конституціею гражданамъ, объявило что будетъ составленъ для государства общій кодексъ гражданскихъ законовъ.(Конст. 3—14 Сент. 1791, т. I.). Оно само составило политическій кодексъ и уголовный кодексъ, предоставя будущимъ собраніямъ заботу осуществить его постановленіе относительно кодификаціи законовъ гражданскихъ. Конвентъ принялъ на себя эту работу и 22 Августа 1793 представленъ былъ проектъ, составленный комитетомъ составленія законовъ *).

Въ своемъ докладѣ юрисконсультъ Камбасересъ, сообразуясь съ духомъ времени, излагалъ основные принципы новаго кодекса, въ которыхъ не трудно усмотрѣть философскіе, въ то время господствовавшіе. Необходимо, утверждалъ онъ, послѣ долгаго шествія по пути рузрушенія, воздвигнуть величественное зданіе гражданскаго законодательства, зданіе простое по его устройству, но грандіозное по его размѣрамъ, величественное благодаря его простотѣ и тѣмъ болѣе прочное, что въ основаніе его находится не зыбкая почва системъ, но твердый фундаментъ естественныхъ законовъ и дѣвственная земля республики.» «Какой же принципъ, къ которому мы должны стремиться? это единство, эта честь первымъ послужить великимъ для народовъ примѣромъ: обновить и сократить ихъ законодательство. Истина едина и недѣлима. Внесемъ же въ составъ нашихъ законовъ тотъ же духъ, какой царствуетъ въ нашемъ политическомъ строѣ. И такъ какъ равенство, единство и цѣльность ознаменовали учрежденіе республики, то эти единство и равенство да руководятъ нами и при составленіи нашего гражданскаго кодекса. Однимъ словомъ, должно достигнуть посредствомъ небольшаго числа законоположеній этаго гармоническаго единства, составляющаго силу соціальнаго тѣла, направляющаго непостижимо стройно всѣ движенія, почти также какъ простые законы сотворенія управляютъ движеніемъ и гармоніею вселенной. Я изложилъ

*) См. *Монитеръ* 23 Августа 1793.

предъ Вами, граждане, основныя, руководящія положенія, которыми пользовался комитетъ составленія законовъ въ великомъ, на него возложенномъ Вами дѣлѣ. Обозрѣвая обширность его обязанностей, комитетъ не замедлилъ удостовѣриться въ томъ, что хорошій кодексъ долженъ заключать въ себѣ общія начала и элементы, указывающіе ихъ. Законодатель трудится для народа. Онъ, преимущественно, обращается къ народу: задача его выполнена, когда онъ услышанъ народомъ..."

Этотъ докладъ заключенъ слѣдующими словами: „составляя новый кодексъ, представляемый Вамъ, мы далеки были отъ предвзятой мысли изобрѣсти теорію или систему!, системы, мы ея не имѣемъ: въ увѣренности что всѣ науки имѣютъ свои химеры, природа была единственнымъ вѣщателемъ, котораго мы вопрошали. Счастливый, стократъ счастливый сыновній поворотъ къ этой всеобщей матери нашей! какое освобожденіе отъ мукъ! какая богатая жатва кротости и утѣшеній, которыхъ бы она не могла намъ дать! Къ несчастію предметы болѣе доступны нежели умы сговорчивы и въ трудномъ искусствѣ содѣлать законы желанными, приходится разсчитывать на дѣйствіе общественнаго разума, которому ничто не противостоитъ. Какое предпріятіе! воскликнутъ угнетенные недовольные: предпріятіе все одновременно измѣнить въ школахъ, нравахъ, обычаяхъ, умахъ и законахъ великаго народа! Безсмертный Бэконъ отвѣчалъ недовольнымъ его вѣка, выражавшимъ подобное удивленіе: „если удивляются моей дерзости, то я еще болѣе долженъ удивляться нашей слабости и тому, что не находится достаточно сильной души чтобы воздать должное истинѣ и обратить человѣка къ природѣ" (Монитеръ отъ 23 и 24 Августа 1793).

Несмотря на подобныя многообѣщавшія рѣчи и примѣненіе началъ свободы и равенства къ дѣламъ бракоразводнымъ и о раздѣлахъ наслѣдства между дѣтьми незаконными и законными, проектъ оказался недостаточно простымъ и не вполнѣ преобразовательнымъ и признано было начертать другой болѣе сообразный съ идеями того времени о коди-

фикаціи; *) но только нѣкоторыя статьи подвергнуты были обсужденію и затѣмъ когда въ третій разъ, во время Директоріи, (24 преріаля годъ IV) составленъ былъ новый проектъ, то пришлось его измѣнить въ духѣ новыхъ идей, распространить и совершить заимствованія изъ прежняго права. Обсуждая именно этотъ послѣдній проектъ, составители Наполеонова кодекса выразили: „нѣсколько лѣтъ тому назадъ, консулъ Камбасересъ издалъ проектъ кодекса, въ которомъ предметы распредѣлены съ такою же точностью, какъ и методомъ. Этотъ сановникъ, столь же мудрый какъ и просвѣщенный, ничего не оставилъ бы недовершеннаго, если бы онъ могъ воспользоваться всѣми своими знаніями и

*) Въ докладѣ читанномъ Камбасересомъ 23 фруктидора годъ II высказаны слова характеризующія духъ проекта: „На сколько же велико призваніе законодателя! Облеченный державнымъ народомъ функціею верховной власти, держа бразды управленія всѣми соціальными элементами, онъ ими распоряжаетъ, приводитъ въ порядокъ, сочетаетъ, нормируетъ ихъ, и какъ *разумъ созидающій*, даровавъ бытіе и жизнь политическому тѣлу, вноситъ въ него мудрость, иначе сказать нравственное здравіе, обезпечиваетъ дальнѣйшее его существованіе регулируя его силы и движенія.... Вы не повернете назадъ съ избраннаго пути, не забудете, что *неизмѣнность* составляетъ первый признакъ хорошаго законодательства.... Что можетъ быть величественнѣе и прекраснѣе на землѣ—народа осчастливленнаго своими законами; но для достиженія этаго необходимы два средства: сила правительства и непоколебимость законовъ. Первобытные народы начертали свои законы на камнѣ и бронзѣ, какъ бы въ знакъ ихъ непоколебимости и неизмѣнности; мы же, болѣе просвѣщенные запечатлѣваемъ наши законы въ сердцахъ людей, печатью свободы; въ чемъ же должна заключаться санкція ихъ? въ клятвахъ ли? но преступленіе нарушаетъ ихъ, а добродѣтель ими оскорбляется! Алтари и боги? Миносъ выдавалъ составленные имъ для Критянъ законы, какъ исходящіе отъ Юпитера; Солонъ, Ликургъ, Нума, даже Платонъ не предлагали ни одного закона, не подкрѣпляя его вѣрою въ его божественное происхожденіе и утвержденіе оракулами. И что же произошло? законы не пережили народовъ и пали вмѣстѣ съ оракулами. Какого можно ожидать обезпеченія законовъ отъ суевѣрія, санкціи ихъ отъ лживыхъ оракуловъ.... Для насъ, болѣе мудрыхъ, свободныхъ отъ предразсудковъ, наши законы служатъ лишь выраженіемъ естественнаго закона, санкціонированнаго разумомъ и обезпеченнаго свободою“. (Монитеръ отъ 25 фруктидора годъ II).

принципами, и неотразимыя и временныя обстоятельства не возвели на степень юридическихъ аксіомъ заблужденій, которыхъ онъ не раздѣлялъ“ *). То что составители кодекса называли заблужденіями были именно ложныя понятія о кодификаціи, которыя тщетно старались осуществить и которыя, не смотря на эти неудачи, удерживались, и могу сказать и до нынѣ еще существуютъ. И такъ замѣчательнѣйшіе люди, юрисконсульты, *veram non simulatam philosophiam profitentes*, на которыхъ возложено было дѣло составленія новаго кодекса, должны были прежде всего, для успѣха его, разсѣять господствовавшія заблужденія и возстановить истинные принципы по предмету кодификаціи. Это они выполнили въ превосходномъ предисловіи, достойномъ по его разумности и не менѣе того по благородству стиля, и возвышенности мыслей, служить введеніемъ уложенія великаго народа, уложенія долженствующаго быть образцомъ для всѣхъ новѣйшихъ кодексовъ. Но такъ какъ этотъ памятникъ здравой юридической философіи въ наши дни отчасти уже забытъ, то да позволено будетъ мнѣ воспроизвести главныя его части; въ нихъ мы найдемъ опроверженіе ложныхъ понятій и установленіе истинныхъ по предмету кодификаціи; такимъ образомъ мы дадимъ отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: въ чемъ заключается, можетъ и должна состоять кодификація.

Противъ перваго заблужденія, что для кодификаціи необходимо разрушить все старое и построить законодательство на новыхъ основаніяхъ и изъ новыхъ матеріаловъ, наши современные законодатели отвѣчаютъ, что изданіе гражданскаго законодательства, для великаго народа, есть дѣло превышающее силы человѣческія, коль скоро задача состоитъ въ дарованіи этому народу совершенно новаго уложенія и въ игнорированіи опыта прошедшаго, традицій здраваго смы-

*) Вступительная рѣчь перваго проекта Гражданскаго Кодекса. Проектъ и докладъ Камбасереса представлены были въ Conseiles des anciens, 24 преріаля годъ IV (См. Монитеръ 30 преріаля) и воспроизведены въ монитерѣ 9 фруктидора годъ IV и слѣд.

сла, правилъ и положеній, образующихъ духъ вѣковъ; что законы не составляютъ исключительно акты власти; что законодатель еще менѣе повелѣваетъ нежели священнодѣйствующій; что онъ не долженъ терять изъ виду что законы существуютъ для людей, а не люди для законовъ; что эти послѣдніе должны быть сообразны съ характеромъ, обычаями и положеніемъ народа, для котораго они установлены; что необходимо быть осторожну въ нововведеніяхъ по предмету законодательства; что вмѣсто того чтобы измѣнять законы, всегда гораздо полезнѣе изыскать для гражданъ новыя побужденія чтобы любить законъ; что исторія едва представляетъ изданіе двухъ или трехъ хорошихъ законовъ въ продолженіе многихъ столѣтій; что наконецъ право предлагать перемѣны принадлежитъ лишь тѣмъ *счастливо одареннымъ отъ природы людямъ, которые въ состояніи однимъ порывомъ генія своего и какъ бы внезапнымъ вдохновеніемъ проникнуть во всю систему государственнаго устройства.*

Этимъ составители Наполеонова кодекса порвали связь съ революціонными идеями по предмету законодательства и въ то же время противъ философскихъ измышленій выставили то положеніе что „*законы существуютъ для людей, а не люди для законовъ*“ и возстановили истинные принципы относительно образованія человѣческаго общества и права: „нерѣдко разсуждаютъ, продолжали они, такъ, какъ будто бы человѣческій родъ прекращался и возникалъ въ каждый моментъ, безъ всякой связи преходящаго поколѣнія съ заступающимъ его. Но поколѣнія слѣдуя одно за другимъ смѣшиваются, скрещиваются, сливаются. Законодатель изолировалъ бы свои установленія отъ всего того, что можетъ ихъ натурализовать на землѣ, если бы не обращалъ тщательнаго вниманія на естественныя отношенія, болѣе или менѣе связующія настоящее съ прошедшимъ и служащія причиною, что народъ, по крайней мѣрѣ, пока не подвергся истребленію или не впалъ въ состояніе разложенія худшаго чѣмъ уничтоженіе, не перестаетъ до извѣстной степени сохранять черты своей тождественности. Въ наше время мы слишкомъ увлекались перемѣнами и преобразованіями; если по

предмету учрежденій и законовъ, вѣка невѣденія служили ареною злоупотребленій, то вѣка философіи и просвѣщенія представляютъ нерѣдко зрѣлище своеволія". Затѣмъ указавъ на постепенность образованія права, они заключили не менѣе вѣрнымъ чѣмъ первое дополнительнымъ положеніемъ: „*кодексы народовъ суть дѣло времени; точнѣе выражаясь, они не сочиняются*".

И такъ, по мнѣнію составителей Наполеонова кодекса, кодексы возникаютъ изъ развитія и усовершенствованія законодательства, они должны всегда быть соотвѣтственны состоянію общества не только по ихъ содержанію, но и по формѣ и пространству. Противъ мнѣнія всеобще распространеннаго и на источникъ котораго мы уже указали о томъ, что при изданіи гражданскаго кодекса можно ограничиться нѣсколькими точными положеніями по каждому предмету, они возражаютъ: „такое большое государство какъ Франція, земледѣльческое и торговое, въ которомъ совмѣщаются столь различные роды занятій и промышленности, не могло бы довольствоваться столь же простыми законами, какіе свойственны бѣдному или болѣе ограниченному общественному союзу. Законы XII таблицъ, безпрестанно выставляются какъ образецъ: но можно ли установленія возникающаго народа сравнивать съ таковыми же у народа, достигшаго высшей степени богатства и цивилизаціи.... заботливость законодателя должна соразмѣряться съ количествомъ и значеніемъ предметовъ, подлежащихъ нормированію. Отсюда, въ кодексахъ благоустроенныхъ націй, мы встрѣчаемся съ тою рачительною предусмотрительностью, которая служитъ причиною усиленія казуистики и повидимому возводитъ самый разумъ на степень искусства". Что же касается возраженія основаннаго на томъ, что народъ въ этомъ лабиринтѣ казусовъ не въ состояніи распознать чего именно онъ долженъ избѣгать и чѣмъ руководствоваться для огражденія непоколебимости своихъ владѣній и своихъ правъ, составители Наполеонова кодекса отвѣчали замѣтивъ „что самый простой кодексъ не можетъ быть доступнымъ для всѣхъ классовъ общества; что необходима извѣстная опыт-

ность для разумнаго примѣненія законовъ; что было бы ошибкою думать, что можетъ существовать такой составъ законовъ въ которомъ были бы предусмотрѣны всѣ возможные случаи и притомъ былъ бы доступенъ для каждаго гражданина".

Вѣрные своимъ принципамъ, тѣмъ не менѣе они не обманываются относительно совершенства и долговѣчности ихъ творенія и заявивъ, что было бы безразсудно увлекаться абсолютными идеями совершенства въ предметахъ, для которыхъ возможно лишь относительное совершенство, они признаютъ, что законодатель не въ силахъ все предусмотрѣть въ настоящемъ, а тѣмъ болѣе въ будущемъ. „Какимъ образомъ остановить дѣйствіе времени? Какимъ образомъ воспротивиться движенію событій и незамѣтному измѣненію въ нравахъ? Возможно ли знаніе и разсчетъ въ томъ, что открывается посредствомъ опыта?" Но сколько бы не отличался полнотою кодексъ, тотчасъ по изданіи его рождается тысяча неожиданныхъ вопросовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло судьѣ. И это потому, что законы однажды изданные остаются въ томъ видѣ, въ какомъ были начертаны Люди, напротивъ того, никогда не остаются въ состояніи покоя. Они всегда дѣйствуютъ: и это непрерывное движеніе, послѣдствія котораго дифференцируются обстоятельствами, ежеминутно порождаетъ новое сочетаніе, какое нибудь новое событіе, какой нибудь новый результатъ". Внѣ кодексовъ на сколько бы полною не предполагалась кодификація и что весьма важно констатировать, могутъ существовать и необходимо существуютъ вспомогательные источники права или дополнительныя положенія, заимствуемыя изъ естественнаго права или справедливости, обычнаго, доктрины и юриспруденціи. На ряду съ внѣшнимъ и неизмѣннымъ дѣйствіемъ законовъ, составители Наполеонова кодекса допускаютъ также „вліяніе и пользу молчаливаго соглашенія,—этой невидимой силы, посредствомъ которой народы спокойно и безъ потрясенія находятъ коррективъ и для плохихъ законовъ и охраняютъ общество отъ ошибокъ законодателя и даютъ возможность послѣднему избѣжать ихъ самому". Эта-то невидимая власть

и приводитъ право въ гармонію, иначе же, согласуетъ народъ съ его идеями, нравами и потребностями.

Такъ предъ великимъ разумомъ юрисконсультовъ падаютъ всѣ порожденныя и распространенныя философіею XVIII вѣка ложныя идеи о кодификаціи и установляется истинное объ ней понятіе. Кодексы для насъ уже не представляются какъ твореніе революціи, какъ произведеніе произвола или философской системы, но какъ результатъ прогрессивнаго развитія права проявляющійся въ новой формѣ для согласованія его съ новыми потребностями, съ новымъ состояніемъ общества. Кодификація составляетъ преобразованіе въ правѣ, соотвѣтствующее соціальной реформѣ. Посредствомъ кодексовъ законодатель не создаетъ новаго права, онъ констатируетъ лишь добытые результаты, подвергаетъ ихъ пересмотру и критической оцѣнкѣ, приводитъ въ порядокъ и согласуетъ ихъ между собою и установляетъ единый законъ.

Но кодификація не заключается ли еще въ чемъ либо другомъ? Одинъ изъ главныхъ упрековъ, который былъ сдѣланъ исторической школѣ, и который, кажется, можно бы сдѣлать изложенной нами системѣ, это поставленіе законодателя въ чисто пассивную роль, ограничивая его дѣятельность констатированіемъ въ извѣстныя эпохи результатовъ данныхъ развитіемъ права, результатовъ и развитія произведенныхъ внутреннею силою, какъ бы посредствомъ какого то прозябенія, безъ всякаго со стороны законодателя содѣйствія.

Если такова доктрина исторической школы, то на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на одинъ изъ видовъ реакціи противъ философскихъ идей по предмету кодификаціи, реакцію всегда выходящую за предѣлы истины, которую мы не затруднились бы подвергнуть осужденію наравнѣ съ послѣдними. Допуская, дѣйствительно, что право въ нѣдрахъ націи образуется посредствомъ внутренней силы, отсюда еще не слѣдуетъ, что законодатель не принималъ участія въ его развитіи, то направляя его, то помогая ему, или даже присовокупляя новое и дополняя существующее.

Сравните, если угодно, право съ языкомъ народа рождающимся и развивающимся вмѣстѣ съ нимъ, неужели не ис-

тинно, какъ это основательно уже было замѣчено, что геній въ этомъ развитіи приходитъ на помощь народу, что наступаетъ эпоха, когда обнявъ разнообразные элементы слова очищаетъ ихъ и раскрываетъ всѣ красоты его? Не правда ли, что у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ были преобразователи, писатели, которые силою своего генія преобразовали языкъ ихъ времени, создали для него кодексъ, сдѣлались законодателями слова? И народъ далеко не тяготясь новыми формами, вскорѣ въ нихъ видѣлъ точное выраженіе, хотя и болѣе облагороженное, его способовъ мыслить и чувствовать *). Великій поэтъ **), который обычай возводитъ на степень правила и закона слова:

. . . . . Usus
Quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi.

признаетъ самъ право за писателями прибавить въ языкѣ новое слово, въ особенности, когда оно предназначено для названія новаго предмета.

. . . . . licuit semperque licebit signatum praesente nota producere nomen.

Почему же не было бы точно тоже и въ правѣ? Пусть же ссылаются на сравненія, употребляемыя исторической школой, это нисколько не помѣшаетъ къ признанію того, что вмѣшательство законодателя въ дѣлѣ нововведенія возможно и полезно. Иногда это вмѣшательство въ положительномъ правѣ придется признать необходимымъ, если придерживаться принциповъ этой школы.

Когда нація развивается прогрессивно безъ потрясенія, безъ революціи, то понятно, что дѣйствіе законодателя можетъ быть ограничено предѣлами ревизіи, приведенія къ единству, согласованія. Совершенно иное когда революціею произведены коренныя перемѣны въ прежнемъ состояніи общества. Для новаго порядка вещей необходимы и новыя правила, и такъ какъ эти правила не могутъ быть установлены медленнымъ и постепен-

*) Аренсъ, Cours de droit naturel, 4 édition, pag. 214.
**) Горацій, De arte poetica, стих. 71—72 и 58—59.

нымъ образованіемъ національнаго права, то необходимо должны быть даны законодательствомъ. Въ этомъ случаѣ роль законодателя становится активною, творческою. Безъ сомнѣнія, это воздѣйствіе можетъ совершиться и помимо кодификаціи; потому что частными законоположеніями обыкновенно удовлетворяются новыя потребности, какъ это бываетъ въ промежуточные періоды: при этомъ, вмѣстѣ съ составителями Наполеонова кодекса, слѣдуетъ оговориться, что революціонныя и переходныя эпохи неблагопріятны для кодификаціи. Но затѣмъ кодификація вскорѣ становится необходимою для согласованія новыхъ принциповъ выработанныхъ революціею съ прежними принципами, и для осуществленія этой задачи недостаточно только пересмотра законовъ законодателемъ, но надобно, чтобы онъ сдѣлалъ выборъ между противоположными началами, принялъ на себя творческую и преобразовательную функцію. Кодификація послѣ того составляетъ дополненіе, завершеніе его дѣятельности. Говоря объ революціи, я не разумѣю подъ нею исключительно насильственныхъ и коренныхъ переворотовъ, но и тѣ изъ нихъ, которыя происходятъ скрыто въ нравахъ и идеяхъ и вызываютъ съ неменьшею необходимостью, какъ и первые, вмѣшательство законодателя. Не имъ ли мы обязаны наибольшею частью новыхъ кодексовъ Европы? Это, по крайней мѣрѣ, очевидно признаетъ Савиньи *).

---

*) Вотъ отвѣтъ Савиньи на упрекъ сдѣланный исторической школѣ за игнорированіе ею воздѣйствія законодателя на образованіе права:

„Ученіе мною изложенное о природѣ и предметѣ закона было плохо понято. Полагали что этимъ ученіемъ отводилась для законодателя второстепенная роль, унижавшая его достоинство, и осуждалось, надобно подразумѣвать, все законодательство какъ безполезное и даже опасное. Я опровергну это ошибочное мнѣніе объяснивъ дѣйствительное вліяніе, оказываемое законодательствомъ на образованіе права и пространство этого справедливаго вліянія, оказываемаго съ двоякой стороны, потому что законодательство восполняетъ положительное право и способствуетъ его прогрессивному развитію. Законодательство еще болѣе воздѣйствуетъ на прогрессивное развитіе права, когда перемѣна въ нравахъ, понятіяхъ, потребностяхъ, вызываютъ реформы въ немъ,

То же самое выражали составители Наполеонова кодекса. „Мы сохранили, утверждали они, изъ законовъ, изданныхъ нашими національными собраніями по предметамъ гражданскаго права, всѣ тѣ, которые состоятъ въ связи съ великими перемѣнами, произведенными въ политическомъ строѣ, или которые сами по себѣ казались намъ заслуживающими предпочтенія передъ устарѣвшими и негодными институтами. Надобно измѣнять, когда самымъ гибельнымъ изъ всѣхъ нововведеній было бы—ничего новаго не вводить. Не слѣдуетъ быть уступчивыми предъ темными предубѣжденіями. Все что древне, было ново. Существенно одно, чтобы новымъ институтамъ сообщить характеръ постоянства и устойчивости, которыя обезпечили бы за ними право сдѣлаться древними".

Если кодификація не заключается въ полномъ юридическомъ переворотѣ, то въ то же время ошибочно и то, чтобы она не состояла всегда въ оффиціальномъ признаніи и въ новой формѣ уже существовавшаго; безъ сомнѣнія, что это такъ; но она можетъ заключаться еще въ чемъ либо другомъ.

Другой упрекъ сдѣланный исторической школѣ и который можно бы формулировать противъ нашего воззрѣнія на кодификацію, состоитъ въ предположеніи, что будто бы этимъ

или когда движеніемъ времени требуются новыя установленія. Эти новые элементы могутъ быть даны тою невидимою силою, которая послужила къ образованію положительнаго права. Но здѣсь въ особенности воздѣйствіе законодателя представляется благотворнымъ и необходимымъ. Такъ какъ разныя причины, мною указанныя, дѣйствуютъ медленно и постепенно, необходимо существуетъ переходная эпоха, когда право дѣлается сомнительнымъ и эту сомнительность законъ призванъ устранить; съ другой стороны, различные институты права связываются между собою и воздѣйствуютъ другъ на друга; каждый новый принципъ можетъ, разумѣется, незамѣтно для насъ, противорѣчить другимъ принципамъ, притомъ никѣмъ не опровергнутыхъ. Для устраненія этихъ затрудненій, необходимы разсужденія, соображенія, которыя могутъ исходить единственно отъ дѣйствія личнаго. На основаніи предшествовавшихъ объясненій, очевидно, что законодательство нисколько не ниже чисто народнаго права, т. е. не облеченнаго въ форму закона" (*Traité du droit romain*, t. I, p. 38—41).

отрицается воздѣйствіе философіи и разума на составленіе кодексовъ. На этотъ упрекъ я буду возражать впослѣдствіи и мнѣ не трудно будетъ доказать, что онъ нынѣ столь же не основателенъ, какъ и первый. Я считаю себя обязаннымъ пока заявить, что если я и призналъ нужнымъ отвергнуть какъ ложныя и гибельныя для права и самой кодификаціи, философскія идеи XVIII вѣка о составленіи кодексовъ, идеи, въ которыхъ я усматриваю злоупотребленіе разумомъ и философіею, то въ то же время я не имѣлъ въ виду отрицать примѣненіе ихъ и игнорировать благотворное воздѣйствіе, которое они могли и могутъ оказывать, во всѣ времена, на право и законодательство.

(*Продолженіе будетъ*).

ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЕГО СОСТОЯНИИ.

ГЛАВА III.

ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ.

Исторія западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ тюремъ, какъ мы видѣли, *) представляетъ три періода: устрашительный, филантропическій и политическій. Первый періодъ тюремной дѣятельности самый продолжительный; онъ обнимаетъ собой почти все время отъ момента возникновенія тюрьмы, какъ мѣры предупредительной и карательной, до конца прошлаго столѣтія. Забота о тюрьмахъ и заключенныхъ въ нихъ выражалась въ этотъ періодъ исключительно въ томъ, что бы высокія стѣны и тяжелыя цѣпи представляли достаточныя гарантіи противъ побѣговъ заключенныхъ. По самому характеру тюремной дѣятельности этой эпохи, по крайней несложности и простотѣ ея задачъ, наконецъ—благодаря чисто бытовымъ, культурнымъ условіямъ средневѣковой жизни, тюремный вопросъ не могъ сдѣлаться предметомъ литературной обработки; поэтому до появленія въ 1777-мъ году сочиненія Джона Говарда (The State of the Prisons) едва-ли можно указать хоть одно изслѣдованіе, спеціально посвященное тюремному вопросу. Въ филантропи-

*) Юридическій Вѣстникъ за 1875 годъ, книжки седьмая, восьмая и девятая, стр. 65, 66.

ческій періодъ тюремной реформы, когда тюремная дѣятельность характеризуется стремленіемъ различныхъ благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ облегчить и улучшить матеріальное положеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, вызвать сочувствіе и вниманіе къ участи заключенныхъ, въ этотъ періодъ, говоримъ мы, тюремная литература получила свое начало. Филантропы всѣхъ странъ обратили вниманіе на тюрьмы и среди посѣтителей тюрьмъ начала настоящаго столѣтія можно было встрѣтить не мало лицъ съ громкими аристократическими фамиліями. Тюремный вопросъ въ ту пору сдѣлался моднымъ; онъ служилъ, по выраженію Моро-Кристофа *), канвою, на которой идеологи обѣихъ частей свѣта занимались вышивкой ихъ теорій и темою, которой забавлялись филантропы всѣхъ странъ, на всѣ лады и со всевозможными варіяціями. Преступника считали нужнымъ окружить такими удобствами, о которыхъ не смѣла мечтать масса свободнаго населенія.

Политическій періодъ тюремной реформы наиболѣе богатъ литературной разработкою вопросовъ тюремной дѣятельности; цѣлый рядъ писателей, во главѣ которыхъ наиболѣе видныя мѣста занимаютъ Блекстонъ, Россель, Крауфордъ, Юліусъ и Токвиль, **) открываютъ новое, болѣе раціональное направленіе въ тюремной дѣятельности; согласно этому направленію тюремный вопросъ есть вопросъ соціальный, и на наказаніе должно смотрѣть, какъ на одну изъ мѣръ борьбы общества съ преступленіемъ; филантропія въ

---

*) *Moreaux-Christophe.* Résumé de la question pénitentiaire en France et a l'étranger, Paris 1843, p. 67.

**) „La publication de l'ouvrage de M. M. de *Beaumont et de Toqueville* a fait époque dans les fastes de la reforme pénitentiaire“ — замѣчаетъ *Ducpetiaux* въ первыхъ строкахъ своей обширной работы“ De la reforme pénitentiaire, Bruxelles, 1838, p. III. Относительно сочиненія д-ра Юліуса (Vorlesüngen über die Gefängnisskunde) *Кетле* замѣчаетъ, что это одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, написано объ улучшеніи тюремъ и нравственности арестантовъ. Опытъ общественной физики. Спб. 1865., стр. 188. Сочиненія обоихъ авторовъ переведены на многіе иностранные языки.

ея исключительной формѣ признана была безусловно вредною въ тюрьмѣ, дѣятельность которой, какъ уголовнаго наказанія, должна соотвѣтствовать требованіямъ уголовной политики, иначе сказать—всякая мѣра тюремной дѣятельности на столько полезна или вредна, на сколько она способствуетъ уменьшенію или увеличенію числа преступленій въ обществѣ. Въ разсматриваемый нами періодъ тюремной дѣятельности кромѣ массы отдѣльныхъ брошюръ и монографій по тюремному вопросу въ различныхъ мѣстахъ Европы появились спеціальные періодическіе журналы *) и состоялся рядъ мѣстныхъ съѣздовъ и конгрессовъ.

Рѣдкій спеціальный вопросъ удостоивался такого общаго вниманія, какъ тюремный; нѣсколько международныхъ конгрессовъ были заняты спеціально обсужденіемъ тюремнаго вопроса. Первый международный тюремный конгрессъ состоялся въ 1845 году, во Франкфуртѣ, (на Майнѣ) по иниціативѣ бельгійскаго тюрьмовѣда Дюкпесье; на этомъ конгрессѣ присутствовало 18 человѣкъ, принимавшихъ участіе

---

*) „Iahrbücher der Gefängnisskunde“, издававшійся въ Берлинѣ въ 40 годахъ подъ редакціею Юліуса и Варрентраппа, принадлежитъ къ числу первыхъ спеціально посвященныхъ тюремному вопросу періодическихъ журналовъ. Въ Гейдельбергѣ съ 1864 году „Общество германскихъ тюремныхъ дѣятелей“ имѣетъ свой постоянный журналъ „Blätter für Gefängnisskunde“, выходящій ежегодно въ количествѣ пяти книжекъ; редакторомъ этого журнала состоитъ извѣстный директоръ Брюксальской тюрьмы Густавъ Экертъ. Въ Италіи издается тюремный журналъ „Cesare Beccaria“ подъ редакціею Беллаци. Во Франціи проектировался, если не ошибаемся въ 40-хъ годахъ, спеціальный тюремный журналъ „Revue pénitentiaire et des institutions preventives“ подъ редакціею Моро-Кристофа. Мы имѣемъ въ рукахъ только объявленіе проекта журнала. На сотрудничество въ предполагаемомъ журналѣ изъявили согласіе—Токвиль и Бомонъ (Франція), Россель (Англія), Дюкпесье (Бельгія), Юліусъ (Германія), Фридериксъ Гиль (Ирландія), Давидъ (Копенгагенъ), Нетцель (Стокгольмъ), Пико (Женева), Рамонъ-де-Сагра (Италія) графъ Скарбекъ (Варшава), Суринграръ (Голландія) Варрентраппъ (Франкфуртъ), Іосифъ Виртъ (Вѣна) и др.; судя по именамъ сотрудниковъ, нельзя не пожалѣть, что проектъ не осуществился.

путемъ печати и практической дѣятельности въ тюремной реформѣ Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи, Бельгіи и др. государствъ. Спустя годъ (1846 г.) состоялся второй международный конгрессъ въ Брюсселѣ при участіи 200 человѣкъ. Третій конгрессъ былъ въ 1856 году, а четвертый въ слѣдующемъ году во Франкфуртѣ (на Рейнѣ). Занятія на этомъ конгрессѣ шли по программѣ, составленной Дюкпесье и Варрентраппомъ *).

Въ 1871 году состоялся конгрессъ въ Цинцинати, въ штатѣ Огейо; сѣверо-американское правительство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ этому конгрессу и предварительно обратилось ко всѣмъ Европейскимъ правительствамъ съ просьбой сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ тюремнаго дѣла. Но такъ какъ многія правительства вовсе оставили безъ отвѣта вопросные пункты, предложенные сѣверо-американскимъ правительствомъ, и такъ какъ на конгрессъ не прибыли иностранные делегаты, то по иниціативѣ американца д-ра Уэнса **) (Wines) и при поддержкѣ со стороны президента Соединенныхъ Штатовъ Грандта — въ слѣдующемъ году (3 Іюля 1872 г.) состоялся международный конгресъ въ Лондонѣ, при участіи 300 человѣкъ представителей различныхъ государствъ; каждое правительство имѣло своихъ делегатовъ, между прочимъ отъ лица Россіи таковымъ былъ графъ Соллогубъ. Занятія на Лондонскомъ конгрессѣ были распредѣлены на три группы, сообразно 3 ступенямъ въ жизни лицъ, подпадающихъ уголовному разбирательству: до наказанія, во время показанія и послѣ него.

---

*) О первыхъ международныхъ тюремныхъ конгрессахъ см. у Mittermaier'a „Die Gefängnissverbesserung etc. 1858, S. 63.

**) Вскорѣ послѣ Цинцинатскаго конгресса въ Лондонѣ устроился обширный митингъ, на которомъ постановлено было назначить временемъ конгреса іюль мѣсяцъ 1872 года; дѣло Лайнса нашло сильную поддержку въ Лондонскомъ обществѣ для распространенія общественныхъ наукъ и улучшенія законодательства. (Society for the promotion of social Science and for the improvement of Law).

Первая группа дѣлъ предоставлена была первой секціи съѣзда подъ общимъ заглавіемъ „уголовное право, судопроизводство и полиція"; сюда были включены слѣдующіе вопросы: о желательности введенія или уничтоженія нѣкоторыхъ наказаній; о продолжительности сроковъ заключенія; о рецидивѣ, о подслѣдственныхъ арестантахъ и о выдачѣ преступниковъ. Вторая секція должна была заняться разсмотрѣніемъ слѣдующихъ предметовъ: объ общемъ тюремномъ уставѣ; тюремное управленіе и надзоръ; положеніе и воспитаніе должностныхъ лицъ тюремнаго вѣдомства; устройство тюремъ; тюремная работа; тюремное образованіе и воспитаніе; дисциплинарныя тюремныя наказанія, положеніе несовершеннолѣтнихъ арестантовъ и тюремная статистика. Наконецъ, къ 3-ей секціи отнесены были: условное, досрочное освобожденіе; надзоръ за освобожденными арестантами; попечительныя общества и пріюты для освобожденныхъ; выселеніе ихъ (эмиграція) и возстановленіе правъ (rehabilitation). Такова была въ общихъ чертахъ программа занятій конгресса, который принесъ неоспоримую услугу тюрьмовѣдѣнію; уже самый фактъ возникновенія международнаго конгресса до извѣстной степени содѣйствовалъ популяризаціи тюремнаго вопроса, участіе офиціальныхъ делегатовъ въ занятіяхъ конгресса дало возможность собрать драгоцѣнный матеріалъ относительно положенія тюремнаго вопроса въ Европѣ и Америкѣ; въ засѣданіяхъ конгресса затронуто было много важныхъ вопросовъ и данныя добытыя на конгрессѣ, послужили матеріаломъ для составленія цѣлыхъ монографій, журнальныхъ и газетныхъ статей въ различныхъ концахъ Европы *). Дѣло литературной и научной разработки тюремнаго вопроса повсюду получило сильный толчекъ.

---

*) Такъ напр. во Франціи членъ Лонд. межд. конгресса Робэнъ въ 1874 году издалъ изслѣдованіе (La question pénitentiaire, par E. Robin), составленное исключительно на основаніи трудовъ Лондонскаго конгресса—Transactions of the international penitentiary Congress held in London, july 3—12, 1872.—Въ „Blätter für Gefängnisskunde" (6 Band, 4. Heft, 1872, S. 217 — 282; 6 Band, 5 Heft, S 306 — 333) появилась

Лондонскій международный конгрессъ, между прочимъ, учредилъ постоянный международный комитетъ *), задача котораго заключается въ томъ, что-бы содѣйствовать выработкѣ международной тюремной статистики и подготовить для занятій будущаго конгресса вопросы, имѣющіе международное значеніе. По иниціативѣ этаго комитета предполагается въ нынѣшнемъ году созвать новый международный конгрессъ или въ Римѣ или въ Стокгольмѣ.

Кромѣ международныхъ тюремныхъ конгрессовъ, какъ было замѣчено выше, въ различныхъ мѣстахъ Европы происходятъ отъ времени до времени мѣстные тюремные съѣзды практическихъ и литературныхъ дѣятелей по тюремному вопросу. **) Эти съѣзды находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для обстоятельнаго обсужденія различныхъ вопросовъ, нежели конгрессы; нѣкоторые авторы придаютъ даже мѣстнымъ съѣздамъ больше значеніе, нежели конгрессамъ. ***)

Всѣми этими конгрессами, съѣздами, законадательными

большая статья подъ заглавіемъ „Internationaler Gefängnisscongress in London.“ У насъ въ Россіи—въ Судебномъ Вѣстникѣ напечатано было нѣсколько заграничныхъ писемъ по поводу Лондонскаго конгресса и его занятій доцентомъ С. Петербургскаго Университета И. Я. Фойницкимъ, а въ Вѣстникѣ Европы была помѣщена статья Аненкова, бывшаго вмѣстѣ съ гр. Соллогубомъ, Фойницкимъ и Володимировымъ (проф. Харьковскаго университета) членами Лонд. конгресса.

*) Членами этаго комитета состоятъ: д-ръ Уайнсъ (предсѣдатель), Бельтрани Скалія, (секретарь) Гольцендорфъ, Стифенъ, Гастингсъ, гр. Соллогубъ и др.

**) Укажемъ на нѣкоторые съѣзды; въ Бирмингамѣ (1857 г.), Женевѣ (1863) Гейдельбергѣ (съ 1864 года ежегодно), Бернѣ (1865) Лейцбургѣ и Сенъ-Галли (1867, 1868 и 1869), въ Цюрихѣ (1867), Дрезденѣ (1867 г.), Нейбургѣ (1872) и т. д. О первомъ съѣздѣ упоминаетъ Митермайеръ (Die Gefängnissverbesserung etc. S. 69) о прочихъ см. Blätter für Gefängnisskunde. 1865 1 Band, 1 Heft S. 9—82; Bl. für G-de, 1868. Bd. 5 Heft, S. 381—399; Bl. für G-de 1875; 8 Bd. 1 H., S. 1—35.

***) Рѣчь *Митермайера* на первомъ съѣздѣ „Общества германскихъ тюремныхъ дѣятелей (Vehem der Deutschen strafanstalts—Beamten) Blät. für. G-de, 1865, Bd. 1 H. S. 19.

и частными коммиссіями и т. д. собрано громадное количество сыраго матеріала; поэтому тюремная литература или тюрьмовѣдѣніе (Gefängnisskunde, Gefängnisswissenschaft, System pénitentiaire) представляетъ рѣдкое богатство изслѣдованій; но не смотря на все обиліе монографій, брошюръ и статей, замѣчаетъ извѣстный германскій профессоръ Гольцендорфъ, *) современи появленія сочиненія Юліуса (Vorlesungen über die Gefängniss-kunde von Julius. Berlin, 1828) мы не знаемъ ни однаго изслѣдованія, которое представляло бы полное, объективное изложеніе всего тюремнаго вопроса.

По отзыву многихъ почтенныхъ изслѣдователей и по личному нашему впечатлѣнію, вынесенному изъ изученія тюремной литературы, содержаніе тюрьмовѣдѣнія далеко не соотвѣтствуетъ важности вопроса. Неудовлетворительное состояніе тюрьмовѣдѣнія можно объяснить слѣдующимъ образомъ.

Всякое знаніе, всякая литературная и научная обработка извѣстнаго вопроса возникаетъ и развивается подъ вліяніемъ дѣйствительной жизни. На первыхъ порахъ въ вопросахъ общественныхъ явленій царствуетъ хаосъ и неопредѣленность понятій; та отрасль знанія, которая беретъ на себя трудъ изслѣдовать подобное общественное явленіе не можетъ не отразить на себѣ неблагопріятныхъ практическихъ условій его. Если не легка задача всякой литературы, вызванной къ жизни и дѣятельности силою историческихъ и бытовыхъ причинъ въ младенческій періодъ ея, то тѣмъ съ большею справедливостью можно это сказать о тюрьмовѣдѣніи. Литературная обработка тюремнаго вопроса возникла въ то время, когда еще живучи были традиціонные взгляды на преступника, въ которомъ не хотѣли видѣть «человѣка», за которымъ не хотѣли признать извѣстныхъ общечеловѣческихъ правъ, котораго не считали достойнымъ вниманія и заботы честныхъ людей. Не далеко

*) *Holtzendorff.* Die neuere Gefängnissliteratur. Allg. Deutsche Strafrechtszeutung, Heft 3, 1867, S. 122—145.

было то время, когда умъ человѣческій изощрялся надъ изобрѣтеніемъ самыхъ жестокихъ и мучительныхъ казней. Въ концѣ 18 в. и въ началѣ настоящаго—въ ряду многихъ великихъ историческихъ событій суждено было произойти коренной реформѣ въ сферѣ уголовной репрессіи. Многое грубое и жестокое, еще не такъ давно возбуждавшее протестъ немногихъ, теперь подвергнулось строгой критикѣ; въ эту эпоху выдвинулся тюремный вопросъ. Въ обществѣ на ряду съ прежними принципами и взглядами существовали новые, навѣянные ученіемъ представителей естественнаго права; для успѣха тюремной реформы необходимо было ослабить первыя и популяризировать, оправдать вторыя. Задача тюрьмовѣдѣнія была не легкая; ломая старое обыкновенно приходится давать новое, болѣе соотвѣтствующее духу времени и чѣмъ лучше это новое, чѣмъ богаче оно хорошими и наглядными результатами, тѣмъ скорѣе отходятъ въ вѣчность традиціонные взгляды общества данной эпохи и тѣмъ болѣе облегчается задача литературы.

Тюрьмовѣдѣнію на первыхъ порахъ пришлось не только установить вѣрные принципы наказанія, но также и примѣнить ихъ при безконечномъ разнообразіи индивидуальныхъ особенностей людей; тюрьмовѣдѣніе должно было найти грань между личнымъ правомъ и объективнымъ принципомъ наказанія; изслѣдовать всѣ моменты лишенія свободы и привести ихъ въ правильное соотношеніе. Въ стѣнахъ тюрьмы предстояло рѣшить давнишній споръ между извѣстными теоріями наказанія и практически установить отношеніе между принципомъ абстрактной справедливости и присущимъ жизни дѣйствительной утилитарнымъ принципомъ. Вопросъ о цѣляхъ наказанія не составляетъ болѣе вопроса празднаго; съ тѣхъ поръ, какъ тюремное заключеніе составляетъ почти исключительное наказаніе въ уголовныхъ кодексахъ Европы, когда исполненіе наказанія не представляетъ болѣе минутнаго акта человѣческаго правосудія—этотъ вопросъ перешелъ въ область реальныхъ, практическихъ вопросовъ. Но кромѣ основныхъ вопросовъ уголовнаго права, тюрьмовѣдѣнію, по самому свойству явленій, подлежа-

щихъ его изученію, пришлось натолкнуться на вопросы психологическаго и педагогическаго характера, а именно: возможно-ли исправленіе, перевоспитаніе взрослаго человѣка, каковы должны быть средства для достиженія этой цѣли? Разрѣшеніе подобныхъ психологическихъ вопросовъ требуетъ спеціальныхъ и солидныхъ знаній; искусство узнавать человѣка, понимать тайники его душевной дѣятельности, умѣть вліять на него, искоренять дурныя стороны его характера—составляетъ важнѣйшее и труднѣйшее изъ искусствъ. Оно рѣдко кому дается въ жизни; еще рѣже удается регламентировать правила этого искусства, занести на страницы научнаго изслѣдованія главныя, общія начала его. *) Помимо рѣдкой сложности входящихъ въ область тюрьмовѣдѣнія вопросовъ въ исторіи тюремной литературы, слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство, рѣзко обусловливающее многіе недостатки ея. Дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой системы размѣщенія заключенныхъ игралъ въ тюремной литературѣ роль первостепенной важности; довольно продолжительное время этотъ вопросъ былъ почти исключительнымъ предметомъ споровъ и изслѣдованій въ тюрьмовѣдѣніи. При сосредоточіи всѣхъ изслѣдованій на вопросѣ: какая система размѣщенія заключенныхъ наиболѣе совершенная и непосредственно ведущая къ цѣли, неудивительно, что произведенія тюремной литературы часто страдаютъ односторонностью, субъективизмомъ и довольно безцеремоннымъ обращеніемъ съ фактами и цифрами, т. е. недо-

---

*) Нужно принять во вниманіе, что психологическія знанія, призванныя служить базисомъ тюремной дѣятельности и тюрьмовѣдѣнія, весьма не точны, неопредѣлены; коренныхъ душевныхъ законовъ, замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Миль, вовсе нѣтъ и наука духа есть только отрасль физіологіи, хотя самая высшая и трудная. Согласно этому Контъ не только отрицаетъ научный характеръ психологіи, но, по химерическому свойству ея предметовъ и притязаній, ставитъ ее почти наравнѣ съ астрологіей. См. Система логики Дж. Ст. Милля Спб. 1867. т. II 422—423.

статками, неизбѣжными при полемической постановкѣ всякаго вопроса. *) Благодаря нѣкоторой легкости и поверхности въ изслѣдованіяхъ по тюремному вопросу, послѣдній сталъ предметомъ, о которомъ съ равнымъ успѣхомъ стали толковать люди разныхъ спеціальностей; въ тюрьмовѣдѣніи сталъ преобладать вредный для всякаго знанія диллетантизмъ.

При всемъ томъ тюрьмовѣдѣніе по самому характеру своему принадлежитъ къ числу практическихъ, прикладныхъ знаній. Всякое положеніе изслѣдователя по тюремному вопросу можетъ быть выведено строго эмпирическимъ путемъ изъ фактовъ прямаго наблюденія и опыта. Слѣдуя правильному методу, мы получимъ рядъ эмпирическихъ правилъ, т. е. приблизительно вѣрныхъ обобщеній, которыя, хотя не

---

*) На односторонность въ выборѣ матеріала можно найти много указаній въ тюремной литературѣ; извѣстный Германскій криминалистъ и тюрьмовѣдъ Митермайеръ (Die Gefangnisferbesserung etc. 1858, J. 14) говоритъ объ указанныхъ нами недостаткахъ тюремной литературы. Онъ считаетъ ихъ причиною того разнообразія мнѣній, которое существовало въ его время по вопросу о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой системы размѣщенія заключенныхъ. Другой изслѣдователь—M. Howe (Essai sur la discipline des prisons etc. Paris, 1848, (перев. съ англійскаго) p. 106 указываетъ на пристрастный подборъ цифръ тюремной статистики по вопросу: какая система заключенія болѣе сохраняетъ здоровье арестанта. Далѣе — Варрентраппъ (De l'emprisonnement individuel etc. par George Warrentrapp. Paris 1844. pp. 12 — 13, 32, 36 etc.) полемизируя съ Шарлемъ Лука и Леономъ Фошеромъ, уличаетъ своихъ противниковъ въ неправильномъ и подъ часъ пристрастномъ обращеніи съ цифрами; такъ, между прочимъ, онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они, указывая на большой процентъ смертности между заключенными въ Филадельфійской тюрьмѣ, умолчали о томъ, что величина этаго процента находитъ свое объясненіе въ преобладаніи черныхъ въ числѣ тюремнаго населенія означенной тюрьмы, которые всегда мрутъ въ тюрьмахъ больше, нежели бѣлые а также въ большомъ количествѣ помилованныхъ. Эти факты, замѣчаетъ Варрентраппъ, не могли быть неизвѣстны Леону Фошеру и другимъ противникамъ Филадельфійской системы заключенія. Мы привели только немногіе факты, указывающіе на существованіе указанныхъ нами недостатковъ.—

имѣютъ свойствъ закона, тѣмъ не менѣе могутъ въ значительной степени способствовать правильной постановкѣ тюремнаго вопроса. Собирать такія эмпирическія правила, говоритъ Дж. Ст. Милль, *) составляетъ важную часть пріемовъ соціологической науки и задача всякаго знанія заключается въ томъ, чтобы факты наблюденія и опыта имѣли дѣйствительную цѣнность; только при этомъ условіи цѣнны будутъ выводы, сдѣланные изъ этихъ фактовъ.

Матеріалъ, служащій основаніемъ для выводовъ въ тюремной литературѣ, можно подраздѣлить на наблюденія и опыты лицъ, соприкасающихся съ тюрьмой и цыфры тюремной статистики.

Наиболѣе обширный матеріалъ представляютъ офиціальные отчеты о дѣятельности извѣстной тюрьмы; по мнѣнію одного почтеннаго изслѣдователя **), приведенныя въ этихъ отчетахъ цифры не подлежатъ сомнѣнію, что-же касается всего остальнаго, то къ нему должно относиться съ возможною осторожностью и далеко не все принимать за чистую монету. И дѣйствительно, если съ одной стороны существуютъ отчеты, почтенные составители которыхъ стоятъ на вполнѣ безпристрастной почвѣ и стараются дать фотографически вѣрное представленіе о тюрьмѣ, то съ другой сто-

*) Система логики. т. II. стр. 486.

**) *Z.* Zugschverdt, Der Follzug der Freiheitsstrafe. Wien 1867, S. 6. Это единственное изслѣдованіе, изъ извѣстныхъ мнѣ, гдѣ существуетъ особая глава подъ заглавіемъ: „Quellen fur das studium der gefängnissfrage“ (s. 5 — 14). Далеко не всѣ раздѣляютъ довѣріе названнаго автора къ статистическимъ даннымъ, приведеннымъ въ офиціальныхъ отчетахъ; на сколько скептически относятся къ нимъ доказываетъ, между прочимъ, то общее и громкое одобреніе, которое вызвала рѣчь депутата Германскаго Рейстага Морица Вигерса (Moriz Wiggers), выразившаго сомнѣніе въ правильности цыфръ, приводимыхъ въ офиціальныхъ отчетахъ. См. Blätter fur G-de 1871, 5 Band, s. 75—77. Съ тѣмъ же скептицизмомъ къ даннымъ офиціальнаго отчета относится Howe (Essai sur la discipline des prisons, p. 106).

роны нельзя не замѣтить, что существуетъ цѣлый рядъ условій, которыя могутъ внушить серьезное недовѣріе ко всѣмъ вообще офиціальнымъ отчетамъ. На содержаніе послѣднихъ не рѣдко имѣютъ вліяніе совершенно побочныя обстоятельства; такъ напр., что случается очень часто и по вполнѣ понятной причинѣ, составитель отчета скрашиваетъ темныя стороны въ дѣятельности извѣстной тюрьмы за извѣстный отчетный періодъ и напротивъ—преувеличиваетъ хорошія; или составитель отчета принадлежитъ къ числу рьяныхъ приверженцевъ извѣстной системы заключенія, и на содержаніи отчета, иной разъ помимо сознанія самаго составителя, отразятся его симпатіи и антипатіи; наконецъ составитель отчета можетъ отнестись къ дѣлу съ чисто формальной стороны подобно тому, какъ у насъ относятся становые пристава къ различнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ и т. д. Вообще, пользуясь офиціальными отчетами, слѣдуетъ помнить русскую пословицу «всякъ куликъ свое болото хвалитъ»; *) но данныя отрицательнаго характера имѣютъ несомнѣнную достовѣрность. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что офиціальные отчеты во многихъ мѣстахъ по настоящее время составляютъ канцелярскую тайну и доступны весьма немногимъ. **) Возможная публи-

---

*) Офиціальною литературой, замѣчаетъ г. Фойницкій, можно пользоваться съ осторожностью, по склонности каждаго хвалить свое напр. прусскій отчетъ, за 1871 годъ говоритъ о своихъ тюрьмахъ для тяжкихъ преступниковъ, что онѣ не оставляютъ ничего желать, а между тѣмъ изъ этаго же отчета видно, что въ нихъ 80% рецидивистовъ и весьма незначительное количество книгъ въ тюремныхъ библіотекахъ! См. „Письма изъ за границы“ Суд. Вѣстникъ за 1872 г. № 142.

**) Въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и Англіи офиціальныя отчеты пользуются большею гласностью нежели въ другихъ Европейскихъ государствахъ. Toqueville. Système pénitentiaire etc. p. 118—119. Zuchschwedt., Ibid. S. 7—8. У насъ въ Россіи могутъ имѣть извѣстный интересъ отчеты Попечительнаго о тюрьмахъ общества, если не съ положительной, то съ отрицательной стороны, но эти отчеты нигдѣ не публикуются, отпечатываются въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и притомъ 3, 4-мя годами позже; такъ въ настоящее время, кажется, вышелъ только отчетъ за 1870 годъ или 1871.

кація и гласность этихъ отчетовъ представляетъ надежную гарантію большей правильности выводовъ и большей правдивости фактовъ; постоянная публикація ихъ можетъ въ значительной степени содѣйствовать популярности вопроса, дастъ возможность критически отнестись къ нимъ, провѣрить факты и выводы, указать на недостатки и т. д.

Нѣсколько болѣе цѣнный матеріалъ представляютъ факты личныхъ наблюденій и опыта, сообщаемые практическими дѣятелями не въ офиціальныхъ отчетахъ, а въ отдѣльныхъ монографіяхъ и брошюрахъ. Не рѣдко тюрьмы посѣщаютъ частныя лица и заносятъ на страницы своихъ замѣтокъ и изслѣдованій рядъ личныхъ наблюденій; этотъ матеріалъ можетъ имѣть извѣстную цѣну въ томъ случаѣ, когда знакомство посѣтителя съ тюрьмой не ограничивалось бѣглымъ и однократнымъ осмотромъ, который можетъ показать только рамку картины, а не самую картину; чтобы вынести правильное впечатлѣніе изъ осмотра тюрьмы необходимо познакомиться съ внутреннею жизнью тюрьмы, съ ея особенностями и исключительными условіями ея дѣятельности, нужно знать тѣ моменты, которые наиболѣе имѣютъ значеніе въ достиженіи задачи тюрьмы.

Въ числѣ источниковъ для изученія тюремнаго вопроса особую цѣну имѣютъ отчеты и труды различныхъ коммиссій, будутъ-ли они составлены по иниціативѣ правительства или какого-либо частнаго учрежденія—это безразлично. Коллегіальность состава въ данномъ случаѣ представляетъ извѣстную гарантію противъ субъективизма и пристрастнаго отношенія къ дѣлу; съ этой стороны всякое заключеніе коммиссіи выше заключенія единичнаго лица. *) «Принятый въ Англіи обычай публиковать всѣ матеріалы различныхъ законодательныхъ коммиссій для изслѣдованія тюремнаго во-

*) Въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія Франція, Пруссія и Англія послали въ Америку три коммиссіи для ознакомленія съ Американскими тюрьмами; отчеты Токвиля и Бомона (Франція), Росселя и Крауфорда (Англія) и Юліуса, Грабовскаго и Буссе (Пруссія)—составляютъ эпоху въ исторіи тюремной литературы.

проса, говоритъ Митермайеръ, *) имѣетъ большое вліяніе на доброкачественность этихъ матеріаловъ»; «ни въ одной странѣ нѣтъ столько богатыхъ отчетовъ, какъ въ Англіи, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ изслѣдованіи. **) Примѣръ Англіи не остался безъ подражанія въ Европѣ. Неоспоримую услугу тюрьмовѣдѣнію оказала парижская академія наукъ, которая обратила серьезное вниманіе на тюремный вопросъ; не разъ назначала спеціальныя коммиссіи для изслѣдованія его. Въ началѣ 40 годовъ академія наукъ поручила изслѣдованіе тюремнаго вопроса коммиссіи, состоящей изъ Токвиля, Шарля Лука и Шатоньера.

Не рѣдко въ работахъ различныхъ коммиссій, а также въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ приводятся мнѣніе заключенныхъ о той или другой мѣрѣ тюремной дѣятельности, какъ основаніе для извѣстныхъ выводовъ; такъ какъ ссылки на мнѣнія заключенныхъ въ тюремной литературѣ довольно часты ***), то нѣкоторыми изслѣдователями поднятъ вопросъ—на сколько возможно пользоваться подобнымъ матеріаломъ въ серіозныхъ изслѣдованіяхъ? Цугшвертъ думаетъ, что достовѣрность этаго рода матеріала находится подъ сильнымъ сомнѣніемъ,

---

*) Zugschwerdt, jbid. S. 10. Авторъ цитируетъ *Митермайера* въ ст. послѣдняго Kritische Zeitschrift fur Rechtvissenschaft und gesetzgebung des auslandes. 1855, s. 210.

**) Der Gegenwärtige Stand der Ansichten und Leistungen in Bezug auf Verbesserung der Strafanstalten etc. Blätter für G-de, 1867, 2 Bd., 3 Heft. s. 91.

***) *Toqueville.* Systéme pénitentiaire aux Etats-Unis etc. 1844, p. 297—309; у этаго автора изложенію мнѣній заключенныхъ посвящена цѣлая глава подъ заглавіемъ: „Enquête sur le pénitencier de Philadelphie". *Howe,* ibid. p. 67. Особенно часто у различныхъ авторовъ можно найти ссылки на сочиненія выпущенныхъ изъ тюрьмы политическихъ преступниковъ — Schlätter'a (Das System der Einzelhaft. Manheim 1856), Korvin'a (Die Einzelhaft und das Zellengefängniss in Bruchsal. Hamburg 1857) и Hägel'я (Erfahrungen in einsamer und gemeinsamer Haft. Leipzig. 1857). См. Mittermaier'a „Die Gefängnissverbesserung etc. s. 4, 46, 71—72, 104, 147 u. s. w. Zugschwerdt, ibid., s. 13, 37, 43, 177, 191—192 и 205; этотъ послѣдній авторъ дѣлаетъ различіе между мнѣніями образованныхъ и необразованныхъ арестантовъ.

хотя упомянутый авторъ дальше нѣсколько смягчаетъ свой первоначальный, строгій приговоръ. Гольцендорфъ уподобляетъ мнѣнія заключенныхъ о тюремной системѣ напр., мнѣніямъ учениковъ о школьномъ методѣ. Фактическую сторону въ отзывахъ заключенныхъ часто можно провѣрить; чтоже касается взглядовъ, высказываемыхъ заключенными во время исполненія наказанія, взглядовъ, вытекающихъ изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, то пользованіе этаго рода матеріаломъ часто можетъ повести къ весьма ошибочнымъ заключеніямъ *). Въ жизни заключеннаго существуетъ цѣлый рядъ причинъ, которыя даютъ отрицательный, пристрастный оттѣнокъ его мнѣніямъ; часто недовольство тюремнымъ начальствомъ, общее озлобленное настроеніе ко всему окружающему, желаніе подслужиться начальству и т. д. обусловливаетъ то или другое мнѣніе заключеннаго. Въ тюрьмовѣдѣніи извѣстны случаи, когда заключенные чуть не единодушно, подавали то мнѣніе, которое желательно было слышать директору тюрьмы.

Этими немногими, отрывочными замѣтками мы ограничимся въ разсмотрѣніи той части источниковъ для изученія тюремнаго вопроса, которая заключается въ опытахъ и наблюденіяхъ лицъ, соприкасающихся съ тюрьмой. Этотъ матеріалъ въ большей или меньшей степени носитъ печать

---

*) Можно указать на одинъ изъ многихъ примѣровъ; нѣкоторые изслѣдователи (напр. Король Шведскій Оскаръ, д-ръ Юліусъ, Chück, Митермайеръ, Экертъ и др.) въ числѣ доводовъ въ пользу одиночной системы приводятъ то обстоятельство, что заключенные, высидѣвшіе болѣе или менѣе продолжительное время въ одиночномъ заключеніи не желаютъ переходить въ общія камеры, высказывая при этомъ мысль о превосходствѣ келейной системы заключенія надъ другими. Понятно заблужденіе подобныхъ изслѣдователей относительно приведеннаго факта, который служитъ доказательствомъ только того что заключенные обжились въ тюрьмѣ, свыклись съ убійственнымъ однообразіемъ келейной жизни и находятся, по выраженію датскаго тюрьмовѣда Бруна (Bruun) „in einem gewissen dolce farniente, aus den er sich ungern herausbringen lässt.“ Bruun. Ueber die Vollziehung der Strafarbeit. Heidelberg. 1870, s. 106.

субъективизма; освободиться отъ послѣдняго и установить строго-объективные пріемы при собираніи сыраго матеріала составляетъ ближайшую и непосредственную задачу всякаго знанія.

Въ общегосударственной жизни, въ сферѣ экономическихъ и соціальныхъ явленій статистика играетъ въ высшей степени важную роль. Въ тюрьмовѣдѣніи, подобно тому какъ и въ другихъ отрасляхъ общественныхъ наукъ статистическія таблицы представляютъ вѣрный путь къ нахожденію истины; они въ состояніи дать самое вѣрное понятіе о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой системы заключенія, о цѣлесообразности и полезности извѣстной мѣры тюремной дѣятельности, дать перевѣсъ одной изъ спорящихъ сторонъ, пытающихся, въ большинствѣ случаевъ, рѣшить споръ, основываясь на весьма шаткихъ и сомнительныхъ данныхъ. Но несмотря на такое важное значеніе въ тюрьмовѣдѣніи тюремной статистики, послѣдняя находится въ такомъ положеніи, что представляетъ весьма серьезныя препятствія и неудобства въ пользованіи ея данными. Кому случалось самому работать надъ матеріалами тюремной статистики или читать труды, относящіеся къ этой области, тотъ знаетъ въ какомъ младенческомъ состояніи находится эта важная отрасль соціологіи; состояніе общеуголовной статистики крайне неудовлетворительно, не смотря на труды такихъ статистиковъ, какъ Кетле, Герри, Вагнеръ и др., но положеніе тюремной статистики еще безотраднѣе. Здѣсь едва закладывается фундаментъ, а имѣющійся сырой матеріалъ или никуда не годенъ, или сомнительной достовѣрности. Причины такого положенія тюремной статистики понятны; эти причины общія съ причинами неудовлетворительнаго состоянія обще-уголовной статистики. Отсутствіе однородности, недостатокъ номенклатуры и регистраціи данныхъ объясняютъ тѣ затрудненія которыя испытываетъ всякій серіозный изслѣдователь, когда ему приходится имѣть дѣло съ цифрами уголовной и тюремной статистики. Только при однородности данныхъ, при однообразной номенклатурѣ и при общемъ и опредѣленномъ порядкѣ регистраціи, возможно поль-

зованіе сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, безъ котораго значеніе и польза статистическихъ данныхъ сводятся къ нулю, такъ какъ сравненіе принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ могущественныхъ средствъ въ системѣ доказательствъ. *) Прежде чѣмъ подтвердить только что высказанное мнѣніе о тюремной статистикѣ при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ рубрикъ тюремной статистики, мы позволимъ себѣ остановиться на существующихъ въ различныхъ государствахъ тюремно-статистическихъ изданіяхъ**).

Во Франціи существуетъ нѣсколько подобныхъ изданій; самое полное и наиболѣе важное изъ нихъ-это „Statistique des prisons et établissenients pénitentiaire", которое ведетъ свое начало съ 1852 года ***). Таблицы этой статистики печатаются при ежегодномъ отчетѣ директора тюремной администраціи; „тактъ, съ которымъ составляются эти отчеты, замѣчаетъ Г. Фойницкій, дѣлаетъ ихъ весьма важнымъ подспорьемъ для научной обработки тюремной статистики и, обнимая всѣ тюремныя учрежденія государства, отчеты директора тюремной администраціи даютъ правительству постоянную возможность быть au courant всего тюремнаго дѣла." Означенное изданіе имѣетъ по преимуществу административно-практическую задачу служить настольною книгою всѣхъ смотрителей тюремъ, подвѣдомственныхъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; оно знакомитъ ихъ со всѣми теку-

---

*) Nous ne pouvons donc rien juger, quand nous ne pouvons rien comparer, совершенно справедливо замѣчаетъ Моро Кристофъ, „et nous ne pouvons rien juger, quand nous manquions des moyens de voir, de combiner, d'apprécier les choses de divers points."

**) Часть нижеслѣдующихъ свѣдѣній относительно существующихъ въ настоящее время спеціальныхъ тюремно-статистическихъ изданій мы почерпнули изъ прекраснаго реферата по тюремной статистикѣ, читаннаго въ засѣданіи Географическаго общества доцентомъ С.-Петербургскаго Университета И. Я. Фойницкимъ. См. Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1874 г., томъ X, страница 119—151.

***) *Mittermaier*, Der gegenvärtige Stand etc, „Bl. für G-de, 3 Bd. 34. S 153."

щими распоряженіями правительства, указываетъ на какія стороны тюремной жизни обращено преимущественное вниманіе высшаго правительства и пріучаетъ ихъ къ составленію требуемыхъ послѣднимъ отчетовъ. Военное Министерство съ 1867 года имѣетъ свое собственное изданіе по тюремной статистикѣ, а Министерство Юстиціи помѣщаетъ тюремно-статистическія свѣдѣнія въ матеріалахъ обще-уголовной статистики, именно: Notices sur la transportation à la Gvyanne francaise et à la Nouvelle Calédonie, выходящихъ ежегодно подъ заглавіемъ „Compte général de l'administration de la justice criminelle en France". Такимъ образомъ тюремно-статистическія данныя собираются во Франціи тремя отдѣльными вѣдомствами, при чемъ между этими вѣдомствами не предпринято соглашенія относительно установленія общихъ формулъ и общаго порядка регистраціи статистическихъ данныхъ,

Въ Англіи существуютъ слѣдующія изданія:

1) Reports of the directors of Convict prizons, — отчеты о каторжныхъ тюрьмахъ, находящихся въ самой Англіи и другихъ мѣстахъ. Изданіе это представляетъ сборникъ отчетовъ по каждой тюрьмѣ отдѣльно, при чемъ данныя не сведены къ одному цѣлому.

2) Тотъ-же сепаративный характеръ имѣютъ отчеты окружныхъ инспекторовъ о земскихъ тюрьмахъ, выходящіе ежегодно двумя небольшими книжками; одна для сѣверной, другая для южной части Англіи.

3) Reports of the inspectors appointed to visit the cortified Reformatory and industrial Schols—заключаетъ въ себѣ отчеты учрежденій для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Въ этомъ тюремно-статистическомъ изданіи особенно серіозное вниманіе обращено на результаты дѣятельности исправительныхъ и индустріальныхъ школъ; здѣсь можно найти цифровыя данныя о положеніи вышедшихъ на свободу несовершеннолѣтнихъ заключенныхъ, о поведеніи ихъ, о рецидивѣ и т. д.

4) Всѣ перечисленные отчеты сводятся къ одному цѣлому въ ежегодномъ изданіи судебной статистики (Judicial Stati-

stics), имѣющемъ особый отдѣлъ для тюремъ; здѣсь вмѣсто сепаративныхъ описаній мы находимъ общія тюремно-статистическія таблицы.

Кромѣ названныхъ изданій, въ Англіи существуетъ еще особое изданіе для военно-тюремной статистики, подъ заглавіемъ Reports on the Discipline and Management of the Military prisons.

Соединенные Штаты Сѣв. Америки не имѣютъ центральнаго учрежденія, для управленія всѣми тюрьмами Штатовъ, а потому общихъ тюремно-стастистическихъ изданій здѣсь вовсе не существуетъ; частныя же общества, по выраженію Уэнса *), находятся пока въ младенческомъ состояніи. Полнѣйшая автономія каждаго штата въ управленіи своими тюрьмами, отсутствіе всякаго соглашенія въ дѣлѣ установленія извѣстнаго единообразія въ тюремной статистикѣ, наконецъ, разнообразіе судебныхъ юрисдикцій—все это вполнѣ объясняетъ хаотическое состояніе тюремной статистики въ Америкѣ.

Въ *Германіи* изданія по тюремной статистикѣ, обратившей на себя вниманіе только въ послѣдніе время, отличаются чрезвычайною краткостью тюремной статистики и сепаративностью сообщаемыхъ ими данныхъ. Управленіе тюрьмами въ Пруссіи раздѣляется между министерствами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ; послѣднее съ 1869 года издаетъ «Statistik der Zum Ressort des Ministeriums des Innern gehörenden Straf-und Gefangniss-Anstalten» **), въ которомъ сообщаются свѣдѣнія только относительно тюрьмъ, находящихся подъ вѣдомствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ остаются мѣста заключенія, находящіяся въ вѣдомствѣ министерства юстиціи и разныхъ городскихъ и зем-

---

*) Рѣчь предсѣдателя международнаго комитета въ Брюсселѣ д-ра Уэнса въ засѣданіи 10 сентября 1873 года. für Blatter G-de, 1874, 9 Bd. 3 H. S. 323.

**) Объ этомъ изданіи см. статью Ad. Bauer'a. Statistik der preussischen Straf-und Gefangen-Anstalten vom Jahre 1870. Bl. fur. G-de, 8 Bd. 4 H., 1873, S. 216—239.

скихъ корпорацій, статистическія свѣдѣнія о которыхъ не входятъ въ упомянутое изданіе.

Вел. Герцогство *Баденское* сообщаетъ цифровыя данныя о тюрьмахъ въ общемъ уголовно-статистическомъ изданіи: «Uebersichten der Strafrechtspflege im Groszherzogthum Baden». Данныя эти весьма скудны; тоже самое должно сказать и относительно саксонскихъ отчетовъ. *) Но если въ общемъ, германскіе офиціальные тюремно-статистическіе отчеты неудовлетворительны, то въ частности отчеты нѣкорыхъ отдѣльныхъ тюрьмъ отличаются полнотою и обстоятельностью, такъ можно указать на прекрасные отчеты извѣстной баденской тюрьмы въ Бруксалѣ, **) которые

---

*) Извлеченія изъ нѣкоторыхъ саксонскихъ отчетовъ см. Bl. fur G de 2 Bd. 5 H. 1867, S. 386; 4 Bd. 24. 1870, S. 150.

**) Отчеты Бруксальской тюрьмы печатаются ежегодно въ журналѣ Blatter fur Gefangnisskunde; весь отчетъ подраздѣляется на Jahresbericht des Vorstehers fur 18.., Jahresbericht des Vervalters fur 18.., Iahresbericht des katholischen Hausgeistlichen fur 18.., Jahresbericht des evangelischen Hausgeistlichen fur 18.., и Aerztlicher Jahresbericht fur 18.. Каждый изъ этихъ отчетовъ имѣетъ свои рубрики и статистическія данныя относительно всѣхъ частностей тюремной дѣятельности. Въ первомъ отчетѣ въ IV отдѣлѣ „Statistik“ мы находимъ свѣдѣнія о числѣ арестантовъ распредѣленныхъ по слѣдующимъ рубрикамъ: A) Uebersicht der Gefängenzahl im Allgemeinen; B) Nach der Zeit ihrer Eineieferung; C) Mit Unterscheidung zwischen Einzelhaft und Gemeinshaft; D) Nach der Natur der Verbrechen (въ этой рубрикѣ мы находимъ 38 родовъ преступленій, распредѣленныхъ по времени поступленія и выхода изъ тюрьмы); E) Mit Unterscheidung nach dem Bezirk der urtheilenden Gerichte F) Nach der Daüer der verhängten Strafe; G) Nach dend Lebensalter; H) Nach dem Familienstand; I) Nach den Gewerbskenntnissen; K) Nach dem Vermögen; L) Nach der Religion. M) Nach der Heimath; N) Nach der Ünterscheidung zwischen Dieben und sonstigen Verbrechern; O) Nach dem Grade ihrer Bildung, и P) Unehelich Geborene. Вторую рубрику отдѣла статистики составляютъ: дисциплинарныя наказанія. Кромѣ означенныхъ рубрикъ—всегда существуютъ нѣсколько приложеній. Съ такою же подробностью и обстоятельностью изложены и слѣдующіе отчеты; въ особенности хозяйственный и финансовый отчетъ, который по полнотѣ данныхъ не оставляетъ ничего болѣе желать. См. статью нашу „Брухсальская тюрьма“ въ Судеб. Вѣстникѣ за 1876 годъ, №№ 184 и 185.

помѣщаются въ Blätter fur Gefängnisskunde, на отчеты саксонской тюрьмы въ Цвикау *), на отчеты Кельнской тюрьмы и т. д. Въ *Вюртембергскомъ* королевствѣ правильные тюремно-статистическіе отчеты ведутъ свое начало съ 1837—38 года; въ ежегодно-публикуемомъ отчетѣ Министерства Юстиціи можно найти довольно подробныя и обстоятельныя статистическія данныя относительно мѣстъ заключенія, находящихся подъ вѣдомствомъ этого министерства. **) Мѣста заключенія въ *Ганновэрскомъ* королевствѣ находятся подъ вѣдомствомъ Министерства Юстиціи, въ ежегодныхъ тюремныхъ отчетахъ котораго находятся весьма интересныя статистическія данныя. Ганноверскіе отчеты по полнотѣ и обработкѣ статистическихъ таблицъ стоятъ значительно выше вюртембергскихъ и за ними можно признать первенствующее мѣсто въ ряду другихъ германскихъ офиціальныхъ тюремно-статистическихъ изданій. ***)

Въ *Австріи* по силѣ закона 16 октября 1865 года управленіе всѣми тюрьмами сосредоточено въ Министерствѣ

---

*) Bl. fur G-de, 3 Bd. 5 H. 1868, S. 399; Bd. 2 H. 1870, S. 207 214.

**) Bl. fur G-de 4 Bd. 2 H., 1870, S. 151—154; 5 Bd. 4 H. 1871, S. 125, 133; 5 Bd. 5 H. 1871, S. 218—224. Отчеты эти съ 1867—68 года заключаютъ въ себѣ слѣдующія четыре рубрики: 1. Число и родъ заключенныхъ. II. Финансовое состояніе тюрьмъ. III. Свѣдѣнія о работахъ заключенныхъ.—IV. Санитарное состояніе тюрьмъ, и V. Учебная и религіозная сторона тюремной дѣятельности.

***) Bl. fur. G-de. 1 Bd. 4 H., 1865 г. S. 1—32; 2 Bd. 5 H. 1867, S. 334—354. Главныя рубрики, въ которыя укладывается весь тюремно-статистическій матеріалъ, слѣдующія: I. Число и распредѣленіе населенія въ тюрьмахъ; въ этотъ отдѣлъ входятъ свѣдѣнія о распредѣленіи населенія по полу, возрасту, сроку заключенія, роду наказанія, религіи, національности; а также свѣдѣніе о числѣ рецидивистовъ и помилованныхъ съ подраздѣленіемъ этой частной рубрики на еще болѣе мелкія. II. Служебный персоналъ. III. Производство работъ. IV. Санитарное состояніе тюрьмъ (Gesundheitszustand und Sterblichkeit). V. Дисциплина и т. д. и VI. Финансовое состояніе тюрьмъ. При этомъ нужно замѣтить, что каждая означенная рубрика представляетъ подробное и, весьма обстоятельное развитіе въ частностяхъ.

юстиціи, которое съ 1868 года стало издавать тюремно-статистическій матеріалъ подъ заглавіемъ: Statistische Uebersichten der Ferhältnisse der k. k. österreichischen Strafanstalten. *) Отчеты эти, по сознанію самаго правительства, представляютъ сырой цифровой матеріалъ безъ подробной сравнительной обработки и весьма небогатый по объему сообщаемыхъ имъ данныхъ; при томъ же отчеты эти не даютъ цѣльной картины всѣхъ тюрьмъ Австріи, такъ какъ статистическія данныя относительно учрежденій для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, а также свѣдѣнія о мелкихъ подслѣдственныхъ и карательныхъ тюрьмахъ не внесены въ статистическія таблицы разсматриваемаго изданія.

Къ числу лучшихъ тюремно-статистическихъ изданій должно отнести *Нидерландскіе* офиціальные отчеты подъ заглавіемъ „Statistik van het Gefangeniswezen“ и отчеты *Итальянскаго* министерства внутреннихъ дѣлъ, издаваемые подъ заглавіемъ: „Statistica publicata dal Ministero dell' Interno. Direzzione generale delle Garceri“. Оба названныя изданія отличаются рѣдкою полнотою сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ Италіи существуетъ спеціальное тюремно-статистическое бюро во главѣ котораго стоитъ извѣстный тюрьмовѣдъ Бельтрани-Скалія, о которомъ мы имѣли случай не разъ упоминать. Въ Швеціи центральная тюремная администрація Fangfersstyrelsen публикуетъ съ 1859 года ежегодно свои отчеты, таблицы этихъ отчетовъ по замѣчанію d'Оливекрона имѣютъ только приблизительную достовѣрность. Впрочемъ

*) См. Statistische Uebersicht der Verhältnisse der k. k. österreichischen Strafanstalten Bl. fur G-de 9 Bd. 3 H. 1874, S. 248—261. Почти одновременно съ реформой въ системѣ управленія Австрійскими тюрьмами въ Австріи было обращено должное вниманіе на тюремную статистику; такъ напр. Центральная статистическая коммиссія въ Вѣнѣ учредила особый комитетъ для разработки вопросовъ тюремной статистики. См. Prof. Wahlberg. Gefängnisstatistik mit besonderer Rucksicht auf Oesterreich. Allg. deutsche Strafrechtszeitung 1867, Heft, 7. S. 355—370.

онъ прибавляетъ: „Si ces tableaux, donnent en général un chiffre *inférieur* au chiffre réel, ils fourniront du moins un aperçu relativement juste de l'état reel". *)

Говоря о тюремно-статистическомъ матеріалѣ нельзя пройти молчаніемъ прекрасные отчеты директоровъ Швейцарскихъ тюрьмъ Кюне и Миллера, **) также статистическія таблицы датскихъ тюрьмъ (Horsens, Christianshafen и (Viborg). Въ Даніи обращено самое серьезное вниманіе на тюремную статистику; за время съ 1863 года по 1873 тюремный отдѣлъ Министерства Юстиціи Даніи издалъ два отчета (1863—1868 и 1868—1873), изъ которыхъ каждый представляетъ полную картину дѣятельности датскихъ тюрьмъ за пятилѣтній періодъ времени, при чемъ статистическія таблицы представляютъ рѣдкую обработку и точность. ***) Дѣло организаціи тюремной статистики у насъ едва начинается и то по иниціативѣ частнаго ученаго общества. Что же касается официальной тюремной статистики, то положеніе ея крайне неудовлетворительно; хотя въ ежегодныхъ отчетахъ Попечительнаго общества о тюрьмахъ и помѣщаются нѣкоторыя цифровыя данныя, но эти данныя вопервыхъ—даются въ видѣ готовыхъ выводовъ изъ массы цифръ, приведенныхъ въ отчетахъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, причемъ о статистическихъ таблицахъ нѣтъ и помину и во вторыхъ

---

*) *d'Olivecrona*, Des causes de la recidive et des moyens d'en restreindre ses effets, Paris, 1874, p. 5.

**) Исторія и современное состояніе карательныхъ учрежденій заграницею и въ Россіи. Записка, составленная подъ редакціею Предсѣдателя Высочайше учрежденной Комиссіи для составленія общаго систематическаго проекта о тюремномъ преобразованіи М. А. Филиповымъ. Спб. 1873 г., стр. 76.

***) Bruun. Ueber die Vollrichung der Strafarbeit. Heidelberg. 1870. *Elvers.* Erfahrunden der danischen Gefängnisferwaltung. Der Gerishtssaal 1875, Bd. XXVIII, S. 50 — 76, 115 — 156. Отчеты датскихъ тюрьмъ подраздѣляются на слѣдующія части: I. Предварительныя замѣчанія. II. Число заключенныхъ. III. Исполненіе наказанія. IV. Дѣйствіе наказанія. V. Санитарное состояніе. VI. Доходъ отъ работъ и финансовое состояніе тюремъ и VII. Тюремныя общества.

сомнительная достовѣрность этихъ данныхъ внѣ всякаго спора, если только принять во вниманіе образовательный уровень тѣхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежитъ собираніе статистическаго матеріала. При томъ же, независимо отъ того обстоятельства, что далеко не во всѣхъ тюрьмахъ ведутся въ надлежащемъ количествѣ и порядкѣ книги, послѣднія содержатъ рубрики весьма неполныя и преслѣдующія преимущественно карательныя и административныя и формальныя цѣли. *) Правительство само относится съ недовѣріемъ къ этому тюремно-статистическому матеріалу, а потому всякій разъ, когда является необходимость въ болѣе достовѣрномъ матеріалѣ для извѣстныхъ законодательныхъ или административныхъ цѣлей, оно требуетъ новыхъ данныхъ отъ губернскаго начальства, завѣдующаго тюремнымъ дѣломъ; **) но и эти свѣдѣнія, сообщенныя по извѣстной общей формѣ, внушаютъ мало довѣрія, вслѣдствіе спѣшности работы и недостатка времени для провѣрки доставленнаго матеріала. Русскому Географическому обществу принадлежитъ починъ въ дѣлѣ организаціи тюремной статистики у насъ; тюремная статистика съ начала 1874 года сдѣлалась предметомъ занятій спеціальной коммиссіи. ***)

---

*) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XI, вып. IV, 1875 г., стр. 122.

**) Такимъ образомъ, напримѣръ для коммиссіи по тюремному преобразованію собранъ Департаментомъ Полиціи Исполнительной тюремно-статистическій матеріалъ, обработанный и сведенный г. Юферовымъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Матеріалы для тюремной статистики Россіи“; матеріалы эти содержатъ перечень существующихъ въ Россіи тюремныхъ учрежденій, съ показаніемъ по каждому количества содержащихся внутри числа арестантовъ и съ распредѣленіемъ послѣднихъ на категоріи. См. „Матеріалы для тюремной статистики Россіи“ Юферова. Спб. 187 г.

***) Извѣстіе И. Р. Г. Общества, т. X, 1874 г. стр. 112—151; т. XI, вып. IV, стр. 118—127; т. XI, вып. V, 186—209. Означенная комиссія въ лицѣ наиболѣе дѣятельныхъ ея членовъ гг. Фойнецкаго, Юферова, Власова и Раевскаго занялась пока вопросомъ о способѣ регистраціи статистическихъ свѣдѣній у насъ и за границею, при чемъ ею выработаны были формулы первоначальныхъ записей. Комиссія, имѣя въ

Изъ представленнаго краткаго очерка тюремно-статистическихъ изданій въ различныхъ государствахъ видно, что дѣло организаціи тюремной статистики едва только начинается; отсутствіе однородности въ статистическихъ таблицахъ замѣчается не только въ различныхъ государствахъ, но также и между различными вѣдомствами одного и того же государства. Впрочемъ, неудовлетворительное состояніе тюремной статистики все больше и больше обращаетъ на себя вниманіе; повсюду слышатся жалобы на непригодность тюремно-статистическихъ данныхъ: на съѣздахъ, конгрессахъ, въ литературѣ все громче и громче раздаются голоса, требующія установленія общихъ формулъ не только между различными частями одного и того же государства, но и между различными государствами.

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ на международномъ тюремномъ конгрессѣ въ Лондонѣ въ 1872 году, официальный делегатъ Итальянскаго правительства Бельтрани-Скалія предложилъ конгрессу „учредить международную тюремную статистику“ и его предложеніе вызвало общее сочувствіе *). Разработка международной статистики возложена была на международный комитетъ, о которомъ было говорено нѣсколько выше; по предложенію одного изъ членовъ конгресса дебатированіе и изслѣдованіе вопросовъ тюремной статистики рѣшено было передать международному статистическому

виду, что главнымъ предметомъ ея занятій должны служить данныя относящіеся къ быту арестантовъ, опредѣлила руководствоваться при выработкѣ регистраціи не условіями той или другой группы тюрьмъ, существующихъ или проэктируемыхъ, „а типомъ пенитенціарной тюрьмы вообще“, чтобы такимъ образомъ труды ея могли вполнѣ соотвѣтствовать требованіямъ науки и дать основу для русской тюремной статистики вообще.

*) Для достиженія возможной публичности тюремно-статистическихъ отчетовъ Бельтрани Скалія высказалъ въ томъ же засѣданіи (8 іюля 1872 г.) желаніе, что бы другія Европейскія правительства послѣдовали примѣру Италіи и издавали свои тюремно-статист. отчеты съ переводомъ на французскій языкъ. См. Verhandlungen des Londoner internationalen Congress, Blätter fur G-de, 7 Bd. 2 H., 1872, S. 135.

конгрессу, который долженъ былъ состояться тремя мѣсяцами позже въ С.-Петербургѣ. Но изъ отчета о занятіяхъ этого конгресса видно, что согласно докладу V отдѣленія конгресса, вопросъ о тюремной статистикѣ, за сложностью его и вслѣдствіе недостатка времени, былъ отложенъ до ближайшей 9-й сессіи конгресса. *)

Международный статистическій комитетъ, на который возложенъ былъ трудъ составленія международной тюремной статистики, издалъ свои работы въ 1875 году подъ заглавіемъ: „Année 1872. Statistique pénitentiaire internationale. Rome 1875.“ **) Мысль объ организаціи международной тю-

---

*) Восьмая сессія международнаго статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ. Доклады и постановленія С.-Петербургъ 1873 г., стр. 106—107. Интересно замѣчаніе *Г. Анучина*, въ докладѣ въ засѣданіи Импер. Рус. Геогр. Общества по поводу результатовъ занятій 8-ой сессіи между статистич. конгресса; докладчикъ замѣтилъ, что 18-лѣтній опытъ конгресса показалъ, что возбуждавшіеся въ разныхъ сессіяхъ конгресса вопросы объ объединеніи номенклатуры и классификаціи по разнымъ отдѣламъ статистики, нигдѣ не разрѣшались удовлетворительно, а откладывались всегда до будущей сессіи. См. Извѣстія Импер. Рус. Географич. Общества, Спб., 1873, т. VIII, стр. 269.

**) „Statistique pénitentiaire internationale“ заключаетъ въ себѣ XVII статистическихъ таблицъ, при чемъ нѣкоторыя таблицы занимаютъ 4—6 страницъ. Таблицы эти располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: I Общее движеніе населенія въ подслѣдственныхъ тюрьмахъ. II. Свѣдѣнія о населеніи въ подслѣд. тюрьмахъ. III. Свѣдѣнія объ учрежденіяхъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. IV. Общее движеніе населенія въ этихъ учрежденіяхъ. V. Число, родъ, вмѣстительность и среднее населеніе въ тюрьмахъ (Etablissements pénitentiares). VI. Общее движеніе населенія въ тюрьмахъ. VII. Классификація осужденныхъ, число дней пребыванія въ тюрьмахъ, среднее населеніе, составъ тюремной администраціи. VIII. Число рабочихъ и прогульныхъ дней, доходъ отъ тюремныхъ работъ. IX. Финансовый отчетъ пенитенціарнаго заведенія. X. Свѣдѣнія о школахъ и библіотекахъ въ тюрьмахъ. XI. Дисциплинарныя нарушенія, наказанія и награды. XII. Свѣдѣнія относительно осужденныхъ, поступившихъ въ тюрьмы „venant du lieu de leur condamnation“. XIII. Свѣдѣнія относительно вышедшихъ изъ тюрьмъ по случаю истеченія срока заключенія. XIV. Свѣдѣнія относительно вышедшихъ по случаю помилованія или вслѣдствіе полученія условнаго отпуска. XV.

ремной статистики, по словамъ предсѣдателя комитета Уэнса, встрѣтила общее сочувствіе у всѣхъ Европейскихъ правительствъ; *) правительства Бельгіи, Венгріи, Даніи, Франціи, Голландіи, Италіи, Саксоніи, Швеціи и Швейцаріи сообщили комитету требуемыя свѣдѣнія, что же касается другихъ правительствъ, то они обѣщали доставить эти свѣдѣнія нѣсколько позже. **) Какъ первый опытъ международной тюремной статистики, изданный комитетомъ сводъ статистическихъ данныхъ не лишенъ серьезнаго интереса; въ таблицахъ свода можно найти много драгоцѣнныхъ данныхъ, въ особенности относительно финансовой стороны тюремной дѣятельности. Но съ другой стороны нельзя не пожелать дальнѣйшимъ изданіямъ комитета большей полноты и обстоятельности; въ разсматриваемыхъ статистическихъ таблицахъ напр. мы не находимъ свѣдѣнія относительно распредѣленія тюремнаго населенія по роду преступленій, по возрастамъ заключенныхъ, по степени продолжительности заключенія, а также свѣдѣній относительно числа рецидивистовъ, дѣятельности патронажей и т. д. ***) Указанная нами неполнота сообщаемыхъ комитетомъ свѣдѣній, разумѣется, находитъ свое объясненіе отчасти въ новизнѣ дѣла, отчасти въ качествѣ самаго матеріала и неблагопріятныхъ условіяхъ тюремно-статистическихъ работъ вообще; но при всемъ томъ мы въ правѣ были ожидать отъ международнаго комитета покрайней мѣрѣ болѣе обстоятельныхъ формулъ таблицъ, хотя бы и

Свѣдѣнія относительно заключенныхъ, умершихъ отъ болѣзней. XVI. Свѣдѣнія относительно самоубійцъ. XVII. Свѣдѣнія относительно умалишенныхъ, отосланныхъ въ сумасшедшіе дома.

*) Blätter für G-de, 1874, 9 Band. 3 H. S. 323.

**) Въ статистическія таблицы „Statistique pénitentiaire internationale“ вошли также свѣдѣнія относительно тюрьмъ Англіи, Ирландіи, Пруссіи и Австріи, извлеченныя изъ официальныхъ отчетовъ за 1871 (Пруссія) и 1872 годъ (Великобританія и Австрія).

***) Редакторы „Statistique etc.“ сами признаютъ неполноту сообщаемыхъ ими свѣдѣній, хотя и находятъ, что въ нихъ можно найти достаточно матеріала „pour faire étude comparée.“ См. „Statistique etc. p. VI.

безъ полныхъ свѣдѣній, имѣя въ виду то обстоятельство, что эти формулы, выработанныя комитетомъ для организаціи международной тюремной статистики, могли бы послужить образцомъ для многихъ правительствъ и тѣмъ самымъ способствовать установленію извѣстнаго однообразія, къ чему и должна стремиться международная статистика.

Всѣ данныя, заключающіяся въ наиболѣе разработанныхъ и полныхъ тюремно-статистическихъ изданіяхъ, группируются приблизительно по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Тюремное населеніе и организація тюремной администраціи; подъ первой рубрикой можно найти свѣдѣнія о числѣ поступившихъ и выбывшихъ въ началѣ и въ концѣ отчетнаго года; среднее ежедневное населеніе въ тюрьмѣ; распредѣленіе населенія по роду преступленія, сроку наказанія, полу, возрасту, семейному положенію, религіи, занятію, и имущественной состоятельности, національности, степени образованія и т. д. Кромѣ того въ этомъ же отдѣлѣ находятся данныя о числѣ рецидивистовъ. II. Мѣры тюремной дѣятельности, примѣнявшіяся въ отчетномъ году, съ указаніемъ по возможности ихъ результатовъ. Такими мѣрами являются: тюремная работа, тюремное образованіе и воспитаніе, тюремная десциплина и санитарныя мѣры тюрьмы. Согласно этому, въ отчетахъ тюремной статистики мы находимъ цифровыя указанія о родѣ работъ, производившихся тюрьмою за отчетный годъ, о распредѣленіи ихъ между арестантами и величинѣ заработка; о тюремной школѣ, библіотекѣ и тюремной церкви; о наградахъ и наказаніяхъ, примѣнявшихся тюрьмою; о пищѣ и одеждѣ арестантовъ. III. Финансовое состояніе тюремъ, т. е. опредѣленіе количества расходовъ и доходовъ за отчетный годъ по тюрьмѣ.

Кромѣ означенныхъ свѣдѣній въ тюремно-статистическихъ отчетахъ помѣщаются данныя о пересылкѣ арестантовъ и о положеніи арестантовъ по освобожденіи, при чемъ слѣдится за дѣятельностью попечительныхъ учрежденій для освобожденныхъ, если такія существуютъ въ данномъ государствѣ.

Всѣ перечисленныя рубрики имѣютъ большее или меньшее значеніе въ дѣлѣ уясненія того или другаго вопроса

тюремной дѣятельности; мы позволимъ себѣ остановиться на тѣхъ рубрикахъ, которыя имѣютъ наиболѣе общее значеніе въ вопросахъ уголовнаго права и политики. Ближайшее разсмотрѣніе нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ рубрикъ можетъ послужить также подтвержденіемъ высказаннаго выше неутѣшительнаго взгляда на состояніе тюремной статистики вообще.

I. *Число тюремнаго населенія.* Относительно значенія этой рубрики тюремной статистики существуютъ различныя мнѣнія среди писателей по тюремному вопросу; одни (напр. Ливингстонъ и Робертъ Во въ Соединенныхъ-Штатахъ сѣв. Америки, Ларошъ-Ліанкуръ и Шарль Лука—во Франціи *), Юліусъ **) и Варентрапъ ***) въ Германіи, Вальтеръ, Крофтонъ въ Англіи ****) и т. д. полагаютъ, что увеличеніе или уменьшеніе числа тюремнаго населенія можетъ служить масштабомъ дѣйствительности тюремнаго заключенія, какъ извѣстной репрессивной и уголовно-политической мѣры †).

---

*) Toqueville, Le système pénitentiaire etc., p. 159—160.

**) Julius. Vorlesungen über die Gefängnisskunde, Berlin. 1828, s. 227—228.

***) Varrentrapp. De l'emprisonnement individuel etc., p. 35—36.

****) Письма изъ за границы. И. Ф. Судебный Вѣстникъ за 1872 годъ, № 132.

†) На сколько ошибочны были выводы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ авторовъ показываетъ слѣдующій характерный примѣръ, сообщаемый Токвилемъ (Ibid. p. 158—159): въ 1790 году, какъ извѣстно, построена была новая тюрьма въ Филадельфіи по системѣ абсолютнаго уединенія. Къ 1791, 1792 и 1793 годамъ общее число преступленій въ Пенсильваніи значительно понизилось; Ливингстонъ, Робертъ Во, Шарль Лука и др. поспѣшили приписать причины этого пониженія дѣйствію новой системы, между тѣмъ, какъ многіе изъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе попасть въ эту тюрьму, не успѣли отсидѣть свой срокъ заключенія. *Charles Lucas.* Du système pénitentiaire en Europe et aux Etats-Unis, Paris, 1830; t. I. p. 147—149; t. II, p. 18—19. Варрентрапъ повидимому также придаетъ особенное значеніе увеличенію тюремнаго населенія; см.—De l'emprisonnement individuel etc. p. 54—56. *L. Léouzon Le Duc* (Les prisons cellulaires en Suède. Journal des Economistes, fevrier 1873, p. 233) для доказательства улучшенія тюремъ приводитъ цифры указывающія постепенное уменьшеніе заключенныхъ за время

Другое, совершенно противоположное мнѣніе поддерживаютъ Токвиль и Бомонъ *), Густавъ Ваперо **) и др., которые напротивъ, полагаютъ что измѣненіе въ числѣ заключенныхъ нисколько не доказываетъ достоинства или недостатка тюремнаго заключенія, такъ какъ независимо отъ тюрьмы на увеличеніе или уменьшеніе числа преступленій въ данной мѣстности и въ данный періодъ времени дѣйствуетъ масса другихъ причинъ. Очевидно, тюрьма должна оказывать извѣстное вліяніе на то или другое измѣненіе въ общей цифрѣ преступленій; исправительныя режимы тюрьмы, дѣйствуя на заключенныхъ въ ней, должны содѣйствовать уменьшенію числа рецидивистовъ, а вслѣдствіе этого и уменьшенію общаго числа преступленій въ данной мѣстности. Но кромѣ этого, такъ сказать, посредственнаго вліянія тюрьмы на увеличеніе или уменьшеніе числа преступленій, тюрьма можетъ имѣть и непосредственное дѣйствіе. Нельзя вовсе отрицать возможности деморализующаго вліянія на массу той тюрьмы, напр., гдѣ заключенные ведутъ жизнь привольную, полную всякихъ удобствъ; такая тюрьма теряетъ карательный характеръ, перестаетъ быть наказаніемъ. Трудно принять ученіе, отрицающее всякое значеніе того или другаго наказанія въ глазахъ человѣка, задумавшаго преступленіе, такъ какъ *не всегда* дѣйствія человѣка опредѣляются причинами, лежащими внѣ его. Здѣсь, намъ кажется, нѣтъ мѣста какому бы то ни было общему, абсолютному закону; весь контингентъ преступниковъ представляетъ столько разнообразія, что объ общей мѣркѣ въ данномъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ. Если съ одной сто-

---

съ 1840 г. по 1870. Въ различныхъ изслѣдованіяхъ по тюремному вопросу часто встрѣчается ссылка на уменьшеніе числа заключенныхъ въ Ирландскихъ тюрьмахъ, какъ на одно изъ доказательствъ несомнѣннаго превосходства этой системы. См. напр. „Des causes de la récidive et des moyens d'en restreindre les effets" par *K. D'Olivecrona* (Traduction). Paris, 1874, p. 107—108.

*) *Toqueville*, ibid. p. p. 46, 157, 160, 182 и 375.

**) *M. Gustave Vapereau.* De la réforme pénitentiaire. Paris 1849, p. 19.

роны существуютъ преступленія, при совершеніи которыхъ вовсе не принимается въ разсчетъ степень тяжести, непріятности наказанія, то съ другой стороны нельзя отрицать существованія преступниковъ, у которыхъ преступленіе совершается по извѣстному разсчету. На уменьшеніе или увеличеніе числа такихъ преступниковъ тюрьма при извѣстныхъ условіяхъ можетъ имѣть вліяніе. Но объяснять то или другое измѣненіе въ числѣ преступниковъ извѣстнаго района исключительно вліяніемъ одной тюрьмы никакъ нельзя; тюрьма можетъ быть лишь одной изъ многихъ причинъ, вліяющихъ на подобное измѣненіе, такъ какъ колебаніе числа преступленій въ обществѣ принадлежитъ къ числу весьма сложныхъ соціальныхъ явленій, зависящихъ отъ многихъ причинъ. Къ сожалѣнію благодаря, необыкновенной сложности общественныхъ явленій, у человѣка нашего времени нѣтъ пока тѣхъ строго-научныхъ и экспериментальныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы во всякомъ общественномъ явленіи отмежевать кругъ и опредѣлить силу дѣятельности каждой причины; вслѣдствіе этого мы не можемъ сказать на сколько значительно дѣйствіе тюрьмы въ такомъ сложномъ явленіи, какъ уменьшеніе или увеличеніе числа преступленій въ данный періодъ времени и въ данной мѣстности. Одно можно сказать съ увѣренностью, что сила ея не велика при дѣйствіи другихъ общихъ соціальныхъ и экономическихъ причинъ.

II. *Число рецидивистовъ.* Почти каждый изслѣдователь по тюремному вопросу старается высказать свое мнѣніе по вопросу—на сколько тотъ или другой процентъ рецидивистовъ можетъ служить масштабомъ дѣйствительности тюремнаго заключенія, какъ исправительнаго наказанія; международные конгрессы: Цинцинатскій, Лондонскій и С.-Петербургскій *)

*) Международный статистическій конгрессъ въ С.-Петербургѣ выразилъ желаніе: 1. Что бы въ каждой странѣ была устроена система списковъ судимости, издаваемыхъ періодически, для изслѣдованія и констатированія рецидивовъ. 2. Что бы офиціальная статистика давала о рецидивахъ обстоятельныя свѣдѣнія и 3. Что бы офиціальная стати-

(статистическій) высказали мысль объ особенной важности этой рубрики тюремной статистики для успѣховъ тюрьмовѣдѣнія. Большинство изслѣдователей по тюремному вопросу, исходя изъ той мысли, что тюрьма, отправляя уголовно-политическія функціи государственной дѣятельности, должна оказывать исправительное дѣйствіе на заключенныхъ въ ней, держится того мнѣнія, что тотъ или другой процентъ рецидивистовъ *можетъ* служить сравнительно самымъ вѣрнымъ масштабомъ въ рѣшеніи вопроса—на сколько извѣстная тюрьма достигаетъ своей цѣли. *) Одни изслѣдователи вы-

---

стика давала возможность изучать рецидивы въ связи съ пенитенціарною системою. См. Восьмая сесія Международ. Статистич. Конгресса С.-Петербургъ. 1873. стр. 107.

*) Токвилъ замѣчаетъ: „c'est l'augmentation des condamnés en récidive qui seule démontre que le système d'emprisonnement est mauvais" *Toqueville*, ibid., p. p. 46, 159, 160 etc. „die Zahl der Rückfalligen.... klar genüg den mangelhaften Züstand der Strafanstalten beweist" *Mittermaier*, Der gegenwärtige Züstand der Gefängnissfrage etc. 1860, S. 26, 11, 15, 17, 28, 37, etc. Die Gefängnissverbesserung etc. 1858, S. 47, 58—59, 132—166 etc. Die gegenwärtige Stand der Ansichten etc. Bl. für. G-de 1867, 2 Band. S. 156—157. „Si, lorsque cet état (état de récidive) est constaté, il dénote une plus grande perversité de la part de celui à qui une première répression n'a pas suffi pour le corriger, il dénote aussi l'insuffisance de cette rèpression „*Berenger*, De la répression pénale etc. Paris, 1855, t. 2, p. 175—180. „Toute récidive fournit la preuve évidente que la peine déjà subie n'a pas eu pour conséquence la régéneration morale que le législateur avait en vue" *K. D'Olivecrona*. Des causes de la récidive et des moyens d'en restreindre les effets. (traduction). 1874, p. 4. „L'estimation du nombre des récidives ets l'un des moyens les plus sûrs pour constater le degré d'efficacité des lois pénales et du système pénitentiaire dans un pays". *Ducpetiaux*. Des progrès et de l'état actuel etc. t. III, 1838, p. 295—311, 329—330. „La recidive est la pierre de bouche tout à la fois des lois pénals et du système pénitentiaire. On juge des effets de la répression et du régime pénitentiaire, sur les comdamnés, *par le chiffre des recidives*" „La progression incessante des crimes et surtout des récidives provient principalement de l'insuffisance des peines." *Bonneville*. Traité des diverses institutions complémentaire du régime pénitentiaire. Paris, 1847, p. 279, 294 — 303 и т. д. *M. Charles Lucas J.* Conclusion générale de l'ouvrage sur le système pénitentiaire etc. Paris, p. p. IX. LXXII;—Du systeme péniten-

сказываютъ эту мысль категорически, другіе, приводя таблицы рецидивистовъ для доказательствъ достоинства или недостатка извѣстной тюрьмы, тѣмъ самымъ поддерживаютъ изложенное мнѣніе относительно значенія рецидива.

Д. Тальбергъ.

(Продолженіе будетъ).

---

tiaire en Europe et aux Etats-unis, Paris, 1830, t. 11, pp. 40—42, 186—187, 373, 376—377, 379—380, 432 etc. *J. CH. Herpin.* Etudes sur la reforme et les systèmes pénitentiaires etc. Paris, 1868, p. p. 31, 44, 45. *G. Warrentrapp.* De l'emprisonnement individuel etc. Paris, 1844, p. 31—38. *M. Gustave Vapereau.* Paris, 1849, p. 18. *Baer.* Die Gefängnisse, Strafanstalten und Strafsysteme, Berlin, 1871, S. 283 etc. *Valentini.* Das Verbrecherthum im Preussischen Staate, Leipzig, 1869, S. 64—74.

ЛЕКЦІИ

СУДОУСТРОЙСТВА И ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

А. М. ФАЛЬКОВСКАГО.

1874 — 1875 г.

(Продолженіе).

Долгое время, по словамъ Бонсенна, *) существо *кассаціи* было неопредѣленно и игнорируемо, и служило открытымъ полемъ для интриги, властолюбія и протекціи. Съ установленіемъ правилъ объ апелляціи и постоянныхъ ассизовъ парламентовъ, отправлявшихъ высшее правосудіе, ордоннансомъ Филиппа Красиваго (1302 г.) повелѣно было въ случаѣ, когда въ рѣшеніяхъ окажутся ошибки или неясности, требующія разсмотрѣнія, то всякое исправленіе, толкованіе, отмѣна и разрѣшеніе по этому предмету принадлежатъ государю, его совѣту или наибольшей его части, по усмотрѣнію монаршему. Въ 1344 г. при Филиппѣ Валуа дополнено было, что просьбы объ разъясненіи и измѣненіи рѣшеній, уваженныя совѣтомъ короля, должны быть отсылаемы въ парламентъ, который, въ присутствіи короля, и исправлялъ

*) Théorie de la proc. civ. par. M. Boncenne, Paris. 1830.

свои рѣшенія. Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній (les requêtes en retraction) должны были содержать указаніе на ошибки; но вслѣдствіе злоупотребленія этимъ правомъ, дѣло дошло до того, что и безъ констатированія ошибокъ въ рѣшеніяхъ, легко было добиться ихъ измѣненія, превратнаго толкованія и пріостановленія по нимъ исполненія, безъ передачи дѣлъ на обсужденіе парламента, такъ какъ королевскій совѣтъ, весьма часто, присвоивая себѣ право *непосредственнаго* пересмотра дѣлъ, тѣмъ самымъ становился въ положеніе *высшей надъ парламентомъ инстанціи.* Тайныя и явныя письма и грамматы, (lettres closes, lettres patentes, lettres dilatoires ou évocatoires), не смотря на неоднократные ордоннансы королей, воспрещавшіе судьямъ ихъ исполнять, были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и лишали правосудіе твердыхъ гарантій. Эдиктомъ 1545 г., благодаря вліянію канцлера Оливье, былъ возстановленъ первоначальный порядокъ пересмотра рѣшеній. По кончинѣ Франциска I, Оливье подвергся изгнанію и, только по восшествіи на престолъ Франциска II, призванъ былъ къ прежней своей должности. Преемникъ Оливье канцлеръ Лопиталь (L'Hopital) отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ жалобамъ на захватъ королевскимъ совѣтомъ судебной власти, вслѣдствіе чего состоялось повелѣніе *): чтобы просьбы о пересмотрѣ рѣшеній, по нарушенію формъ и ошибкамъ въ рѣшеніяхъ верховныхъ судилищъ были разрѣшаемы тѣмъ изъ нихъ, въ которомъ состоялось рѣшеніе. Съ этаго времени и наименованіе *requête civile* стало прилагаться, въ особенности, къ просьбамъ о пересмотрѣ рѣшенія по поводу ошибокъ въ *фактахъ*. Но такъ какъ ошибки въ фактахъ могутъ происходить или отъ предубѣжденія и невѣденія судей, или отъ злоумышленности сторонъ, или упущеній со стороны officiers ministériels, какъ то судебныхъ приставовъ и стряпчихъ, то принимая въ соображеніе это различіе въ источникахъ ошибокъ, признано было *), вслѣдствіе настоянія парламента, просьбы о пере-

*) Ordonnance d'Orleans.

**) Дополненіе къ ordonn. de Moulins,

смотрѣ окончательныхъ рѣшеній, по поводу ошибокъ, происшедшихъ отъ вины судей, передавать для рѣшенія въ другое присутствіе (chambre),—не то, которымъ постановлено обжалованное рѣшеніе; точно также и въ случаѣ противорѣчія рѣшеній, состоявшихся въ разныхъ парламентахъ, просьбы о пересмотрѣ рѣшеній предоставлены были разрѣшенію королевскаго совѣта, *) судебный департаментъ котораго, именовался *совѣтомъ сторонъ* (Conseil des parties). Ордоннансомъ 1579 г. **) открытъ путь къ пересмотру рѣшеній и по поводу ошибокъ въ *правѣ*. Наконецъ при Людовикѣ XIV ордоннансомъ 1667 г. пересмотръ рѣшеній по поводу ошибокъ, происшедшихъ отъ вины судей, воспрещенъ и дѣйствіе requête civile ограничено случаемъ ошибокъ въ рѣшеніяхъ происшедшихъ отъ вины сторонъ въ гражданскомъ процессѣ или ихъ представителей. Таково было состояніе законодательства Франціи по этому предмету до 1790 г., когда декретомъ 1 декабря учрежденъ былъ кассаціонный трибуналъ. Учредительное собраніе (зак. 27 апр. 1791 г.), проведя болѣе точное разграниченіе между властями административною и судебною оставило за совѣтомъ короля значеніе верховнаго административнаго управленія и учредило одинъ верховный кассаціонный трибуналъ, въ которомъ и сосредоточилась высшая судебная власть. Первоначально, предполагалось организовать кассаціонный трибуналъ изъ странствующихъ судей, засѣданія которыхъ происходили бы поперемѣнно въ разныхъ мѣстахъ государства; но при окончательномъ обсужденіе системы устройства этого суда, признано было организовать его въ формѣ *постояннаго* трибунала въ Парижѣ. Сенатусконсультомъ 28 флореаля, годъ XII, этому трибуналу присвоено было наименованіе „*Cours*“. Еще декретомъ 1 дек. 1790 г. временно установлено было, что порядокъ судопроизводства, существовавшій въ совѣтѣ сторонъ, долженъ быть примѣняемъ и къ кассаціонному судопроизводству; затѣмъ закономъ 27 вентоза,

*) Ordonn. du 7 avril 1474.
**) Ordonn. de Blois.

годъ VIII, подтверждено, что до изданія судебнаго кодекса, прежніе законы и наказы, по предмету формъ обжалованія и порядка кассаціоннаго судопроизводства, сохраняютъ свое дѣйствіе. Составители кодекса гражданскаго судопроизводства не начертали никакихъ правилъ по этому предмету; вслѣдствіе чего прежнія правила и въ особенности подробный регламентъ 28 іюня 1738 г. о порядкѣ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ въ совѣтѣ короля, изданный подъ руководствомъ канцлера Daressо, сохранили свое дѣйствіе, за исключеніемъ случаевъ опредѣленныхъ позднѣйшими узаконеніями. *) Закономъ 18 января 1806 г. предѣлы вѣдомства и власти кассаціоннаго суда были точнѣе опредѣлены. Законъ мотивированъ положеніями *двухъ судебныхъ инстанцій* для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ по существу; *непоколебимости судебнаго рѣшенія*, постановленнаго правомѣрно и съ соблюденіемъ установленныхъ формъ судопроизводства; *недѣйствительности презумціи* о законности судебнаго рѣшенія, какъ скоро доказано что она противорѣчитъ постановленію закона; *необходимости положить предѣлъ* разсмотрѣнію дѣлъ по существу и ограничитъ судебный произволъ.

Но основная, руководящая мысль въ учрежденіи кассаціоннаго суда заключалась въ томъ, что нарушеніе судебнымъ рѣшеніемъ закона затрогиваетъ интересы *публичнаго* права, а потому и необходимъ одинъ верховный судъ, ограждающій непоколебимость закона. На этомъ основаніи генералъ-прокурору при кассаціонномъ судѣ предоставлена власть помимо иниціативы сторонъ, *исключительно въ интересѣ охраненія закона*, давать предложенія кассаціонному суду объ отмѣнѣ противозаконныхъ, окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Почему и отмѣна рѣшенія, по предложенію генералъ-прокурора не уничтожаетъ законной силы рѣшенія по отношенію къ тяжущимся, до которыхъ она касается.

Примѣчаніе. Закономъ 27 вентоза, годъ VIII, предоставлено право

*) Въ числѣ послѣднихъ самое важное значеніе имѣютъ ордоннансъ 15 генв. 1826 г, и законъ 2 іюня 1862 г.

правительству предлагать объ отмѣнѣ рѣшеній, въ случаѣ нарушенія предѣловъ вѣдомства и власти суда. Въ этихъ случаяхъ, кассація рѣшенія имѣетъ дѣйствіе и по отношеніи къ правамъ сторонъ, составлявшимъ предметъ рѣшенія (Боннье).

При изложеніи французскаго судоустройства нами указаны особенности организаціи кассаціоннаго суда, и предметы вѣдомства его. Функціи этаго учрежденія главнымъ образомъ, заключаются въ отмѣнѣ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній:

а) въ случаѣ явнаго нарушенія прямыхъ постановленій закона;

б) въ случаѣ нарушенія установленныхъ формъ судопроизводства, когда несоблюденіе ихъ, по закону, имѣетъ послѣдствіемъ недѣйствительность судебныхъ актовъ (nullité);

в) въ случаѣ превышенія власти;

и г) въ случаѣ противорѣчія въ рѣшеніяхъ, послѣдовавшихъ по одному и тому же дѣлу и между одними и тѣми же сторонами.

Примѣчаніе. Вслѣдствіе того, что по французскому праву просьбы о пересмотрѣ рѣшеній (requête civile) не причисляются къ просьбамъ о кассаціи рѣшеній, необходимо было сдѣлать между ними разграниченіе. Такъ нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства, смотря потому, установлены ли онѣ для сторонъ въ гражданскомъ процессѣ и ихъ представителей, или касаются органовъ судебной власти, можетъ быть поводомъ, въ первомъ случаѣ, къ пересмотру (requête civile), а во второмъ случаѣ къ *кассаціи* (recours en cassation). Въ случаѣ противорѣчія въ рѣшеніяхъ одного и того же суда имѣетъ мѣсто requête civile. Когда же въ рѣшеніяхъ разныхъ судовъ обнаружится противорѣчіе, то обжалованіе ихъ возможно лишь въ кассаціонномъ порядкѣ. Наконецъ просьбы о пересмотрѣ рѣшеній допускаются въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ нашимъ уст. гражд. суд. (ст. 794), съ тою, разумѣется разницею, что во Франціи, какъ мы прежде объяснили, эти просьбы подлежатъ разсмотрѣнію суда, постановившаго рѣшеніе, составляющее предметъ пересмотра. По нашимъ же судебнымъ уст. 1864 г. производство по такимъ просьбамъ подчинено общему кассаціонному производству на равнѣ съ производствомъ по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ (tierce opposition).

Право кассаціи принадлежитъ:

1) Сторонамъ, т. е. лицамъ, принимавшимъ участіе въ

процессѣ, когда окончательное рѣшеніе, нарушаетъ ихъ права;

2) генералъ-прокурору при кассаціонномъ судѣ, исключительно въ интересѣ охраненія закона, въ случаяхъ нарушенія прямаго постановленія закона, или предѣловъ вѣдомства или власти, закономъ предоставленныхъ органамъ судебной власти.

Примѣчаніе. Это право генералъ-прокурора ограничивается во 1-хъ что предметомъ предложенія могутъ быть только *окончательныя рѣшенія* (arrêts) и во 2-хъ что предложеніе объ отмѣнѣ можетъ послѣдовать не прежде какъ по истеченіи установленнаго для стороны срока на принесеніе просьбы о кассаціи.

3) Непосредственно и до истеченія кассаціоннаго срока, правительству, въ случаяхъ нарушенія судьями предѣловъ вѣдомства и власти, имъ предоставленныхъ,

и 4) прокурорамъ, когда они принимали участіе въ процессѣ, въ качествѣ стороны и представителей казеннаго или общественнаго интереса.

Предметомъ кассаціи могутъ быть:

Окончательныя рѣшенія (en dernier ressort), по гражданскимъ дѣламъ, окружныхъ судовъ, апеляціонныхъ палатъ и коммерческихъ судовъ, за исключеніемъ *заочныхъ*, во время теченія срока на принесеніе *отзыва*, *приготовительныхъ* (préparatoires), во время *производства* дѣла и до рѣшенія его по существу, и рѣшеній по дѣламъ *дисциплинарнымъ*.

Примѣчаніе. Мы уже прежде указали, что на окончательныя рѣшенія мировыхъ судей, по закону 25 мая 1838 г., кассація ограничена случаемъ нарушенія предѣловъ вѣдомства и власти.

Не повторяя прежде исчисленныхъ нами поводовъ къ отмѣнѣ рѣшеній, переходимъ къ порядку производства въ кассаціонномъ судѣ.

Просьба объ отмѣнѣ рѣшенія, *pourvoi* приносится въ двухмѣсячный, по закону 2 іюня 1862 г., со дня объявленія обжалуемаго рѣшенія, лично или въ мѣстѣ жительства жалобщика, *) на имя кассаціоннаго суда, особому его отдѣ-

*) Срокъ этотъ увеличивается для лицъ пребывающихъ внѣ континен-

ленію, именуемому chambre des requêtes, *палата принятія прошеній*, и подается, за подписью одного изъ адвокатовъ, состоящихъ при кассаціонномъ судѣ, въ секретаріатъ, гдѣ и записывается въ публичные реестры. Существенныя принадлежности просьбы объ отмѣнѣ заключаются въ указаніи сторонъ, обжалуемаго рѣшенія, основаній по которымъ это послѣднее подлежитъ отмѣнѣ и требованій (conclusions). Впрочемъ, по случаю требуемаго приложенія копіи обжалованнаго рѣшенія, послѣдняя служитъ достаточнымъ коррективомъ упущенія со стороны кассатора, не означившаго точно именъ и профессіи тяжущихся и содержанія самого рѣшенія, наконецъ не воспрещается изложеніе основаній кассацій въ дополнительной просьбѣ, requête d'ampliation. Къ просьбѣ о кассаціи, подъ страхомъ недѣйствительности ея, должны быть прилагаемы: копія обжалованнаго рѣшенія и квитанція во взносѣ, въ видѣ залога, штрафа, которому кассаторъ долженъ подвергнуться въ случаѣ оставленія жалобы безъ послѣдствій.

Примѣчаніе. I. Размѣръ штрафа: 150 или 180 фран., когда жалоба относится до рѣшенія, постановленнаго въ состязательномъ порядкѣ. Штрафъ взыскивается въ половинѣ, когда предметъ кассаціи составлядтъ *заочное* рѣшеніе. Не подлежатъ штрафу: 1) просьбы по дѣламъ казны; 2, агентовъ правительства по дѣламъ касающимъ государственнаго интереса (зак, 2 брюмера, годъ II) 3, по дѣламъ общественнымъ.

Что касается лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, то они освобождались лишъ отъ внесенія залога, но не отъ взысканія штрафа, въ случаѣ неправой кассаціи. Впрочемъ закономъ 30 генваря 1851 года по этому предмету дарованы многія льготы.

При начертаніи нашего уст. гражд. суд. составители его, считая представленіе залога во многихъ случаяхъ равносильнымъ отказу въ правосудіи и принимая въ соображеніе основныя положенія судебной реформы, отмѣнявшія существовавшіе дотолѣ штрафы, нашли неумѣстнымъ требованіе залога отъ кассатора. Но впослѣдствіи, закономъ и у насъ установлены залоги, вносимые при просьбахъ объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ и судебныхъ палатъ.

Примѣчаніе. II. При секретаріатѣ касс. суда ведется общій, въ хро-

---

тальныхъ владѣній Франціи, для пребывающихъ за границею и проч. подобно тому какъ это установлено для апелляціи.

нологическомъ порядкѣ, реестръ кассаціонныхъ дѣлъ. Причемъ въ палатахъ: принятія прошеній и гражданской имѣются списки дѣлъ 1, спѣшныхъ и 2, обыкновенныхъ. Со дня внесенія въ генеральный реестръ дѣла исчисляются сроки на представленіе дополнительной къ просьбѣ объ отмѣнѣ докладной записки. У насъ, въ Россіи, подобная подача дополнительныхъ прошеній не допускается (рѣш. гражд. касс. сен. 1867 г. № 352).

Судопроизводство въ палатѣ принятія прошеній не есть состязательное, такъ какъ функція этаго отдѣленія кассаціоннаго суда заключается лишь въ разрѣшеніи вопроса о принятіи или непринятіи просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія; представительство за отвѣтчика не допускается и, если, по обычаю, и дѣлается указаніе отвѣтчика, то лишь въ качествѣ *случайнаго* (défendeur éventuel), имѣющаго право поручить адвокату наблюденіе за производствомъ, безъ права заступленія, въ этомъ случаѣ, довѣрителя. По истеченіи срока, опредѣленнаго на представленіе *дополненія* къ просьбѣ о кассаціи, mémoire ampliatif, дѣло считается готовымъ для слушанія (en état) и президентъ палаты назначаетъ *докладчика*. По изготовленіи *письменнаго* доклада и представленія его съ производствомъ въ секретаріатъ—послѣдній все это передаетъ *присутствію* генералъ-прокурора (parquet du procureur général), который поручаетъ дѣло разсмотрѣнію одного изъ состоящихъ при немъ генераловъ—адвокатовъ (avocats généraux). По изготовленіи заключенія, дѣло, за три дня до засѣданія, должно быть возвращено въ секретаріатъ палаты принятія прошеній. Въ засѣданіи этой послѣдней дѣло докладывается назначеннымъ для этаго *совѣтникомъ* (conseiller); адвокатъ кассатора, если о томъ проситъ, допускается къ представленію словесныхъ объясненій и наконецъ требуется заключеніе прокурорскаго надзора, по выслушаніи котораго и постановляется опредѣленіе или о принятіи просьбы объ отмѣнѣ, или объ отказѣ просителю. Въ этомъ только послѣднемъ случаѣ, опредѣленіе должно быть мотивировано, *) потому что имъ окончательно пресѣкаются способы обжало-

*) Декретъ 4 Жерминаля, годъ II.

ванія рѣшенія и слѣдовательно прекращается навсегда и самый *споръ* о правѣ.

Съ принятіемъ палатою принятія прошеній просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія начинается второй періодъ кассаціоннаго судопроизводства. Дѣло поступаетъ въ палату гражданскую, или выражаясь языкомъ нашихъ уставовъ, въ гражданскій департаментъ кассаціоннаго суда. Здѣсь уже обрядъ судопроизводства *состязательный*. Кассаторъ обязанъ въ двухмѣсячный срокъ (зак. 2 іюня 1862 г.), со дня опредѣленія о принятіи кассаціонной жалобы, вызвать своего соперника къ суду въ гражданскій департаментъ кассаціоннаго суда. Вызовъ этотъ совершается посредствомъ акта въ формѣ exploit; судебный приставъ кассаціоннаго суда, если отвѣтчикъ имѣетъ жительство въ Парижѣ, сообщаетъ послѣднему лично или въ домицилѣ копіи просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія и опредѣленія палаты принятія прошеній, за подписью адвоката, состоящаго при кассаціонномъ судѣ; *) подлинный актъ кассаторомъ представляется въ гражд. департ. касс. суда.

Сроки на явку отвѣтчика и донынѣ опредѣляются регламентомъ 1738 г. Избраніе адвоката въ двухнедѣльный, мѣсячный и проч. сроки не обязательно. Достаточно представленіе со стороны отвѣтчика письменнаго отвѣта въ недѣльный, по истеченіи срока на явку, срокъ. Инструкція дѣла *письменная* и ограничивается двумя съ каждой стороны состязательными бумагами, въ формѣ прошеній или мемуаровъ, докладныхъ записокъ. Въ случаѣ непредставленія кассаторомъ опроверженія на отвѣтъ соперника, по просьбѣ послѣдняго, постановляется опредѣленіе объ отказѣ кассатору вслѣдствіе просрочки (arrêt de forclusion). Во время кассаціоннаго производства дѣла допускается вступленіе въ него третьяго лица. Для этаго интервеніентъ долженъ принести прошеніе, подаваемое въ секретаріатъ, и передаваемое послѣд-

*) Это равносильно *избранію адвоката* (constitution), которо обязательно для кассатора, кромѣ случаевъ положительно изъятыхъ, по закону, изъ этаго правила.

нимъ докладчику кассаціоннаго дѣла. Въ назначенный для слушанія дѣла день, оно въ засѣданіи гражданскаго департамента докладывается совѣтникомъ. Адвокаты, или сами стороны, когда имъ это разрѣшено, представляютъ свои объясненія и затѣмъ членъ прокурорскаго надзора даетъ свое заключеніе. Постановляя опредѣленіе, гражданскій департаментъ оставляетъ просьбу объ отмѣнѣ рѣшенія безъ послѣдствій (rejette) или же отмѣняетъ (casse) рѣшеніе. Въ первомъ случаѣ подвергаетъ кассатора штрафу въ пользу казны, присуждаетъ вознагражденіе противнику и къ издержкамъ; во второмъ случаѣ возвращаетъ залогъ, возстановляетъ стороны въ первоначальное, до кассированнаго рѣшенія, положеніе, и отсылаетъ дѣло для новаго производства и рѣшенія въ другой ближайшій судъ той же степени съ судомъ, рѣшеніе котораго отмѣнено (зак. 27 вентоза, годъ VIII). Когда рѣшеніе кассировано по нарушенію формъ судопроизводства, то производство дѣла начинается съ дѣйствія, послужившаго поводомъ къ кассаціи. Если же рѣшеніе отмѣнено по случаю противорѣчія его съ рѣшеніемъ другаго суда (C. de proc. civ. art. 520), то гражданскій департаментъ кассаціоннаго суда ограничивается предписаніемъ объ исполненіи перваго изъ нихъ. Въ случаѣ кассаціи, по предложенію генералъ-прокурора, въ интересѣ охраненія закона, дѣло не отсылается для новаго разсмотрѣнія въ другой судъ.

Опредѣленія кассаціоннаго суда въ отношеніи толкованія и разъясненія точнаго разума закона, по французскому законодательству, до 1837 г. были не обязательны для судебныхъ установленій, даже тѣхъ, въ которыя обращаются дѣла вслѣдствіе кассаціи къ новому производству и рѣшенію. Функціи кассаціоннаго суда — судебныя, а не законодательныя. Тѣмъ не менѣе законодатель долженъ былъ предусмотрѣть практическія послѣдствія такого порядка вещей, по которому легко можетъ случиться и дѣйствительно нерѣдко случалось, что апелляціонныя палаты при разсмотрѣніи обращенныхъ въ оныя, вслѣдствіе кассаціи, дѣлъ, не подчиняясь сужденію кассаціоннаго суда въ разъясненіи разума закона, оставались, въ этомъ отношеніи, при мнѣніи суда постановившаго кас-

сированное рѣшеніе. Почему органическимъ закономъ 1 декабря 1790 года, въ случаѣ послѣдовательной кассаціи двухъ рѣшеній, постановленныхъ по одному и тому же дѣлу, и по однимъ и тѣмъ же вопросамъ права, когда третій трибуналъ не подчинится сужденію кассаціоннаго суда, предоставлено этому послѣднему, не входя въ разсмотрѣніе третьей кассаціонной жалобы, войти съ представленіемъ о разъясненіи точнаго разума закона, въ законодательномъ порядкѣ, для примѣненія такого аутентичнаго толкованія не только на будущее время, но и къ дѣлу изъ котораго возникъ вопросъ права. Конституція 3 сентября 1791 г., удержала эту же систему. Послѣдующая 5 фруктидора, годъ III, установила то же правило съ тою только разницею, что предоставила кассаціонному суду вышеизложенное право не на случай третьей,—а второй кассаціонной жалобы.

Закономъ 27 вентоза, годъ VIII повелѣно было: „когда послѣ кассаціи, второе рѣшеніе по существу, будетъ обжаловано по тѣмъ же основаніямъ, какъ и первое, то дѣло передавать на разсмотрѣніе общаго собранія департаментовъ кассаціоннаго трибунала“ очевидно, что этимъ законоположеніемъ не опредѣлялись судьбы дѣла на случай кассаціи втораго рѣшенія и принесенія третьей просьбы объ отмѣнѣ. Вслѣдствіе чего закономъ 16 сентября 1807 г. возобновлена частью система 1790 г,, частью удержаны правила кон. VIII г., причемъ разъясненіе разума закона отнесено было къ вѣдомству государственнаго совѣта, который, въ эту эпоху, фактически пользовался законодательною властью. Хартія 1814 года, сосредоточившая законодательную власть въ лицѣ короля и двухъ палатъ, измѣнила предѣлы вѣдомства и власти государственнаго совѣта до такой степени, что законъ 1807 г. сталъ мертвою буквою. Позднѣйшія правила по этому предмету (зак. 30 іюля 1828 г.), заключались въ томъ, во 1-хъ, что кассаціонный судъ въ случаѣ вторичной кассаціонной жалобы, обязанъ былъ, не ожидая разъясненія вопроса права, въ законодательномъ порядкѣ, *) постановить по ней

*) Этимъ закономъ поставлено было кассаціонному суду въ обязан-

свое опредѣленіе въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательства не министра юстиціи, но старшаго своего предсѣдателя, и во 2-хъ что въ случаѣ передачи такимъ опредѣленіемъ дѣла въ третій трибуналъ или въ третію апелляціонную палату — и рѣшенія ими дѣла на основаніи толкованія закона, тождественнаго съ сужденіями первыхъ двухъ трибуналовъ или палатъ, не принимать болѣе просьбъ объ отмѣнѣ и не ожидать разрѣшенія вопроса права, въ законодательномъ порядкѣ. Подобная система, какъ замѣчаетъ Боатаръ, давая перевѣсъ доктринѣ апелляціонныхъ палатъ предъ *кассаціонною*, противорѣчила іерархическому началу судоустройства и значенію кассаціоннаго суда, сосредоточивающаго въ себѣ высшій судебный надзоръ, предупреждающаго и уничтожающаго разнообразное толкованіе закона, неизбѣжное при существованіи множества судебныхъ установленій. Этотъ и другіе недостатки въ законѣ 1828 г. послужили основаніемъ къ его отмѣнѣ и установленію положеній и донынѣ сохраняющихъ свое дѣйствіе (зак. 1 апрѣля 1837 г.).

1) Если, послѣ отмѣны перваго окончательнаго рѣшенія, на второе, постановленное по тому же дѣлу и между тѣми же сторонами, въ томъ же ихъ качествѣ, будетъ принесена кассаціонная жалоба на прежнихъ основаніяхъ, то оная разрѣшается общимъ собраніемъ кассаціоннаго суда,

и 2) Если второе рѣшеніе будетъ кассировано по основаніямъ тождественнымъ съ первымъ, то апелляціонная палата или трибуналъ, въ которыя дѣло будетъ обращено, должны подчиниться сужденію кассаціоннаго суда, по вопросу права разрѣшенному этимъ судомъ.

Примѣчаніе. Кассаціонное учрежденіе по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года отличается отъ существующаго во Франціи: 1, организаціею,—такъ какъ у насъ гражданскій кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената не распадается на отдѣленія: а) *принятія прошеній* и б) *гражданское, для рѣшенія дѣлъ по просьбамъ объ отмѣненіи рѣшеній*, вслѣдствіе того, что предварительное разсмотрѣніе кас-

---

ность о подобныхъ случаяхъ коллизіи въ вопросахъ права представлять правительству.

саціонныхъ жалобъ въ особомъ присутствіи признано было излишнимъ; 2, кассаціонный Сенатъ не составляетъ *единаго* кассаціоннаго учрежденія, потому что и съѣздамъ мировыхъ судей предоставлены функціи кассаціоннаго суда; 3, кассація исключительно въ интересѣ охраненія закона не установлена; 4, просьбы о *кассаціи*, о *пересмотрѣ* рѣшеній и *не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ* подчинены общему кассаціонному производству; 5, кассаціи могутъ подлежать только окончательныя рѣшенія. 6, кассаціонное производство не подчинено началу состязательности процесса на томъ основаніи, что задача кассаціоннаго суда заключается въ разрѣшеніи вопроса: былъ ли нарушенъ законъ при постановленіи окончательнаго рѣшенія, что кассаціонное учрежденіе не входитъ въ разсмотрѣніе существа судебныхъ дѣлъ и потому не составляетъ третьей судебной инстанціи; 7, кассаціонный Сенатъ, по нѣкоторымъ судебнымъ дѣламъ, въ соединеніи съ I департаментомъ составляетъ первую судебную инстанцію, на рѣшенія которой приносится апелляція общему собранію всѣхъ кассаціонныхъ и 1 департамента Сената (1322—1324 ст. уст. гражд. суд.); 8, по гражданскимъ дѣламъ за исключеніемъ дѣлъ сопряженныхъ съ интересами казеннаго управленія, прокурорскому надзору не предоставлено право входить съ протестами въ гражданскій департаментъ кассаціоннаго Сената; 9, особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ при кассаціонномъ Сенатѣ не полагается; 10, авторитетъ опредѣленія кассаціоннаго Сената по предмету разъясненія точнаго разума закона, по нашимъ суд. устав., имѣетъ первенствующее значеніе; судебное мѣсто, въ которое дѣло передается къ новому обсужденію, обязано подчиниться сужденію кассаціоннаго Сената, и сверхъ того, рѣшенія его публикуются во всеобщее свѣдѣніе для руководства *къ единообразному истолкованію* и *примѣненію законовъ*. Не смотря на это, разъясненія кассаціоннаго Сената, въ силу принципа разграниченія власти судебной отъ законодательной, для всѣхъ судебныхъ установленій имѣютъ значеніе *доктринальнаго, научнаго толкованія* *) и только по отношенію къ судебному мѣсту, въ которое дѣло передается *къ новому производству и рѣшенію*, безусловно обязательны.

Послѣдній изъ чрезвычайныхъ способовъ обжалованія рѣшеній—это жалобы, приносимыя, въ порядкѣ гражданскомъ, на неправильныя и пристрастныя дѣйствія судей, прокуроровъ и ихъ заступающихъ, гражданскихъ трибуналовъ, апелляціонныхъ палатъ и ассизовъ и о взысканіи съ нихъ убыт-

*) Савиньи, какъ извѣстно, отвергъ классификацію толкованія закона на легальную и доктринальную, потому, что первая, исходя отъ законодателя, устанавливаетъ новую норму и слѣдовательно не составляетъ интепретаціи, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

ковъ. Наименованіе этого способа обжалованья: „*prise à partie,*“ заимствовано изъ римскаго права, по которому пристрастный судья разсматривался какъ бы *стороною* въ дѣлѣ, *litem suam facit.* Prise à partie отнесена кодексомъ гражданскаго судопроизводства къ способамъ обжалованія рѣшеній, единственно только потому, что нерѣдко обязанность судьи вознаградить тяжущагося за убытки, понесенные вслѣдствіе неправильныхъ или пристрастныхъ дѣйствій его, зависитъ отъ признанія неправильнымъ и самаго рѣшенія. Но когда напр. жалоба приносится на отказъ въ правосудіи, то въ этомъ случаѣ, очевидно, *prise à partie* не составляетъ способа обжалованія рѣшенія.

Примѣчаніе. Нашъ уст. гражд. судопр. совершенно правильно дѣла по просьбамъ о взысканіи убытковъ съ судей, прокуроровъ и другихъ чиновъ судебнаго вѣдомства относитъ къ изъятіямъ изъ общаго порядка гражданскаго судопроизводства. (Книга III).

Кодексъ гражд. суд. (art. 505) допускаетъ prise à partie въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Злонамѣренности (dol), *) обмана (fraude) **) и противозаконныхъ сборовъ (concussion) ***), во время инструкціи и рѣшенія дѣла:

2) Положительнаго ее установленія закономъ. Сюда относятся законоположенія санкціонирующія соблюденіе формъ и обрядовъ предварительнаго слѣдствія (C. d'instr. crimin. art. 77, 112, 164, 271 и 230);

---

*) Dolus, въ обширномъ значеніи этого слова, означало у Римлянъ всякое намѣренное противное справедливости и истинѣ дѣйствіе. При этомъ смотря по цѣли дѣйствія проводилось различіе между dolus bonus и dolus malus. Этотъ послѣдній, какъ заключающій въ себѣ признаки обмана, имѣлъ юридическое значеніе. Culpa lata по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ приравнилась къ dolus. Французское право не унаслѣдовало этого взгляда. Почему и неправильное рѣшеніе, постановленное вслѣдствіе ошибки или невѣдѣнія судьи, не влечетъ за собой никакой отвѣтственности.

**) Подъ словомъ *fraude* въ этомъ узаконеніи разумѣются неблаговидныя тайныя сдѣлки между судьею и тяжущимся collusions).

***) art. 174 cod pénal.

3) Когда установлена закономъ отвѣтственность судей подъ страхомъ вознагражденія за убытки;

и 4) когда обнаружится отказъ въ правосудіи, какъ то: остановленіе рѣшенія дѣла подъ предлогомъ недостатка, неясности или неполноты закона; остановленіе рѣшенія дѣла готоваго для слушанія и вступившаго въ очередь, оставленіе безъ разсмотрѣнія просьбы.

Дѣла о взысканіи съ мировыхъ судей окружныхъ и коммерческихъ судовъ, или членовъ ихъ, а также членовъ палатъ подвѣдомственны апелляціоннымъ палатамъ, въ округѣ которыхъ они состоятъ, дѣла же о взысканіи съ ассизныхъ судовъ и апелляціонныхъ палатъ или отдѣленій ихъ отнесены къ вѣдомству кассаціоннаго суда (зак. 27 вентоза, годъ VIII.)

Примѣчаніе. По 509. ст. кодек. гражд. суд. prise à partie, когда она касается ассизнаго суда или апелляціонной палаты, отнесена къ вѣдомству Императорскаго верховнаго суда. Но за неосуществленіемъ послѣдняго и за учрежденіемъ конституціями 1848 и 1852 годовъ „haute cour de justice“, чисто политическаго характера, законъ 27 вентоза, годъ VIII, слѣдуетъ считать сохранившимъ свое дѣйствіе.

Въ видахъ огражденія судей отъ неосновательныхъ исковъ prise à partie воспрещается безъ предварительнаго разрѣшенія надлежащаго суда.

Для этого, prise à partie вчиняется въ формѣ прошенія за подписью стороны, или спеціально на этотъ предметъ (ad hoc) уполномоченнаго *аутентичною* довѣренностью. Дѣло сообщается прокурорскому надзору. Апелляціонная палата разрѣшаетъ вопросъ о принятіи или непринятіи просьбы въ распорядительномъ засѣданіи, безъ выслушанія просителя. Въ кассаціонномъ судѣ этотъ предметъ подлежитъ разсмотрѣнію въ публичномъ засѣданіи департамента принятія прошеній.

Въ случаѣ принятія просьбы дѣло передается для рѣшенія въ другое отдѣленіе суда; просьба сообщается судьѣ — отвѣтчику *лично*, который обязанъ, въ недѣльный срокъ, представить по ней свое объясненіе и устранить себя отъ разсмотрѣнія не только дѣла по жалобѣ, но и, до окончательнаго его рѣшенія, отъ всѣхъ другихъ дѣлъ жалобщика,

родственниковъ послѣдняго по прямой линіи и супруга, какіе возникнутъ въ трибуналѣ его служенія, подъ страхомъ недѣйствительности рѣшеній (C. de pr. civ. art 514.

Декретомъ 30 марта 1808 г. повелѣно этаго рода дѣла рѣшать въ торжественномъ засѣданіи (en audience solennelle), отличающемся отъ обыкновеннаго тѣмъ, что оно происходитъ подъ предсѣдательствомъ перваго президента, въ соединенномъ присутствіи двухъ департаментовъ, въ составѣ не менѣе 14 совѣтниковъ, засѣдающихъ въ красныхъ мантіяхъ *).

Непринятіе просьбы, или оставленіе ея безъ уваженія влечетъ за собою штрафъ въ размѣрѣ не менѣе 300 франковъ.

Примѣчаніе. Законъ не опредѣляетъ особаго срока для вчиненія prise à partie; вслѣдствіе чего на нее распространяется тридцатилѣтняя давность. Prise à partie можетъ быть вчиняема и противъ наслѣдниковъ судьи и проч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Elém d'organisation judic. par Bonnier. p. 119.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

Отвѣтъ графу Л. А. Комаровскому.

Въ майской книжкѣ журнала «Юридическій Вѣстникъ» появилась рецензія доцента здѣшняго университета по каѳедрѣ международнаго права, графа Л. Комаровскаго, на мое сочиненіе «Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву, С.-Петербургъ, 1876 года». Всякая критика, какъ проявленіе личнаго взгляда и убѣжденій автора ея, должна несомнѣнно пользоваться полною свободою сужденій; тѣмъ болѣе странно было бы автору сочиненія, подвергшагося въ настоящемъ случаѣ рецензіи, изъявлять, особенно путемъ печати, неудовольствіе по поводу неодобрительныхъ о его сочиненіи отзывовъ. Съ своей стороны рецензентъ, который не желаетъ быть односторонникъ и быть обвиненнымъ въ томъ, что задался предвзятою мыслію, долженъ, кромѣ субъективныхъ взглядовъ, основываться и на объективныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ самаго сочиненія, подвергаемаго критическому разбору. При отсутствіи такихъ данныхъ, рецензія будетъ только выраженіемъ личныхъ воззрѣній рецензента, будетъ голословнымъ обвиненіемъ, высказывающимся иногда съ болѣе или менѣе значительною примѣсью желчи и раздраженія. Послѣдніе элементы проявятся тѣмъ легче, чѣмъ менѣе окажется у автора разбираемаго сочиненія мыслей и симпатій, раздѣляемыхъ самимъ критикомъ.

Мы считаемъ себя обязанными отвѣчать графу Комаровскому на томъ, вопервыхъ, основаніи, что онъ принялся, по нашему мнѣнію, за рецензію съ предвзятою мыслію, внушенною, очевидно, недовѣріемъ къ неизвѣстному въ русской ученой литературѣ имени автора, и не далъ себѣ труда внимательно изучить, или

вѣрнѣе прочесть наше сочиненіе. Послѣдствіемъ такой невнимательности и отчасти поспѣшности явилось искаженіе, конечно невольное, графомъ Комаровскимъ смысла нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ въ нашемъ очеркѣ. Рецензентъ ставитъ часто намъ въ упрекъ то, въ чемъ мы нисколько неповинны. Мы беремся за перо, вовторыхъ, и потому, что желаемъ при этомъ удобномъ случаѣ еще разъ печатно высказать цѣли, которыя мы имѣли въ виду при изданіи нашего «очерка», и уяснить задачу и методъ нашего изслѣдованія, дабы отъ насъ не требовали того, чего мы вовсе и не желали дать читателямъ, и дабы не считалось великою погрѣшностью—отсутствіе у насъ указаній на нѣкоторые отдѣлы и спеціальныя монографіи по международному праву,—указаній, которыя преднамѣренно и сознательно нами исключены изъ нашего изслѣдованія. Мы постараемся воздерживаться отъ восклицаній и колкихъ замѣчаній, нисколько не уясняющихъ сути дѣла, но могущихъ раздражить обѣ стороны и вызвать неумѣстную полемику, и будемъ при этомъ руководствоваться мудрымъ римскимъ изрѣченіемъ: sine ira et studio. Мы будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за доводами графа Комаровскаго и позволимъ себѣ уклоненіе отъ этого пути только въ тѣхъ случаяхъ, когда неумолимая логика того потребуетъ.

Потребность въ работахъ, въ которыхъ бы были подвергнуты критическому разбору всѣ новѣйшіе систематики и учебники по международному праву, съ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, все болѣе и болѣе ощущается, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ, при бѣдности собственной оригинальной литературы по этому праву, трудно, къ тому же и дорого пріобрѣтать иностранныя сочиненія, о выходѣ которыхъ до послѣдняго времени у насъ успѣвали узнавать уже тогда, когда сочиненія теряли свой интересъ. Дать читателямъ краткій и обстоятельный очеркъ *лучшихъ* и *важнѣйшихъ* (*но не всѣхъ*) учебниковъ и систематикъ авторовъ различныхъ національностей, подвергнуть эти учебники оцѣнкѣ въ важнѣйшихъ и оригинальныхъ частяхъ ихъ ученій—вотъ та цѣль, которою мы задались при составленіи нашего «Очерка». При этомъ, разумѣется, мы высказывали свои взгляды и личныя симпатіи.

Прочитавшіе нашъ «Очеркъ» и настоящую замѣтку убѣдятся сколько труда и времени потребовалось для изданія его въ свѣтъ. Каждому будетъ ясно, почему должно было опустить всѣ монографіи по отдѣльнымъ отраслямъ международнаго права.

Если бы мы вздумали разобрать, хотя бы только въ немногихъ словахъ, самыя лишь извѣстныя и важныя монографіи, то трудъ нашъ потребовалъ бы съ десятокъ лѣтъ усиленной работы, вопросъ бы до двойнаго или тройнаго объема противъ настоящаго, при чемъ онъ удовлетворялъ бы другимъ цѣлямъ и былъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ.

Въ отношеніи монографій нами допущено исключеніе только для итальянской и русской школъ. Первую мы подвергли весьма тщательному и подробному изслѣдованію. Малоизвѣстность ея въ Россіи, важность и свѣжесть воззрѣній итальянскихъ писателей, высокая степень ихъ даровитости, своеобразность ихъ и нѣкоторыя другія внутреннія и внѣшнія достоинства этой школы побудили насъ остановиться на ней болѣе чѣмъ на трудахъ публицистовъ всѣхъ другихъ школъ. Поэтому, относительно итальянскихъ ученыхъ, мы позволили себѣ уклоненіе отъ первоначально нами предположенныхъ пути и цѣли нашего изслѣдованія, и, въ третьей главѣ нашего «Очерка», не ограничились одними учебниками, но болѣе или менѣе подробно трактуемъ и о монографіяхъ какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ. Однимъ словомъ очеркъ итальянскихъ публицистовъ по международному праву есть совершенно особый отдѣлъ, гораздо болѣе подробно разработанный, чѣмъ всѣ прочіе. Что касается русской литературы (шестая и послѣдняя глава «Очерка») то и здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ учебниковъ, у насъ имѣющихся, мы считали необходимымъ разобрать еще и нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ монографій, относящихся къ самымъ интереснымъ и животрепещущимъ вопросамъ международнаго права—войны, нейтралитета и вооруженнаго вмѣшательства. Къ концу этой главы мы приложили довольно полный библіографическій указатель другихъ сочиненій, которыя мы не сочли удобнымъ подвергнуть критическому разбору. *)

Во всѣхъ остальныхъ отдѣлахъ «Очерка», посвященныхъ англо-американской и нѣмецкой школамъ, мы имѣли въ виду ограничиться одними учебниками и систематиками по международному праву, и при томъ лучшими и извѣстнѣйшими. Замѣтивъ, по

*) Считаемъ умѣстнымъ замѣтить здѣсь, что по отношенію къ русской литературѣ, попытка собрать и критически обсудить главнѣйшіе учебники и монографіи по сіе время есть первая въ этомъ родѣ въ Россіи.

отношенію къ французской школѣ, отсутствіе систематикъ и учебниковъ, мы предполагали было обойти ее совершеннымъ молчаніемъ. Но сообразивъ въ послѣдствіи что полное умолчаніе о французской литературѣ по нашей наукѣ могло бы повести тѣхъ изъ читателей, которые еще незнакомы съ предметомъ, къ ошибочному предположенію, будто Французы не внесли никакой лепты въ сію науку, мы рѣшились поэтому, указавъ на отсутствіе во Франціи учебниковъ и систематикъ и постаравшись объяснить это явленіе, указать въ нѣсколькихъ словахъ на значеніе нѣкоторыхъ французскихъ публицистовъ въ частныхъ отдѣлахъ по международному праву, преимущественно по отношенію къ отдѣламъ о войнѣ и нейтралитетѣ. Мы пытались очертить ихъ въ немногихъ словахъ, не дѣлая подробнаго разбора, что вывело бы насъ изъ предположенныхъ рамокъ изслѣдованія. Сдѣлавъ противное и распространившись о сочиненіяхъ Готфеля, Коши, Ортолана и Массе подробнѣе, мы впали бы въ непослѣдовательность, и тогда трудно бы было умолчать о монографическихъ трудахъ по тѣмъ же вопросамъ въ нѣмецкой и англійской литературахъ. Мы еще разъ считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на то, что мы по возможности хотѣли съузить рамки нашего изслѣдованія; внесеніе же въ него монографій не только значительно расширило бы планъ и объемъ труда, но и сдѣлало бы самое появленіе его въ свѣтъ покуда невозможнымъ. По теперешнему же объему и содержанію сочиненіе, быть можетъ, въ состояніи удовлетворить насущной потребности въ Россіи—имѣть книгу, въ которой были бы разобраны важнѣйшіе учебники и монографіи, и въ которой бы можно было найти указанія на достоинства и недостатки извѣстныхъ сочиненій; указанія на то, что и гдѣ можно найти, и т. д. Понятно, что при этомъ мы вовсе не желали, да и не было надобности, проводить какую-нибудь одну мысль черезъ все сочиненіе, связать всѣ его части и отдѣлы, распредѣленные по національностямъ, въ одно стройное цѣлое. Каждый отдѣлъ у насъ долженъ былъ, по вполнѣ сознательнымъ цѣлямъ, которыми мы задались, и согласно нашему желанію, представить нѣчто независимое и самостоятельное, и могущее въ отдѣльности представить изложеніе содержанія ученій и критическія замѣтки къ главнѣйшимъ писателямъ относительно важнѣйшихъ частей ихъ ученій, въ которыхъ они наиболѣе оригинальны.

Нашъ «Очеркъ» не есть исторія литературы, ни исторія раз-

витія какой-нибудь одной или нѣсколькихъ идей въ международномъ правѣ, поскольку онѣ высказались въ литературѣ предмета. Поэтому то, что графъ Комаровскій называетъ научнымъ единствомъ, необходимымъ, по его мнѣнію, въ такихъ критическихъ сочиненіяхъ, не составляетъ, по нашему мнѣнію необходимаго элемента въ подобнаго рода трудахъ. Да и что понимать подъ научнымъ единствомъ? Понятіе о немъ слишкомъ растяжимо, неопредѣленно и субъективно. Напрасно графъ Комаровскій не потрудился выяснить въ своей рецензіи что онъ понимаетъ подъ этимъ словомъ, и какимъ образомъ установлено имъ понятіе о научномъ единствѣ и гдѣ именно прилагается или не прилагается къ нашему «Очерку»?

Читатели, вникнувшіе въ смыслъ введенія къ нашему «Очерку» удивятся не мало, что графъ Комаровскій дѣлаетъ намъ упрекъ, за оставленіе безъ вниманія всѣхъ монографій о войнѣ и нейтралитетѣ (кромѣ итальянскихъ и русскихъ), тогда какъ, говоритъ графъ Комаровскій, г. Даневскій, судя по словамъ его введенія, желалъ разсмотрѣть не только общія сочиненія по международному праву, но и такія монографіи, которыя посвящены вопросамъ войны и нейтралитета?! Явное доказательство невниманія и поспѣшности, съ которыми графъ Комаровскій пробѣжалъ наше сочиненіе. Онъ, очевидно, не далъ себѣ даже труда свѣрить свои выводы съ тѣми страницами «Очерка», на которыя самъ же ссылается. Просимъ читателей открыть *первую страницу* введенія къ нашему «Очерку». Четвертая его строка начинается такъ: «при составленіи этого изслѣдованія авторъ долженъ былъ, естественно, ограничиться самыми важными и извѣстными произведеніями, *обнимающими собою весь предметъ международнаго права, не касаясь трудовъ второстепенныхъ* и (читай *не касаясь*) *трудовъ публицистовъ, писавшихъ объ отдѣльныхъ вопросахъ по этому праву*". Далѣе мы говоримъ объ исключеніи, допущенномъ нами по отношенію къ русской и итальянской литературѣ, и на слѣдующей страницѣ излагаемъ причины, побудившія насъ сдѣлать такое исключеніе. Не ясно ли, что разборъ монографій, какихъ бы, то ни было, прямо исключенъ нами? Графъ Комаровскій, не давшій себѣ труда изучить и обдумать наше изслѣдованіе, былъ очевидно смущенъ послѣдними строками четвертой страницы введенія. Тамъ говорится, что авторъ, при разборѣ публицистовъ всѣхъ школъ, кромѣ итальянской, обращалъ главнымъ образомъ вниманіе на отно-

шеніе ихъ къ вопросамъ войны и нейтралитета, такъ какъ и т. д. и т. д. Что же логическимъ путемъ вытекаетъ изъ всего этого? Если мы прямо оговорились (первая страница), что опускаемъ всѣ монографіи, кромѣ итальянскихъ и русскихъ, и изучаемъ только сочиненія обнимающія собою весь предметъ, то (четвертая страница) въ нихъ-то (т. е. въ этихъ послѣднихъ) и будемъ обращать вниманіе особенно на вопросы о войнѣ и нейтралитетѣ, такъ какъ они, говоримъ мы, безспорно самые животрепещущіе, жизненные и наиболѣе интересные вопросы международнаго права (стр. 4-я, послѣднія строки).

Выходитъ, что и мы могли бы, вмѣстѣ съ нашимъ рецензентомъ, воскликнуть: «такъ пишутся критики» и поставить восклицательный знакъ; но мы воздержимся отъ этого.

Еще страннѣе высказываемый рецензентомъ на той же страницѣ упрекъ за то, что мы обходимъ полнымъ молчаніемъ послѣднія примѣчательныя работы института международнаго права по вопросамъ, вызваннымъ Вашингтонскимъ договоромъ и великое, гуманное дѣло Брюссельскаго конгресса, и тѣ безчисленные толки, которые подняты этимъ конгрессомъ въ литературѣ. Непонятно, какъ все это замѣчаніе графа Комаровскаго можетъ идти къ разбору учебниковъ и систематикъ, критикою которыхъ (и только важнѣйшихъ изъ нихъ) мы задались? Хорошъ викегредъ вышелъ бы изъ нашего «Очерка», еслибы мы додумались разсмотрѣть въ немъ всѣ указанные выше нашимъ критикомъ сложные и запутанные вопросы, и хотя бы только перечислить дѣйствительно богатую литературу по этимъ вопросамъ. Если коснуться Брюссельской конференціи и литературы этого вопроса, то почему же не коснуться Женевской конвенціи 1864 и 1868 года и Петербургской 1868? Зачѣмъ умалчивать о Парижской декларацiи 1856 года, столь важной для правъ нейтральныхъ? Слѣдовало бы коснуться и литературы по всѣмъ этимъ вопросамъ. Логично идя такимъ путемъ далѣе, мы дошли бы до Вѣнскаго конгресса, конгрессовъ въ Тропау, Лайбахѣ и Веронѣ, и т. д., и т. д.

И вотъ, все на той же злосчастной страницѣ и еще упрекъ. Указавъ, что мы мало обращаемъ вниманія въ нашемъ «Очеркѣ» на всѣ эти животрепещущіе и жизненные вопросы (т. е. на монографіи о войнѣ и нейтралитетѣ, на Брюссельскую конф. и т. д.), графъ Комаровскій заканчиваетъ: «За то, г. Даневскій подробно распространяется о давно критикою разобранныхъ и

нынѣ вполнѣ устарѣвшихъ сочиненіяхъ Джентилиса, Галіани, Лампреди и Ацуни». Завершается все это фразою съ восклицательнымъ знакомъ.

Не наша, конечно, вина что нашъ рецензентъ не знакомъ вовсе или мало знакомъ съ трудами Галіани, Ацуни и Лампреди. Еслибы почтенный критикъ былъ знакомъ съ ними, то не рѣшился бы высказать столь строгій и невѣрный приговоръ. Начать съ того, что всѣ эти писатели, хотя и принадлежатъ къ восемнадцатому вѣку, разбираются нами потому, что для итальянской школы, какъ замѣчено выше, мы не ограничились очеркомъ одной новѣйшей литературы, но принявъ во вниманіе ея малоизвѣстность въ Россіи, хотѣли, по возможности, изложить всѣ извѣстнѣйшіе учебники и монографіи. Во вторыхъ, въ ряду работъ по нейтралитету и морскому международному праву, сочиненія Галіани и Ацуни имѣютъ особенную важность не только для итальянской литературы, но и для всей литературы международнаго права вообще. Въ третьихъ, графъ Комаровскій напрасно считаетъ сочиненія Галіани и Ацуни устарѣвшими. Развѣ ему неизвѣстно, что Галіани первый съ строго научной точки зрѣнія возсталъ противъ каперства и захвата частной непріятельской собственности на морѣ, и противъ односторонности въ составѣ призовыхъ судовъ? Это такія заслуги, которыя обезсмертили имя Галіани въ исторіи литературы морскаго международнаго права. Послѣ него всѣ писатели, не исключая и излюбленныхъ графомъ Комаровскимъ нѣмцевъ, топчутся, по отношенію къ этому вопросу, на одномъ мѣстѣ, и по сію пору на практикѣ вопросъ о захватѣ непріятельской частной собственности на морѣ, о составѣ призовыхъ судовъ и даже о каперствѣ, не разрѣшенъ окончательно. Галіани же въ концѣ восемнадцатаго вѣка уже указалъ на нихъ, и, думается намъ, болѣе высказалъ истинъ и болѣе помогъ успѣхамъ международнаго права и гуманизированію морскихъ войнъ, чѣмъ кодексъ гейдельбергскаго идола (Блунчли) будущему гуманизированію современнаго международнаго права. Что касается Ацуни, то его система дѣленія на періоды въ морскомъ международномъ правѣ на столько цѣлесообразна, что одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей по этому предмету — Евгеній Коши (Eugéne Cauchy)—принялъ ее почти цѣликомъ. Матеріалъ у Ацуни собранъ богатый, и современные писатели находятъ возможнымъ многое черпать изъ его творенія. Слѣдовательно,

и Ацуни не долженъ считаться устарѣвшимъ. Послѣднее отчасти вѣрно относительно Лампреди. Но мы долго остановились на немъ, сверхъ вышеуказанныхъ причинъ, еще и потому, что изученіе его дополняетъ, и даже прямо необходимо при изученіи Галіани и Ацуни, какъ крайняя противуположность ученію перваго изъ нихъ. Сопоставляя Лампреди съ Галіани и противопоставляя перваго послѣднему, мы тѣмъ самымъ ярче обрисовываемъ заслуги Галіани передъ наукою. Заслуги Джентилиса, наконецъ, тоже значительны. Онъ первый отдѣлилъ международное право отъ богословія и метафизики, и требовалъ внесенія въ войну болѣе гуманныхъ началъ, не соотвѣтствовавшихъ тогдашнему времени. Говоримъ мы объ немъ, къ тому же, и немного: всего около четырехъ страницъ.

Обратимся теперь къ частнымъ замѣчаніямъ рецензента по поводу отдѣльныхъ главъ нашего очерка.

Возраженія по отношенію къ итальянской школѣ сводятся къ тремъ главнымъ: во первыхъ къ системѣ, принятой нами при изложеніи итальянскихъ публицистовъ, во вторыхъ къ тому, что мы *во всемъ* принимаемъ ученіе итальянцевъ о національности и невмѣшательствѣ, въ третьихъ по отношенію къ частностямъ третьей главы нашего изслѣдованія, что мы напрасно долго останавливаемся на сочиненіи Педерцини, почти не разбираемъ труда Видари «del rispetto della proprieta privata dei popoli belligeranti,» и, будто бы, упускаемъ изъ виду болѣе серьезныя воззрѣнія на невмѣшательство Пьерантони и Амари.

Мы полагали, что единственно, чего каждый въ правѣ требовать отъ труда, подобнаго нашему, это — группировка тѣхъ публицистовъ и ихъ трактатовъ, которые посвящены разбору какихъ нибудь частныхъ вопросовъ науки. Болѣе важные труды, проводящіе взгляды и теоріи наиболѣе оригинальныя и идеи наиболѣе самостоятельныя, должны быть поставлены на первомъ планѣ. По отношенію къ итальянцамъ, таковы несомнѣнно многочисленныя монографіи, которыя подняли и разработали вопросы о національности и невмѣшательствѣ, теоріи, въ которыхъ оригинальность, самостоятельность и даровитость итальянскихъ публицистовъ высказались наиболѣе. За этимъ слѣдуетъ рядъ трактатовъ, посвященныхъ войнѣ и нейтралитету, въ которыхъ ученія итальянцевъ хотя важны въ научномъ и практическомъ отношеніи, и разработка которыхъ началась издавна, тѣмъ не менѣе не отличаются тою своеобразностію, которая характери-

зуетъ ихъ по отношенію къ ученіямъ о національности и невмѣшательствѣ. На третьемъ планѣ въ итальянской школѣ, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть поставлены учебники и другія общія сочиненія. Всѣ они не отличаются ни особою оригинальностью, ни качествами ихъ систематикъ, и, въ этомъ отношеніи, уступаютъ нѣмцамъ, хотя, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, заслуги по части систематики въ нашихъ глазахъ и не особенно важны. Но главное то, что на ряду съ ученіями о національности, невмѣшательствѣ и отчасти по отношенію къ вопросамъ войны и нейтралитета, учебники итальянцевъ не отличаются особыми достоинствами, посему труды ихъ въ направленіи и должны быть поставлены на третье мѣсто. Исключеніе здѣсь составляетъ исторія литературы Пьерантони, но для него мы не сочли удобнымъ измѣнить планъ изложенія третьей главы, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, въ своей исторіи итальянской литературы по международному праву, какъ бы даетъ coup d'oeil на все нами сказанное.

Безъ предвзятой мысли о ереси и незрѣлости сужденій автора, читателю будетъ ясно, послѣ всего сказаннаго, почему мы распредѣлили итальянскихъ писателей именно въ этомъ порядкѣ. Еслибы мы писали исторію итальянской литературы, по нашей наукѣ, то, само собою разумѣется, что мы приняли бы другую систему распредѣленія матеріала въ историческомъ развитіи идей нашей науки, или систему лѣтописническую, хронологическую, смотря, конечно, по тѣмъ цѣлямъ, которыми бы задались, (въ родѣ той которую графъ Комаровскій принялъ при составленіи своей монографіи: «начало невмѣшательства») Въ литературномъ же очеркѣ намъ необходимо было *только сгруппировать отдѣльныя* ученія публицистовъ въ нѣсколько отдѣловъ по степени ихъ оригинальности и важности. Если читатель при этомъ могъ вынести цѣльное впечатлѣніе о важнѣйшихъ трудахъ итальянскихъ публицистовъ и ихъ ученіяхъ, то мы вполнѣ удовлетворены, какъ будетъ удовлетворенъ, вѣроятно, и самъ читатель. Нелогично, поэтому, со стороны графа Комаровскаго упрекать насъ въ томъ, что мы не приняли *обратнаго порядка*. Тутъ и намъ пришлось бы поставить знаки—вопросительный и восклицательный, столь излюбленные нашимъ рецензентомъ и не всегда употребляемые имъ кстати, но мы удерживаемся отъ этого.

Переходя ко второму возраженію графа Комаровскаго, мы можемъ замѣтить, что, дѣйствительно, во *всемъ принимаемъ* уче-

ніе итальянцевъ о невмѣшательствѣ. Существующія противъ этой теоріи «многочисленныя и дѣльныя» возраженія (понимай: Нѣмцевъ и особенно Блунчли) нами разобраны даже слишкомъ подробно. Такъ, при разборѣ сочиненія Фіоре «Nouveau droit international public, etc.» мы посвящаемъ критикѣ исключенія, допускаемыя имъ и другими писателями въ пользу вооруженнаго вмѣшательства (см. стр. 101—106 нашего очерка), кромѣ множества на этотъ счетъ замѣчаній, помѣщенныхъ нами, при разсмотрѣніи сочиненій другихъ писателей, какъ итальянскихъ такъ и русскихъ. На указанныхъ выше страницахъ мы свели во едино всѣ возраженія на четыре случая, допускающіе вооруженное вмѣшательство, по мнѣнію Фіоре и другихъ авторовъ. Мы старались доказать тѣмъ, на сколько «дѣльны» возраженія, представляемыя началу абсолютнаго невмѣшательства. Что касается теоріи національности, провозглашаемой большинствомъ итальянскихъ публицистовъ, то противъ нея, дѣйствительно, имѣются дѣльныя и многочисленныя возраженія. Въ послѣднее время даже итальянецъ, профессоръ исторіи права въ павіанскомъ университетѣ, Гвидо Паделлети, (Guido Padelleti) рѣшительно высказывается противъ нея въ статьѣ: «L'Alsace et la Lorraine, et le droit des gens,» помѣщенной имъ въ Revue de droit international et de la législation comparée» за 1871-й годъ. Нѣмцы всѣ противъ нея. Но это начало, кромѣ Итальянцевъ, имѣетъ защитниковъ и въ величайшихъ авторитетахъ науки — историкахъ Лоранѣ и Гервинусѣ (послѣдній, впрочемъ, довольно на этотъ счетъ теменъ и неопредѣленъ). Къ тому же, мы не во всемъ принимаемъ это ученіе итальянцевъ. Подробно изложивъ въ нашемъ «очеркѣ» воззрѣнія итальянцевъ на національность, въ международномъ правѣ, ея опредѣленіе, элементы, ее образующіе (духовные и матеріальные), мы прямо высказывались въ смыслѣ ограниченнаго ея принятія. (см. стр. 33 и 34).

Въ большой выноскѣ къ страницѣ 41-й нашего «очерка», и мы указали на сочиненія писателей, противниковъ начала національности. Дальнѣйшее и подробнѣйшее обсужденіе этого вопроса не могло входить въ наши планы и въ рамки нашего изслѣдованія уже и потому, что мы не писали спеціальнаго трактата о теоріи національностей, и потому, что, это — вопросъ будущаго въ исторіи и въ наукѣ. Третье возраженіе графа Комаровскаго еще менѣе основательно. Мы останавливаемся долго на сочиненіи Педерцини именно потому, что оно «звучитъ фаль-

шивою потою» въ ряду прочихъ итальянскихъ сочиненій, посвященныхъ теоріи національности. Мы хотѣли показать читателямъ, что даже изъ итальянцевъ иные являются противниками начала національности и выставляютъ при этомъ болѣе или менѣе вѣскіе аргументы. Графъ Комаровскій очень непослѣдователенъ: упрекая насъ за то, что мы не останавливаемся на доказательствахъ, выставленныхъ противниками начала національности, онъ, на той же страницѣ, только нѣсколькими строками ниже, ставитъ намъ въ вину подробный разборъ труда Педерцини, итальянца, съ большимъ талантомъ пустившаго въ ходъ нѣкоторые доводы и послѣ него выставляемые противъ теоріи національности. О трактатѣ Видари, посвященномъ праву непріятельской частной собственности, мы упоминаемъ мало потому, что на ряду съ послѣдующими трудами Коши и особенно петербургскаго профессора Ѳ. Мартенса, замѣчательное изслѣдованіе котораго разобрано нами весьма подробно въ отдѣлѣ русскихъ публицистовъ, трудъ Видари не представляетъ собою ничего особеннаго, и мы не хотѣли повторяться, излагая при разборѣ Видари то, что намъ пришлось бы повторить, анализируя сочиненіе почтеннаго профессора Мартенса «о правѣ частной собственности во время войны.» Что касается поставленнаго намъ критикомъ на видъ упущенія серіозныхъ воззрѣній Пьерантони и Амари на невмѣшательство, то и это указаніе не совсѣмъ справедливо. О Пьерантони мы говоримъ въ нашемъ «Очеркѣ» часто и много, и на страницѣ 119-й «Очерка» мы прямо указали на Пьерантони, какъ на приверженца начала абсолютнаго невмѣшательства. Повторять при этомъ его доводы было бы излишне, ибо всѣ возраженія на счетъ абсолютнаго невмѣшательства сгруппированы нами весьма тщательно при разборѣ Фіоре (стр. 101 — 106 нашего «Очерка»), и мысли Пьерантони во многомъ сходны съ нашими. Послѣ всего высказаннаго на этотъ счетъ Пьерантони и другими писателями, доводы Амари показались намъ мало выдающимися, и мы сочли достаточнымъ для цѣли нашего труда, не вдаваясь въ излишнія подробности, упомянуть въ выноскѣ объ Амари, причемъ мы, однако, не преминули указать, что онъ отрицаетъ вооруженное вмѣшательство и допускаетъ его въ видѣ исключенія только въ одномъ случаѣ. Независимо отъ сего, мы отослали желающихъ къ монографіи по этому предмету графа Комаровскаго, гдѣ ученію Амари посвящаются цѣлыхъ 23 страницы.

Не малое изумленіе возбудило въ насъ слѣдующее замѣчаніе рецензента: «Глава объ итальянскихъ публицистахъ преимущественно написана по Пьерантони, только съ сокращеніями и въ иномъ порядкѣ.» Внизу, въ небольшой выноскѣ, какъ бы мимоходомъ, рецензентъ упоминаетъ, что исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ Галіани, Лампреди, Ацуни, Фіоре и Пьерантони «при обсужденіи которыхъ,» говоритъ рецензентъ «авторъ болѣе самостоятеленъ.» Напрасно нашъ критикъ при этомъ не указываетъ, что мы не только въ текстѣ постоянно цитируемъ Пьерантони съ самымъ точнымъ указаніемъ страницъ (а приводя подлинный текстъ даже отмѣчаемъ его ковычками), кои во введеніи, на стр. III и IV очерка прямо указываемъ на Пьерантони, какъ на главнаго руководителя нашего при изложеніи италіанскихъ публицистовъ по международному праву. Затѣмъ, графъ Комаровскій, самъ допуская, что при обсужденіи Галіани, Лампреди, Ацуни, Фіоре и Пьерантони мы болѣе самостоятельны, забываетъ прибавить, хотя бы въ той же выноскѣ и хотя бы тоже мимоходомъ, что изложеніе ученій послѣднихъ пяти писателей занимаетъ у насъ ровно половину третьей главы «Очерка.» Изъ 108 страницъ его, посвященныхъ изслѣдованію итальянскихъ публицистовъ, разбору Галіани, Лампреди и Ацуни посвящено у насъ двадцать страницъ (54—75), Фіоре и Пьерантони тридцать. (96—126). Итого, слѣдовательно, 50 страницъ изъ 108, т. е. почти половина третьей главы *).

И еще, напрасно, не замѣтилъ графъ Комаровскій, что ученіе Луккези-Палли о морскомъ правѣ (стр. 75—77) тоже составлено нами *вполнѣ самостоятельно*, ибо у Пьерантони объ этомъ сочиненіи можно найти ровно 4½ строчки, совершенно неопредѣленныхъ и не могущихъ дать никакого матеріала для критики (см. у Пьерантони стр. 86). Ученіе Джентилиса во многомъ нами пополнено (стр. 50—54), какъ то будетъ ясно для всякаго, кто сличитъ подлежащее мѣсто изъ сочиненія Пьерантони (стр. 8—20) съ страницами 50—54 нашего труда. Весьма многіе другіе итальянскіе авторы, напр. ученіе Манчини объ эпохахъ морскаго международнаго права, и Рокко нами болѣе

*) Замѣтимъ кстати, что при анализѣ Пьерантони мы не могли быть *болѣе* самостоятельны, какъ выражается рецензентъ, а должны были быть *вполнѣ* самостоятельны. Не у Пьерантони же мы въ самомъ дѣлѣ пользовались критикою на Пьерантони.

или менѣе пополнены и взгляды послѣдняго пояснены нашими собственными замѣчаніями (см. стр. 86 — 90). Относительно остальныхъ авторовъ мы повсюду значительно сокращали ихъ изложеніе сравнительно съ изложеніемъ ихъ у Пьерантони, часто измѣняли порядокъ логическихъ дедукцій, вставляли свои замѣчанія, и часто проводили мысли, несогласныя съ воззрѣніями Пьерантони. Слѣдовательно, въ общей сложности гораздо болѣе половины нашего обзора итальянской литературы составлено нами *самостоятельно*, и Пьерантони служилъ намъ въ этихъ случаяхъ только для провѣрки нашихъ собственныхъ взглядовъ и руководящею книгою при изложеніи хода идей у итальянскихъ публицистовъ. Всѣ эти авторы наиболѣе важные, на которыхъ мы останавливали наибольшее вниманіе читателей, и занимаютъ у насъ половину третьей главы. Почти всѣ остальные (кромѣ Манчини и Маміани) въ ихъ отношеніяхъ къ теоріи національности—Пародо же, Рокко и Пальма—сравнительно второстепенные и не особенно оригинальные писатели. Графъ Комаровскій насчитавъ цѣлыхъ двадцать шесть писателей, подвергаемыхъ нами разбору, указываетъ только на пять, по его словамъ, болѣе самостоятельно нами разобранныхъ; въ сущности же, какъ видятъ читатели, на тѣхъ пятерыхъ мы и обратили особое вниманіе, и они занимаютъ у насъ цѣлую половину третьей главы, а изъ остальныхъ мы о нѣкоторыхъ просто только упомянули (напр. о Сандонѣ, Челли и Казановѣ, о которыхъ у Пьерантони ничего не говорится и учебники которыхъ и не заслуживаютъ особеннаго вниманія).

Такимъ образомъ, читателямъ очевидно, на сколько третья глава и въ чемъ именно самостоятельна, а справедливость и безпристрастіе требовало бы чтобы графъ Комаровскій умѣрилъ свою ревность къ умаленію самостоятельности этой главы нашего сочиненія.

По отношенію къ нѣмецкой литературѣ насъ упрекаютъ въ томъ, что мы не подмѣтили оригинальности нѣмецкой школы, много сдѣлавшей относительно полноты и систематичности при изложеніи предметовъ международнаго права, для критики научныхъ основъ международнаго права и для проведенія въ эту науку новаго начала международнаго общенія (internationale Gemeinschaft). О первой заслугѣ нѣмцевъ, мы будто-бы, говоримъ не много, а о второй совершенно умалчиваемъ. Мы сказали уже выше, что внѣшней систематикѣ мы не придаемъ особаго зна-

ченія. Быть можетъ, мы ошибаемся, но это дѣло взгляда и убѣжденія. Къ тому же и нѣкоторыя англійскія сочиненія также отличаются систематичностью, напр. Филлиморъ (Commentaries upon the international law), что не отрицаетъ и самъ Р. Ф. Моль (см. VI главу перваго тома его Die geschichte und Litteratur der Staatswissenshaften,» стр. 398). Нѣмецкіе же учебники далеко не всѣ могутъ похвалиться систематикою. Достаточно припомнить изъ новѣйшихъ Геффтера и особенно Оппенгейма. Полнотою же отличаются по преимуществу Англичане. Нѣмцы, напримѣръ, весьма слабо и кратко разработываютъ важный отдѣлъ такъ называемаго частнаго международнаго права (коллизію гражданскихъ и уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ); какъ напримѣръ Блунчли, въ своемъ пресловутомъ и излюбленномъ графомъ Комаровскимъ сочиненіи. «Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten Europa's, als ein Rechtsbuch dargestelt,» и Геффтеръ въ сочиненіи: «Das europäische Völkerrecht der Gegenwart.» Англичане и Американцы, напротивъ того, посвящаютъ этому важному отдѣлу международнаго права огромные отдѣлы (Филлиморъ, напр. цѣлый четвертый томъ своего обширнаго сочиненія) и разработываютъ его отлично съ исторической и отчасти съ юридической точки зрѣнія. Что касается *критическаго разбора существующихъ* ученій, то мы не только не умаляемъ въ этомъ отношеніи значенія нѣмцевъ, но при разборѣ трудовъ Фонъ-Кальтенборна и Бульмеринка прямо указываемъ на эти заслуги (см. стр. 142, нашего «Очерка» гдѣ мы обратили на то особенное вниманіе и прямо указали на Кальтенборна, какъ на перваго писателя, сочиненіе котораго до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія представляло собою послѣднее слово въ критической разработкѣ основаній международнаго права и въ систематической разработкѣ литературы этого предмета). На страницѣ 143—145, нашего «Очерка» мы указываемъ подробно, что имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи. Что касается до Бульмеринка, то на его «Systematik des Folkerrechts» мысли которой вкратцѣ воспроизведены въ позднѣйшемъ сочиненіи того же автора «Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts,» мы прямо указываемъ, какъ на сочиненіе, *спеціально* посвященное критикѣ различныхъ научныхъ системъ изложенія предметовъ международнаго права отъ Джентилиса и Гуго-Гроція до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и на то, что оно служитъ какъ бы естественнымъ продолженіемъ труда Кальтенборна «Kritik des Völkerrechts».

И послѣ всего этого насъ, посвятившихъ изслѣдованію этого направленія нѣмецкихъ публицистовъ 20 страницъ изъ 48 (нѣмецкая школа изложена нами на стр. 129—173, изъ нихъ Кальтенборнъ и Бульмеринкъ на стр. 141—161) упрекаютъ въ томъ, что мы о критическомъ направленіи нѣмцевъ сказали *не много!* Еще новое несомнѣнное доказательство какъ небрежно и невнимательно рецензентъ отнесся къ нашему труду.

Что касается до принципа международнаго общенія, то онъ, дѣйствительно, высказанъ отчасти еще Поэлитцомъ (Poelitz) довольно темно и неопредѣленно, и Оппенгеймомъ (Oppenheim), но особенно Р. Ф. Молемъ; въ послѣднее время Блунчли сдѣлалъ попытку, по крайней мѣрѣ на словахъ провести его чрезъ свой кодексъ. Но Моль писалъ объ этомъ спеціальную монографію: «Die Pflege der internationalen Gemeinschaft als Aufgabe des Völkerrechts,» также какъ и Витольдъ Залѣсскій, «Witold Saleski Zur geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft), которыя, какъ монографіи, не подлежали нашему обсужденію. Блунчли же ограничился по своему обыкновенію, одними громкими фразами и о послѣдовательномъ проведеніи этой идеи по отдѣльнымъ частямъ его кодекса нѣтъ и помину. Къ тому же это начало высказано очень опредѣленно и Лораномъ въ его «Etudes sur l'histoire de l'humanité,» гдѣ объ этомъ можно найти указанія, особенно частыя, въ X и XI томахъ его творенія. Слѣдовательно распространяться объ этой заслугѣ нѣмцевъ было бы неумѣстно.

Рецензентъ дѣлаетъ еще частные нападки на туже четвертую главу нашего сочиненія. Мы, кажется, достаточно выяснили на стр. 148—149 нашего «Очерка,» почему не будемъ останавливаться на первомъ трудѣ Бульмеринка «Systematik des Völkerrechts». Еще разъ замѣтимъ, что въ краткихъ и ясныхъ чертахъ мысли и важнѣйшія данныя этого сочиненія повторены тѣмъ же авторомъ и въ его позднѣйшемъ сочиненіи «Praxis, Theorie und Codifocation des Völkerrechts.» Поэтому мы и сочли себя въ правѣ не разбирать перваго труда, такъ какъ это значительно расширило бы объемъ и безъ того довольно пространнаго очерка нашего. Рецензентъ же, не преминувъ упрекнуть насъ за умолчаніе о первомъ трудѣ Бульмеринка, ни единымъ словомъ не намекнулъ читателю, чѣмъ мы объясняемъ такое умолчаніе. Еще менѣе казалось критику нашему нужнымъ, хотя бы въ немногихъ словахъ, опровергнуть наши воззрѣнія и доказать, почему бы

намъ слѣдовало разобрать и первое произведеніе Бульмеринка. Рецензентъ ставитъ на видъ далѣе, что отзывы наши о Робертѣ-фонъ Молѣ противорѣчивы, но не даетъ себѣ труда указать, въ чемъ именно заключаются эти противорѣчія. Оно тѣмъ болѣе удивительно, что нѣсколькими строками ниже, на той же страницѣ онъ обзываетъ наши утвержденія голословными, когда мы усматриваемъ противорѣчія между текстомъ книги Блунчли и примѣчаніями къ нему, при чемъ мы не даемъ себѣ труда, по словамъ рецензента, подкрѣпить наши утвержденія примѣрами. Въ свою очередь и мы могли бы назвать подобную критику поверхностною, небрежною и мало продуманною, но восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ мы ставить не намѣрены.

Наконецъ, доходитъ дѣло и до Блунчли. Графъ Комаровскій, подъ редакціею котораго вышелъ не давно въ свѣтъ первый выпускъ перевода безсмертнаго творенія великаго кодификатора, изъ всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ почему то болѣе всего питаетъ склонность и необыкновенное уваженіе къ гейдельбергскому идолу, и полагаетъ, какъ видно изъ предисловія редактора къ этому переводу что «предлагаемое сочиненіе по своимъ многочисленнымъ достоинствамъ не нуждается въ особой рекомендаціи.» По этому, довольно еще скромныя и высказанныя въ самой деликатной формѣ замѣчанія наши на счетъ несвоевременности попытки къ кодификаціи всего международнаго права и на счетъ слабаго исполненія Блунчли этой попытки, приняты графомъ Комаровскимъ несовсѣмъ дружелюбно. Отзывъ нашъ объ этомъ онъ прямо обзываетъ поверхностнымъ, пристрастнымъ и голословнымъ. Не будемъ покуда входить ни въ какія на сей счетъ пререканія съ рецензентомъ, предоставляя себѣ это въ возможно близкомъ будущемъ. Мы постараемся тогда, по мѣрѣ силъ, выяснить настоящее значеніе кодекса Блунчли, и укажемъ на многія его противорѣчія, а также на достоинства русскаго перевода, предисловія и приложеній къ нему, и т. д. Покуда ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Всякій вѣкъ имѣетъ своихъ непризнанныхъ геніевъ. Къ числу таковыхъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ и Блунчли. Авторитетъ его, еще не давно всесильный и рѣшающій въ Германіи, за послѣднее время сталъ сильно колебаться, какъ и вообще авторитетъ нѣмецкой школьной эрудиціи и нѣмецкихъ гелертеровъ, еще въ шестидесятыхъ годахъ восхищавшихъ и умилявшихъ нашу молодежь, ѣздившую

учиться за границу. Но увы, ничто не прочно подъ луною! Уже къ концу прошлаго десятилѣтія, прежнее уваженіе и вѣра въ безпристрастіе и глубокомысленную сосредоточенность нѣмцевъ были подорваны. Блунчли, мужъ способностей далеко не геніальныхъ, и знаній по нашей наукѣ довольно поверхностныхъ, долженъ былъ неминуемо испытать на себѣ превратность судьбы. Сколько намъ извѣстно, слушатели, не Нѣмцы, поняли его и разочаровались въ немъ. Графъ Комаровскій не совсѣмъ справедливо упрекаетъ наши выводы въ голословности. На стр. 170—171 нашего «Очерка» находится сжатый сводъ мыслей и доказательствъ, направленныхъ къ подтвержденію нашего мнѣнія. Къ сожалѣнію, мы не догадались перечислить всѣ замѣченныя нами противорѣчія, но постараемся въ будущемъ исправить эту неполноту.

Переходя за симъ къ возраженіямъ рецензента противъ пятой главы (англо-американская школа), мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями. И здѣсь смыслъ словъ нашихъ значительно искаженъ (конечно, невольно) графомъ Комаровскимъ. Во первыхъ, мы нисколько не отрицаемъ заслугъ англо-американцевъ по нѣкоторымъ отдѣламъ международнаго права (напр. по дипломатическому, консульскому праву, частному международному, и даже у нѣкоторыхъ англійскихъ публицистовъ ихъ достоинства по отношенію къ систематикѣ; см. стр. 179, 185 и 201 замѣчанія о Галлекѣ). Но, разбирая сочиненія англо-американцевъ, главнымъ образомъ по ихъ отношенію къ вопросамъ войны и нейтральной тортовли, такъ какъ въ этихъ вопросахъ они рѣзко оригинальны, мы смѣло могли обвинять ихъ въ односторонности и даже въ недобросовѣстности. Что оно дѣйствительно такъ, и что англо-американцы здѣсь придерживаются чисто историческаго метода изслѣдованія и позволяютъ себѣ при томъ искажать исторію для подкрѣпленія своихъ односторонніхъ и эгоистическихъ ученій, полезныхъ для одной Англіи и вредныхъ и несправедливыхъ по отношенію къ другимъ государствамъ европейскаго международнаго союза,—нужно считать вопросомъ окончательно рѣшеннымъ въ наукѣ. Мы отсылаемъ желающихъ удостовѣриться въ томъ, а равно и нашего почтеннаго критика къ сочиненіямъ Коши, Ортолана, Готфёля, Гесснера и Спасовича, которые всѣ поразительно сходятся въ этомъ отношеніи. Мнѣнія, высказанныя, нами объ англо-американцахъ могутъ быть названы даже сдержанными сравнительно, напр. со взглядами Гот-

фёля, одного изъ лучшихъ знатоковъ отдѣла о нейтралитетѣ и нейтральной торговлѣ, и сочиненіе котораго есть сплошной обвинительный актъ противъ Англіи. Исторія тоже подтверждаетъ такое мнѣніе. Достаточно припомнить 1-й (1780 г.) и 2-й (1800 г.) морскіе вооруженные нейтралитеты, прямо направленные противъ хищничества Англіи. Если далѣе, мы хранимъ и глубокомысленное молчаніе о третейскомъ судѣ, о необходимости котораго дѣятельно и *неустанно* проповѣдуетъ большинство англо-американскихъ публицистовъ, то потому, что вопросъ о третейскомъ судѣ не составляетъ ученія, исключительно разработаннаго и поднятаго одними англо-американцами. Въ настоящее время трудно встрѣтить писателя какой-бы-то-ни было школы, который не высказался бы въ пользу третейскаго суда. Кромѣ того, въ виду сейчасъ сказаннаго, обсужденіе этого вопроса не могло входить въ рамки очерка литературы международнаго права согласно цѣлямъ и плану нашего труда, которые выше, кажется, нами достаточно уяснены. Относительно же того, будто о важномъ вопросѣ, непосредственно входящемъ въ предметъ нашего изслѣдованія, именно о кодификаціи международнаго права, мы говоримъ лишь *мимоходомъ и крайне поверхностно*, то это не болѣе какъ фраза и утвержденіе совершенно голословное. Мы, какъ нарочно, *очень* много обращали вниманія на вопросъ о кодификаціи международнаго права, поскольку онъ опредѣлился и высказался въ изданіи учебниковъ-кодексовъ и отчасти въ законодательныхъ работахъ. Этотъ упрекъ рецезента тѣмъ болѣе не понятенъ, что въ концѣ нашего «Очерка», въ видѣ приложенія къ страницѣ 90, мы посвятили этому вопросу спеціально пять страницъ, не считая того, что мы говорили о томъ же на страницѣ 90—91, 159—160 и 170—171 нашего «Очерка». Сказавъ столь много о научныхъ и законодательныхъ попыткахъ въ кодификаціи международнаго права, намъ не приходилось распространяться и пережевывать старое (tritum et pertritum) въ отдѣлѣ англо-американскихъ публицистовъ, ибо труды послѣднихъ, кромѣ Додлея-Фильда, не представляютъ въ общихъ учебникахъ ни единаго примѣра попытки къ подобной научной кодификаціи, всѣ же остальныя, нами указанныя, работы въ этомъ родѣ принадлежатъ, главнымъ образомъ, нѣмцамъ, одному итальянцу (Leopoldo Farnese) и одному славянину (Альфонсу Доминъ-Петрушевечу). Если же графъ Комаровскій ставитъ намъ въ вину, что по отношенію къ Додлею-Фильду мы довольствовались

небольшимъ отзывомъ (см. стр. 271—272 очерка), то напрасно онъ не далъ себѣ труда указать, что именно мы выпустили изъ виду, и въ чемъ слѣдовало бы намъ пополнить нашъ отзывъ о Фильдѣ? Не вѣря, наконецъ, въ возможность кодификаціи международнаго права въ ближайшемъ будущемъ, мы привели основанія и доказательства въ пользу такого нашего мнѣнія. Впрочемъ я не одинъ воинъ въ полѣ: покойный Каченовскій и даже изъ Нѣмцевъ Бульмеринкъ явные противники своевременности и возможности таковыхъ попытокъ.

Пусть читатель припомнитъ не разъ нами высказанное выше, что издавая нашъ «Очеркъ», мы имѣли въ виду дать не полный обзоръ *всѣхъ сочиненій* или даже однихъ только учебниковъ, систематикъ и исторій международнаго права, а только *главнѣйшихъ и лучшихъ*. Понятно, слѣдовательно, почему мы подробно говоримъ о сочиненіяхъ Филлимора, Уитона и Кальво, и только въ нѣсколькихъ словахъ упоминаемъ объ Ок-Мэннингѣ, Ульдмэнѣ и Галлекѣ. *).

Первыя три сочиненія извѣстны всему ученому міру. Оба труда Уитона и трудъ Кальво сдѣлались настольными книгами у ученыхъ и дипломатовъ, и ихъ цитируютъ постоянно. Не то съ послѣдними тремя публицистами. Труды Ок-Мэннинга, Ульдмэна и Галлека, во всякомъ случаѣ труды второстепенные, менѣе извѣстные, рѣже цитируемые, безъ подробныхъ свѣдѣній о которыхъ можетъ обойтись читатель и всякій, приступающій къ изученію международнаго права, особенно у насъ въ Россіи. Всякій возьмется за Уитона, но врядъ ли и самъ рецензентъ посовѣтуетъ начинающимъ изучать Гарднера, Ок-Мэннинга или Ульдмэна. Къ тому же, мы надѣялись въ краткихъ, но вѣрныхъ чертахъ охарактеризовать эти сочиненія, и если графъ Комаровскій находитъ, что мы не достигли цѣли, невѣрно сдѣлали оцѣнку и выпустили изъ виду какую-нибудь характеристическую черту и рельефную особенность тѣхъ писателей, то ему слѣдовало бы указать все это. Ѣдкія же и голословныя замѣчанія ничего не уясняютъ, и едвали удобны и умѣстны въ ученой критикѣ.

Мы намѣрены задать еще одинъ вопросъ почтенному рецен-

*) Напрасно рецензентъ не упомянулъ, что мы говоримъ еще о Лауренцѣ, Джемсѣ Кентѣ и Гарднерѣ.

зенту. Считаетъ ли онъ серіозно возможнымъ у насъ въ Россіи слѣдить за *всѣми* новыми изданіями сочиненій и пріобрѣтать всѣ книги, потребныя для труда, подобнаго нашему?

Приводя наши слова о неимѣніи подъ рукою сочиненія Трэверса-Твисса «the law of nations», о невозможности поэтому входить въ его разсмотрѣніе, и о необходимости ограничиться замѣчаніемъ, что, по словамъ критиковъ, это сочиненіе несравненно выше труда Филлимора, рецензентъ восклицаетъ: «Вотъ оригинальный пріемъ критики! Кто же помѣшалъ автору пріобрѣсти его и изучить, какъ слѣдуетъ?» Тутъ уже восклицательный и вопросительный знаки вмѣстѣ. А что, если мы, въ свою очередь, спросимъ графа Комаровскаго: «кто помѣшалъ ему, спеціально занявшись частнымъ, сравнительно, весьма небольшимъ вопросомъ объ охранительныхъ вмѣшательствахъ, изучить важную теорію президента Соединенныхъ Штатовъ Монроэ и изложить ее въ своемъ разсужденіи на степень магистра международнаго права? Весьма обстоятельное изложеніе ученія Монроэ можно, однако найти у Кальво'Филлимора и почти во всѣхъ учебникахъ.

Если изъ числа многихъ сочиненій, нами разобранныхъ, мы не имѣли возможности пріобрѣсти одного или двухъ, бѣда въ томъ невеликая, и наши читатели надѣемся, оттого не пострадали. Не ожидать же намъ, въ самомъ дѣлѣ, случая пріобрѣсти трудъ Твисса, и не останавливаться же изъ за одной книги-выпускомъ въ свѣтъ нашего «Очерка».

Самымъ слабымъ отдѣломъ нашей книги, по мнѣнію рецензента, является глава о Франціи и Бельгіи. Замѣтьте, читатель, что объ онѣ изложены на 19 страницахъ (1—19). Почему же отдѣлы эти самые слабые? А потому, видите-ли, что на введеніи Прадье-Фодере къ его переводу книги Паскаля-Фіоре останавливаемся слишкомъ подробно; нашъ рецензентъ на то претендуетъ зачѣмъ мы недостаточно останавливаемся и не обстоятельны при изложеніи нѣкоторыхъ авторовъ, то упрекаетъ насъ въ противномъ, но не говоритъ ни слова о сдѣланномъ Прадье-Фодере переводѣ Гроція и объ его изданіи Ваттеля; къ тому же, такимъ сочиненіямъ, какъ Коши, Ортолана, Массе и Готфѣля мы посвящаемъ лишь нѣсколько строкъ, а о лекціи Манчини о морскомъ международномъ правѣ говоримъ на четырехъ съ половиною страницахъ. (И опять восклицательный знакъ).

Давно ли Гроція (De jure belli ac pacis 1630 года) и Ваттеля (Les droits des gens, 1758 г.) стали причислять къ сонму новѣйшихъ писателей по международному праву? И не впадаетъ ли въ логическое противорѣчіе съ самимъ собою графъ Комаровскій, когда ставитъ намъ на видъ умолчаніе о переводахъ Прадье-Фодере сочиненій Гроція и Ваттеля, давно устарѣлыхъ, и на слѣдующей же страницѣ негодуетъ на насъ за то, что мы подробно распространяемся о «давно критикою разобранныхъ и нынѣ вполнѣ устарѣвшихъ сочиненіяхъ Джентилиса, Галіани, Лампреди и Ацуни и заключаетъ, по своему обыкновенію, восклицаніемъ: «по истинѣ странная непослѣдовательность въ книгѣ посвященной новѣйшей (!) литературѣ международнаго права. Мы уже выше старались объяснить эту непонятную графомъ Комаровскимъ непослѣдовательность, допущенную нами для итальянской школы, и указали причины, нами руководившія; ни одна изъ нихъ не можетъ имѣть приложенія къ Ваттелю и Гроцію, а слѣдовательно, и къ переводному французскому изданію Прадье-Фодере. Для французской школы мы не дѣлали исключенія изъ правила, принятаго нами въ руководство для нашего «Очерка»—разбирать *только сочиненія, обнимающія собою весь предметъ международнаго права* (учебники, систематики, и историческія сочиненія). Во Франціи же таковыхъ не имѣется, и мы могли бы, слѣдовательно, пройти эту школу молчаніемъ. Въ самомъ началѣ нашего отвѣта нашему критику мы указали, почему сочли удобнымъ упомянуть о трудахъ Кошп, Ортолана, и другихъ.

Если, наконецъ, «о монументальномъ трудѣ Лорана онъ (т.-е. мы) говоритъ только на $5^1/_2$ жиденькахъ страницахъ», то сдѣлали мы это по весьма понятной причинѣ; на первой и второй страницахъ нашего «Очерка» стоитъ слѣдующая оговорка: «мы скажемъ о Лоранѣ немного, отсылая читателей къ обстоятельному и подробному очерку его ученія, представленному покойнымъ профессоромъ Каченовскимъ въ его курсѣ международнаго права, «и т. д. Повторять то, о чемъ Каченовскій распространялся весьма подробно, (нѣсколько главъ изъ 2-го тома соч. Лорана, касающихся международнаго права Греціи, Каченовскимъ даже переведены и помѣщены въ V томѣ Пропилей» покойнаго П. М. Леонтьева), было бы просто неумѣстнымъ уже потому самому, что всякій, прочитавшій нашъ «Очеркъ», навѣрное прочелъ ранѣе извѣстный трудъ Каченовскаго. Сказан-

ное же нами о Лоранѣ все таки гораздо подробнѣе того что сдѣлано на этотъ счетъ Молемъ; слѣдовательно, и ставить намъ на видъ дѣлаемый нами упрекъ Молю несправедливо.

Въ заключеніе, нашъ критикъ тщательно выискивавшій и собиравшій все, что можетъ умалить достоинство нашего сочиненія, выставляетъ 10 пунктовъ «мелкихъ ошибокъ» какъ онъ ихъ называетъ, и которыя доказываютъ, по его словамъ, спѣшность работы. Считаемъ нужнымъ заявить, что ошибки, указанныя рецензентомъ въ пунктахъ 5—9 не болѣе какъ обыкновенныя *типографскія опечатки*, которыя не могутъ смутить читателя, или дать ему ложное понятіе о писателяхъ или ихъ сочиненіяхъ. Мы, однакоже, считаемъ долгомъ принести нашему рецензенту искреннѣйшую признательность за его аккуратность и усердіе въ досмотрѣ типографскихъ и корректурныхъ неточностей. Первое же и второе замѣчанія графа Каморовскаго мы признаемъ вполнѣ вѣрными, хотя также не считаемъ эти ошибки важными и серіозными. Обозначивъ Р. Ф. Моля въ числѣ работавшихъ въ «Revue de droit international», мы только назвали его сотрудникомъ, но не указывали на статьи, будто бы имъ тамъ помѣщенныя. Если Ролленъ-Жакмонъ изъ адвокатовъ гентскихъ попалъ въ профессора гентскаго университета, то и въ этомъ, кажется, бѣда не великая. Что касается до 3-й и 4-й ошибки, то тутъ нашъ строгій критикъ самъ попалъ въ просакъ. Въ 3-емъ примѣчаніи онъ говоритъ: «сочиненіе Готфёля вышло въ 1848, а не въ 1849 году, и въ 3-хъ, а не въ 7-ми томахъ». Представьте себѣ, читатель, что въ настоящую минуту у насъ на столѣ лежитъ тоже сочиненіе Готфёля не въ трехъ, какъ говоритъ графъ Комаровскій внушительно, а въ четырехъ книгахъ, и не отъ 1848 года, а дѣйствительно отъ 1849 года. Значитъ, вся наша ошибка заключалась въ означеніи числа томовъ семью, вмѣсто четырехъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ типографскимъ и корректурнымъ дѣломъ, тотъ знаетъ, какъ часто цифры измѣняются и перепутываются. Что касается четвертаго замѣчанія графа Комаровскаго, то намъ рѣшительно не понятно, зачѣмъ оно написано. На 16-й страницѣ нашего труда, по поводу сочиненія Феликса, сказано: „оно выдержало нѣсколько изданій; изъ нихъ *уже третье* вышло въ 1856 году“. Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что уже въ 1856 году вышло третье изданіе, при чемъ отнюдь не исключается возможность появленія и позднѣйшихъ изданій. Поэтому, указа-

ніе критики на то, что «сочиненіе Феликса вышло и 4-мъ изданіемъ par Demangeat въ 1866 году» будто бы какъ на ошибку съ нашей стороны не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Наконецъ по поводу десятаго замѣчанія рецензента, мы продолжаемъ стоять на томъ, что сочиненіе Стоянова раздѣлено на три части, а не на двѣ, какъ онъ доказываетъ. По моему мнѣнію, часть первая этого сочиненія—общая, вторая—международное право во время мира и третья во время войны. Это дѣленіе мы приняли не на основаніи внѣшняго расположенія матеріала (дѣйствительно раздѣленнаго на двѣ части), а по отношенію къ систематикѣ внутренней.

Оканчивая нашъ отвѣтъ рецензенту, мы не можемъ не замѣтить, что онъ высказалъ приговоръ очень строгій и малопоощрительный для *молодыхъ силъ*. Пусть судитъ читатель, взвѣсивъ доводы обѣихъ сторонъ, на сколько графъ Комаровскій правъ въ своихъ обвиненіяхъ. Онъ взялся за критику нашего труда поспѣшно, пробѣжалъ его невнимательно, слѣдствіемъ этого и было искаженіе (конечно съ его стороны невольное) смысла нашихъ словъ. Такимъ образомъ онъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать серьезныхъ и вѣскихъ возраженій по отношенію къ важнымъ частямъ нашего сочиненія, и ограничился только нѣкоторыми ничтожными мелкими замѣчаніями. Ни одинъ изъ его доводовъ не подкрѣпленъ надлежащимъ образомъ и научно; все опровергается легко и притомъ истиннымъ смысломъ нашихъ же собственныхъ словъ; рецензентъ впадаетъ въ частыя противорѣчія съ самимъ собою (на что мы указали выше). Если бы онъ хотѣлъ остаться безпристрастнымъ и притомъ еще поощрителемъ *молодыхъ силъ*, какимъ онъ желаетъ представить себя во введеніи къ переводу кодекса Блунчли, то отчего онъ не указалъ на трудности сопряженныя съ изданіемъ работъ подобныхъ моей, и на спеціальныя трудности первой попытки этого рода у насъ въ Россіи? Почему ни единымъ словомъ онъ не говоритъ, вѣрно-ли мы излагаемъ ученія отдѣльныхъ публицистовъ? Указаніемъ нашихъ недостатковъ въ этомъ отношеніи онъ много бы одолжилъ насъ. Вмѣсто всего этого, онъ написалъ поверхностную критику, отличающуюся, выражаясь его же словами, *незрѣлостію сужденій и спѣшностью работы*; онъ бичуетъ насъ выраженіями, которыя умѣстны въ фельетонахъ, но избѣгаются въ серьезныхъ журналахъ и въ рецензіяхъ по поводу серьезныхъ книгъ. Критикъ, не по-

нимаетъ причины, побудившей насъ такъ *преждевременно* напечатать нашъ первый трудъ. Но онъ забываетъ, что какъ бы ни было слабо наше сочиненіе, оно можетъ имѣть значеніе труда, который положитъ основаніе для дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи. Иногда въ жизни, среди застоя въ извѣстныхъ отрасляхъ знанія, очень важенъ починъ. Впослѣдствіи, люди съ большими знаніями и талантами, взявшись за тоже дѣло, и замѣтивъ недостатки первой работы, будутъ нѣчто лучшее. Припомнимъ, что трудъ Lagern'a („Kritik des Völkelrechts," 1840 г.) служилъ могучимъ двигателемъ для обогащенія науки международнаго права сочиненіями Кальтенборна и Бульмеринка, вызванными работою Лагерна. Кальтенборнъ и Бульмеринкъ сами сознаются въ этомъ. Если же мы будемъ сидѣть у моря и ждать погоды, если будемъ дожидаться, пока сужденія наши созрѣютъ, а глава наша власами сѣдыми убѣлится, то не придется ли большинству и совсѣмъ отказаться отъ возможности написать что-нибудь. Да и не лучше ли издать что-нибудь самостоятельное, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ удовлетворительное, чѣмъ «oleum et tempus perdere» на переводъ съ иностранныхъ языковъ сочиненій сомнительнаго свойства въ родѣ напримѣръ кодекса Блунчли.

Всеволодъ Даневскій.

Москва.
Іюля 1876 года.

Наблюденія и замѣтки о дѣятельности прокурорскаго надзора въ провинціи *).

Наши провинціи вообще не отличаются большимъ разнообразіемъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать различнымъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ.

Казалось бы, въ виду такого характера нашихъ провинцій, достаточно подвергнуть болѣе или менѣе близкому и подробному изученію условія дѣятельности какого либо учрежденія, напр. института прокурорскаго надзора данной мѣстности, одной провинціи, чтобы свои заключенія и выводы возвести до значенія всеобщаго. На самомъ же дѣлѣ это нетакъ. Предположеніе объ однообразіи, а тѣмъ болѣе о тождествѣ условій, представляемыхъ нашими провинціями для дѣятельности различныхъ институтовъ, нигдѣ не представляется наиболѣе лишенныхъ правильнаго основанія, какъ въ отношеніи дѣятельности прокурорскаго надзора.

Институтъ прокурорскаго надзора по Суд. Уст. 20 ноября 1864 г., по самому существу своего назначенія, стоитъ въ близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ разнообразными проявленіями общественной жизни; дѣятельность его охватываетъ такую массу общественныхъ интересовъ, что уже по одному этому онъ наиболѣе склоненъ разнообразиться въ проявленіяхъ и пріемахъ своей дѣятельности сообразно тѣмъ, можетъ быть, чисто мѣстнымъ и даже мелкимъ различіямъ строя общественной жизни данной мѣстности,—существованіе которыхъ

---

*) Настоящія замѣтки составляютъ продолженіе напечатанныхъ въ С. Ж. 1873 г. № 5 и 6.

не можетъ быть отрицаемо. Кромѣ того,—прокурорскому надзору по существу его назначенія принадлежитъ извѣстная степень власти; характеръ дѣятельности его носитъ въ себѣ элементъ административнаго свойства. Даже,—самая организація прокурорскаго надзора съ ея іерархическою подчиненностью при извѣстной, въ тоже время, самостоятельности отдѣльныхъ членовъ, открываетъ большое значеніе личнымъ качествамъ представителей прокуратуры. Соприкосновеніе исчисленныхъ чертъ прокуратуры съ существующими условіями общественной жизни данной мѣстности, конечно, воздѣйствуетъ на нихъ, но въ тоже время не можетъ не воспринять отъ нихъ вліянія и на себя. Такимъ образомъ извѣстная степень гибкости въ проявленіяхъ дѣятельности прокуратуры дѣлается вполнѣ ей свойственною.

Задавшись мыслью изложить результаты личнаго изученія дѣятельности прокурорскаго надзора, организованнаго по Суд. уст. 20 ноября 1864 г., съ его, такъ сказать, бытовой стороны, мы сочли необходимымъ сдѣлать приведенныя замѣчанія въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить возможныя нареканія на насъ за стремленіе къ обобщенію такихъ явленій, которыя составляютъ принадлежность только одного какого либо округа наиболѣе близко нами изученнаго. *)

I.

Нареканія и жалобы, распространяемыя въ обществѣ людьми извѣстнаго знамени на судебную реформу вообще, не обошли и прокурорскій надзоръ въ частности. Но не говоря объ извѣстныхъ печатныхъ вопляхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ свое время раздававшихся чуть ли не по поводу каждаго одѣльнаго случая проявленія судебной дѣятельности, несогласной съ ихъ тенденціями, не вполнѣ выгодныя сужденія о дѣятельности прокурорскаго надзора въ провинціи проникли и въ сферу наиболѣе солидныхъ и безпристрастныхъ органовъ общественнаго мнѣнія. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что въ установленіи не вполнѣ благопріятныхъ отношеній провинціальнаго общеста къ прокуратурѣ играетъ не малую роль и уровень развитія самого общества, то съ его модничаньемъ и ходячими идейками гуманно-

*) Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ Харьковскій судебный округъ.

сти и нѣкоторою долею мнимаго либерализма, коимъ не соотвѣтствуютъ часто, суровыя обязанности прокуратуры, то на оборотъ съ его пережившими свое время тенденціями произвола власти и полнѣйшаго неуваженія къ достоинству и свободѣ личности, хотя бы заподозрѣніе въ преступленіи, — которымъ также не можетъ соотвѣтствовать дѣятельность прокуратуры. Но непопулярность провинціальной прокуратуры, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать за фактъ и притомъ весьма печальный.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что вопросъ о непопулярности провинціальной прокуратуры разрѣшается не однимъ обвиненіемъ самого общества, среди котораго дѣйствуетъ прокуратура. Вопросъ этотъ, какъ мы можемъ заключить, изъ извѣстныхъ намъ фактовъ, разрѣшается главнымъ образомъ характеромъ самой дѣятельности провинціальной прокуратуры по скольку она уклонялась отъ предназначеннаго ей назначенія.

Учрежденіе института прокурорскаго надзора по судебнымъ уставамъ основано на началѣ отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. Являясь органомъ обвинительной власти прокурорскому надзору, въ этомъ его качествѣ, прежде всего принадлежитъ обязанность обнаруженія преступленій и преслѣдованіе ихъ. Такимъ образомъ уже одною этою стороною своего назначенія прокурорскій надзоръ охватываетъ цѣлую область самыхъ существенныхъ интересовъ общежитія и порядка. Но по судебнымъ уставамъ строгое и послѣдовательное отдѣленіе обвинительной власти начинается лишь съ преданія обвиняемаго суду. Съ этого момента прокурорскій надзоръ дѣйствительно пріобрѣтаетъ свое исключительное обвинительное назначеніе, становясь стороною въ процессѣ. Но и здѣсь, при осуществленіи этого своего назначенія, прокуратура является не съ частнымъ характеромъ, а въ качествѣ единственной власти въ краѣ, дѣйствующей во имя возстановленія нарушеннаго права и охраненія общественнаго порядка.

За предѣлами указаннаго процессуальнаго момента, прокурорскій надзоръ не является въ своей дѣятельности съ исключительно обвинительнымъ характеромъ; въ назначеніе прокурорской дѣятельности входитъ и начало охраненія законовъ и наблюденіе за правильнымъ ихъ истолкованіемъ и примѣненіемъ. Эта послѣдняя сторона назначенія прокуратуры также ограничивается областью судебныхъ дѣлъ. Но такъ какъ эта послѣдняя отрасль дѣятельности глубоко затрогиваетъ самыя

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

основы общественной жизни, то нельзя не признать, что и со стороны своего послѣдняго назначенія прокуратура является во всеоружіи своего высокаго призванія какъ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ и существенныхъ нервовъ организма общежитія, какъ одинъ изъ важныхъ органовъ правосудія.

Всматриваясь въ институтъ прокурорскаго надзора со стороны его назначенія, кажется, трудно допустить чтобы онъ самъ по себѣ, въ его предначертанномъ законодателемъ видѣ, носилъ уже всѣ зачатки своей непопулярности и недостатка авторитета.

Но извѣстно, что многія предначертанія закона, при своемъ осуществленіи, со стороны исполнителей могутъ подвергнуться такимъ видоизмѣненіямъ, односторонности и даже искаженію, что, независимо отъ воли законодателя, легко могутъ низвести все учрежденіе на степень самаго непопулярнаго. Очевидно, что весь вопросъ бытовой стороны дѣятельности прокуратуры исчерпывается изученіемъ того, въ какой мѣрѣ воля законодателя, создавшаго этотъ институтъ, осуществлена въ жизни, въ какомъ видѣ проявляются предначертаемыя прокуратурѣ функціи и каковы результаты дѣятельности прокуратуры. Сообразно различію сферъ, въ коихъ проявляется дѣятельность прокурорскаго надзора, мы раздѣлимъ свое изложеніе на слѣдующія части: сперва разсмотримъ дѣятельность прокурорскаго надзора въ отношеніи къ суду общему и мировому, затѣмъ въ отношеніи къ слѣдователямъ и полиціи и наконецъ къ другимъ учрежденіямъ (особливо къ администраціи) и къ обществу. Но прокуратура, какъ институтъ, проявляетъ свою дѣятельность прежде всего въ самой себѣ, въ отношеніяхъ управляемыхъ къ управляющимъ, подчиненныхъ къ начальствующимъ и руководимыхъ къ руководителямъ. Съ этой стороны прокурорской дѣятельности мы и начнемъ.

Существенная черта въ устройствѣ прокурорскаго надзора безспорно заключается въ іерархической подчиненности членовъ этого института. Хотя съ учрежденіемъ прокурорскаго надзора на такомъ началѣ и не соединяется понятіе объ отсутствіи всякой свободы отдѣльныхъ членовъ въ провленіи своей дѣятельности, хотя свобода совѣсти и убѣжденія сохраняется за отдѣльными членами прокуратуры, однако, съ другой стороны, требованіе единства и нераздѣльности дѣятельности прокурор-

скаго надзора, охраняемыя его іерархическимъ устройствомъ, прямо указываютъ на присущее ему начало болѣе или менѣе всесторонняго руководительства и управленія дѣйствіями отдѣльныхъ членовъ. Такимъ образомъ въ самое устройство прокурорскаго надзора введено такое начало, которое связываетъ все направленіе его дѣятельности въ рукахъ высшихъ въ порядкѣ подчиненности членовъ надзора.

По закону, характеръ отношеній палатскаго прокурорскаго надзора къ прокуратурѣ окружнаго суда существенно отличенъ отъ отношеній членовъ низшихъ къ главѣ окружной прокуратуры (прокурору окружнаго суда). Располагая правами высшаго надзора и руководительства надъ цѣлымъ округомъ, прокуроры палатъ касаются той стороны дѣятельности окружнаго прокурорскаго надзора, которая заключается въ общемъ его направленіи. Въ сихъ видахъ ими установляются общія для округа правила и порядокъ дѣйствій, и устраняются тѣ уклоненія въ дѣятельности окружной прокуратуры, которыя тѣмъ или другимъ путемъ доходятъ до свѣдѣнія прокуратуры палаты. За тѣмъ за предѣлами указанныхъ свойствъ руководительства и надзора, дѣятельность прокуратуры палаты проявляется въ содѣйствіи окружному прокурорскому надзору въ осуществленіи имъ своихъ требованій. Само собою разумѣется, что отношенія прокурора окружнаго суда къ своимъ товарищамъ являются наиболѣе тѣсными нетолько въ смыслѣ наибольшей близости и простоты, но и въ смыслѣ наиболѣе непосредственнаго и обширнаго руководительства, проникающаго въ наиболѣе частныя стороны дѣятельности товарищей прокурора. Таковы существенныя черты устройства прокурорскаго надзора по закону. Обращаясь же къ наблюдаемымъ фактамъ оказывается, что всѣ эти черты и различія въ характерѣ отношеній до такой степени перепутываются въ дѣйствительности, что всякія заключенія, и выводы истекающіе изъ положеній предначертаемыхъ законодателемъ, не имѣютъ себѣ ровно никакого оправданія.

Такъ, казалось бы, что предначертаемое законодателемъ различіе въ характерѣ отношеній прокуратуры палаты къ окружному прокурорскому надзору ц прокурора окружнаго суда къ своимъ товарищамъ является на столько существеннымъ что вполнѣ обезпечиваетъ необходимую долю самостоятельности окружнаго прокурорскаго надзора, а слѣдовательно и полную возможность для послѣдняго проявлять свою дѣятельность въ

соотвѣтствіи съ тѣми мѣстными условіями края, которыя такъ или иначе видоизмѣняютъ и направленіе, и содержаніе ея. Однако оказывается что, если по мысли законодателя, учрежденіе прокуратуры палаты, какъ руководителя окружной прокуратуры и въ указанныхъ размѣрахъ, истекало отъ начала наибольшей пользы которую при условіи этого руководительства могъ бы принести дѣлу окружной прокурорскій надзоръ, то въ дѣйствительности это учрежденіе является не всегда съ однимъ только указаннымъ началомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что въ дѣйствительности прокуратура палаты не ограничивается установленіемъ, посредствомъ оффиціальныхъ циркуляровъ и предписаній, однихъ общихъ правилъ для дѣятельности прокуратуры окружнаго суда. Напротивъ, и отдѣльные случаи и болѣе частныя проявленія дѣятельности окружной прокуратуры вызываютъ со стороны прокуроровъ палаты также разныя предъуказанія. Но затѣмъ и не одними оффиціальными бумагами управляется окружной прокурорскій надзоръ, но и личными настояніями, въ коихъ высказываются иногда такія требованія, которыя не всегда можно помѣстить въ формальной бумагѣ. Такимъ образомъ, окружной прокурорскій надзоръ является настолько глубоко охваченнымъ руководительствомъ прокуроровъ палаты, что въ сущности не имѣетъ и тѣни той самостоятельности, которая ему предначертана. Конечно начало единства — важное начало. Но нельзя доводить это начало до абсурда, до единства апатіи, вялости дѣятельности и утраты даже сознанія того, чѣмъ долженъ быть прокурорскій надзоръ. Мы утверждаемъ, что провинціи нечуждо чисто канцелярское и формальное отношеніе прокуратуры къ своимъ обязанностямъ, которыя сводятся къ поспѣшному писанію актовъ по слѣдственнымъ производствамъ, поступающимъ отъ слѣдователей, въ поѣздкахъ на съѣзды и сессіи и въ произнесеніи обвинительныхъ рѣчей.

Замѣчается иногда и такая дѣятельность окружной прокуратуры которая, будучи освящена идеею истиннаго назначенія прокурорскаго надзора, переходитъ предѣлы сухого формализма, содѣйствуя судебной дѣятельности и регулируя ее въ предѣлахъ указанныхъ закономъ. Но такая дѣятельность окружной прокуратуры по преимуществу нуждается въ поддержкѣ со стороны палатскаго прокурорскаго надзора. А такъ какъ палатская прокуратура невсегда усвоиваетъ себѣ сознаніе обязанностей, переходящихъ за предѣлы узкаго формализма и такъ какъ по-

этому указанная дѣятельность окружной прокуратуры не только не получаетъ поддержки и содѣйствія, но разсматривается какъ диссонансъ въ общей апатіи, то она или замираетъ, или разбивается....

Невольно спрашиваешь себя — не кроется ли какой либо недоконченности въ самой постановкѣ по закону отношеній окружнаго прокурорскаго надзора къ палатскому, при всей правильности началъ, положенныхъ въ основаніе устройства прокуратуры Не слѣдуетъ ли установить нѣкоторыя гарантіи той независимости окружной прокуратуры и самостоятельности въ проявленіи ея дѣятельности, которыя несомнѣнно принадлежатъ ей, по закону, а за тѣмъ вмѣстѣ не слѣдуетъ ли перенести и центръ отвѣтственности за ходъ дѣятельности на окружную прокуратуру? Обсужденіе этихъ вопросовъ не входитъ въ кругъ нашей задачи. Но мы думаемъ, что разрѣшеніе ихъ въ смыслѣ обезпечивающемъ независимость и самостоятельность дѣятельности окружной прокуратуры — развязало бы ей руки и, нѣтъ сомнѣнія, дало бы ей возможность яснѣе и опредѣлительнѣе познать свои права и обязанности. Само собою разумѣется что въ выставленныхъ вопросахъ не заключается и тѣни мысли о выдѣленіи окружной прокуратуры изъ цѣлой системы іерархическаго построенія ея. Но съ другой стороны, кажется, нельзя не пожелать нѣкотораго уравненія окружной прокуратуры съ палатскою въ отношеніяхъ ихъ къ вершинѣ прокурорской іерархіи и какъ естественное послѣдствіе этого — ограниченіе палатской прокуратуры въ ея безъапелляціонныхъ распоряженіяхъ надъ окружною. Характеръ и способы осуществленія высказываемыхъ мыслей, конечно, нуждаются во всестороннемъ ихъ обсужденіи. Однако на первый разъ кажется нелишенною нѣкотораго основанія мысль о томъ, чтобы прокуроры палаты въ случаяхъ какихъ либо настояній и ходатайства окружнаго прокурорскаго надзора, въ требованіяхъ содѣйствія и т. п. испрашивали окончательнаго разрѣшенія разномыслія отъ министра, если прокуроры палаты съ своей стороны не находятъ цѣлесообразными или правильными ходатайства окружной прокуратуры. Равнымъ образомъ и въ случаяхъ введенія палатскою прокуратурою какихъ либо общихъ мѣръ или отдѣльныхъ распоряженій, при существованіи обязанности окружнаго прокурорскаго надзора исполнять предписанія прокурора палаты, въ случаѣ несогласія тѣхъ мѣръ и распоряженій

со взглядами окружной прокуратуры, основанными на соображеніи закона, съ данными обстоятельствами и мѣстными условіями, слѣдовалобы, кажется, предоставить ей право высказать свое мнѣніе передъ генералъ-прокуроромъ, отъ коего и будетъ зависѣть утвержденіе или отмѣна распоряженія палатской прокуратуры. Намъ кажется, что введеніе подобнаго порядка нисколько не колеблетъ основныхъ началъ учрежденія прокурорскаго надзора.

Возвратимся къ главному предмету нашей статьи. Что касается (вообще) до личнаго состава провинціальнаго прокурорскаго надзора, то несмотря на то, что въ средѣ его, даже на высшихъ должностяхъ (прокуроры окружныхъ судовъ) встрѣчаются лица, неполучившія высшаго юридическаго образованія (въ составѣ же товарищей прокуроровъ такихъ лицъ встрѣчается еще болѣе), нельзя не признать, что общій уровень способностей прокуратуры представляетъ тѣмъ не менѣе достаточно здоровыхъ силъ нашего общества. Къ сожалѣнію, всѣ эти личныя дарованія не всегда, въ провинціи, имѣютъ возможность развиваться, благодаря различнымъ условіямъ провинціальной службы, и тому направленію высшаго руководительства, которое замыкая кругъ прокурорской дѣятельности въ предѣлы канцеляризма и такимъ образомъ способствуя даже упадку умственной жизни прокуратуры, далеко не содѣйствуетъ правильному развитію ея. А между тѣмъ несмотря на свой относительно невысокій уровень интеллигенціи, не смотря на сбивчивость требованій предъявляемыхъ къ судебной реформѣ, несмотря, наконецъ, на отсутствіе средствъ правильнаго руководительства общественнымъ мнѣніемъ, провинціальное общество однако хорошо понимаетъ, что прокурорскій надзоръ долженъ соприкасаться съ самыми разнообразными сторонами общественной жизни, долженъ охранять законъ и вообще регулировать общественныя отношенія по скольку они соприкасаются съ правосудіемъ, долженъ и упорядочивать дѣятельность отдѣльныхъ органовъ правосудія. Между тѣмъ что же оказывается? Оказывается, что всѣ сферы общественной жизни и дѣятельности, на которыя долженъ бы воздѣйствовать прокурорскій надзоръ остаются совершенно отъ него свободны. Слѣдствія производятся плохо, дознанія еще хуже, произволу полиціи въ дѣлахъ нѣтъ предѣловъ, общественная безопасность не охранена въ виду и на глазахъ у прокурорскаго надзора, этого стража закона и законности. Въ этомъ и кроет-

ся одна изъ главныхъ причинъ непопулярности прокуратуры. Пока судебная реформа еще нова, пока она не пережила смѣны цѣлыхъ поколѣній общества и органовъ его управленія, — возстановленіе хорошаго значенія прокуратуры еще не такъ трудно. До сихъ поръ не смотря на все уклоненіе прокуратуры проявлять свою дѣятельность за предѣлы своего канцелярізма, общество все таки призываетъ ее къ дѣйствію, обращается къ ней и ищетъ отъ нея защиты.

Но если пройдетъ время, если отжившія поколенія передадутъ свои завѣты и преданія о существующемъ порядкѣ вещей новымъ поколѣніямъ, если такимъ образомъ непопулярность прокурорскаго надзора глубоко внѣдрится въ общественную жизнь, то устраненіе ее сдѣлается дѣломъ крайне труднымъ. Все это не можетъ не указывать на необходимость немедленнаго обновленія въ самомъ направленіи провинціальной прокуратуры. Это обновленіе должно повлечь за собою важныя послѣдствія. Оно должно устранить ту повальную для цѣлаго округа суд. палаты апатію и узкость размѣровъ дѣятельности окружной прокуратуры, которыя и служатъ главнымъ источникомъ непопулярности прокуратуры и которыя создаются глав. образомъ подъ вліяніемъ направленія пал. прокуратуры. Тамъ гдѣ палатскій прокурорскій надзоръ самъ не отличается ни знаніемъ, ни дѣятельностью, тамъ гдѣ отъ подчиненныхъ ему органовъ прокуратуры требуютъ только цифровыхъ данныхъ о количествѣ направленныхъ дѣлъ (какъ бы они не направлялись), и на всякое проявленіе энергіи и законнаго расширенія предѣловъ прокурорской дѣятельности смотритъ какъ на проявленіе безпокойныхъ характеровъ, тамъ, говоримъ мы, нельзя ожидать добрыхъ результатовъ отъ дѣятельности и всей подчиненной прокуратуры. Эта послѣдняя, не смотря на то, что по устройству своему представляетъ организмъ вполнѣ законченный и способный для единства и самостоятельной дѣятельности,—ничего не можетъ сдѣлать болѣе того, что составляетъ область лишь внутренняго управленія, а не внѣшняго проявленія дѣятельности. Такимъ образомъ самый энергическій и благонамѣренный прокуроръ окружнаго суда можетъ только упорядочить дѣятельность товарищей своихъ, можетъ повліять пожалуй на возбужденіе энергіи въ дѣятельности своего надзора,—но не далѣе. Вся область проявленія дѣятельности мѣстной прокуратуры во внѣ, на общество, уже не находится въ ея власти, благодаря возможности тѣхъ ненормальныхъ отношеній къ выс-

шей руководящей прокуратурѣ, о которыхъ мы говорили, и которыя неотразимо пригнетаютъ мѣстную прокуратуру. А между тѣмъ при счастливомъ стеченіи удовлетворительнаго личнаго состава, прокуратура окружнаго суда, даже помимо той пользы, которую могла бы ей принести дѣятельная и солидарная палатская прокуратура, сама по себѣ въ своемъ устройствѣ имѣетъ всѣ условія для полнаго осуществленія и для своего истиннаго назначенія. Представляя изъ себя небольшую единицу въ организаціи всего прокурорскаго надзора, прокуратура окружнаго суда имѣетъ всю возможность проникнуться, подъ руководствомъ разумнаго и дѣятельнаго прокурора, тою степенью единства, взаимной поддержки, которая создаетъ систему дѣятельности, а слѣдовательно твердость, послѣдовательность столь необходимыя въ прокуратурѣ Все это, примѣняясь и соображаясь въ своемъ проявленіи со всѣми частностями мѣстныхъ условій общественной жизни, естественно не можетъ не вселить въ обществѣ и уваженіе къ прокуратурѣ а слѣдовательно и содѣйствіе общественное. Къ сожалѣнію указанная зависимость окружной прокуратуры отъ Палатской и въ обществѣ сознается въ весьма не благопріятномъ смыслѣ для дѣятельности мѣстной прокуратуры. И по этому все, что желаетъ и можетъ парализовать или бороться съ прокуратурой (а этого всего очень много),—зорко слѣдитъ въ какой мѣрѣ тѣ или другія поползновенія мѣстной прокуратуры пробить стѣны крѣпости въ которую засадила ее палатская прокуратура и показаться на свѣтъ божій съ оружіемъ для борьбы съ беззаконіемъ,—одобряются палатскою прокуратурою. Само собою разумѣется, что тамъ гдѣ общій строй дѣятельности прокуратуры создался подъ вліяніемъ начала «*ни вочто невмѣшательства*» и формализма канцелярскаго въ исполненіи своихъ обязанностей, тамъ всякое проявленіе прокурорской дѣятельности за эти предѣлы неминуемо встрѣчаетъ нѣкоторое противодѣйствіе или по крайней мѣрѣ неготовности къ подчиненію. Здѣсь-то прежде всего и возникаетъ вопросъ о прокуратурѣ палаты. Если эта послѣдняя сочувствуетъ дѣятельности окружной прокуратуры, то нечего и говорить, что все противодѣйствующее немедленно притихаетъ, а за тѣмъ послѣдовательность и твердость дѣйствій прокуратуры—естественно создаетъ только почву для распространенія закона и законности. Если же на оборотъ,—палатская прокуратура не только не содѣйствуетъ, но не стѣсняется заявлять о своемъ несочувствіи дѣятельности

мѣстной прокуратуры, то разумѣется все противодѣйствующее только укрѣпляется въ своемъ направленіи, запасается болѣе дѣйствительными средствами и силами, чтобы попытки мѣстной прокуратуры сдѣлать неудачными. А такъ какъ подобные результаты создаютъ только лишнюю неловкость въ положеніи мѣстной прокуратуры, то житейская мудрость и подсказываетъ ей отказаться отъ всякихъ попытокъ и дѣйствовать въ духѣ и направленіи созданномъ палатскою прокуратурою. Впрочемъ говоря о началѣ *«ни вочто не вмѣшательства»*, созданномъ по нашимъ наблюденіямъ извѣстною намъ палатскою прокуратурою, мы должны замѣтить, что начало это иногда нарушается самымъ очевиднымъ образомъ, самими его сторонниками и сочинителями. Олимпъ на которомъ возсѣдаетъ палатская прокуратура, будучи оторванъ вообще отъ интересовъ людскаго общежитія, тѣмъ не менѣе иногда бываетъ весьма благосклоненъ къ нѣкоторымъ смертнымъ. И вотъ тогда-то начинаютъ раздаваться громы на окружную прокуратуру призывая ее къ энергіи щедринскихъ городовыхъ «ташшить и не пушшать». Къ счастію эти громы касаются отдѣльныхъ случаевъ и отдѣльныхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію эти громы нисколько не содѣйствуютъ возвышенію достоинства прокуратуры и общество мѣстное оцѣниваетъ ихъ по всей справедливости, пользуясь ими, чтобы увеличить запасъ аргументовъ противъ прокуратуры.

Таковы общія черты условій лежащихъ въ самыхъ отношеніяхъ прокуратуры палатской къ окружной и явно не благопріятствующихъ пріобрѣтенію прокуратурою того общественнаго значенія, которое ей предначертано. Конечно тотъ покой и невмѣшательство соединенное съ канцелярскимъ формализмомъ прокуратуры провинціальной, о которыхъ мы говорили, не заключали бы въ себѣ ничего предосудительнаго, если бы они были результатами такого невозможнаго порядка общежитія и совершеннаго процвѣтанія законности, при которыхъ прокуратурѣ ничего не оставалось бы какъ наслаждаться своимъ счастливымъ положеніемъ и изрѣдка писать обвинительные акты. Къ сожалѣнію провинція по преимуществу не можетъ похвастаться своимъ благоустройствомъ и представляетъ слишкомъ широкое поле для дѣятельности прокуратуры. Отчасти мы это видѣли изъ нашихъ «замѣтокъ о слѣдственной дѣятельности въ провинціи.» Но къ суммѣ условій дѣйствующихъ совмѣстно съ отношеніями прокуратуры въ самой себѣ нельзя не присоединить еще одного

условія, усугубляющаго вредъ проистекающій изъ неправильнаго руководительства палатской прокуратуры и деморализирующаго окружную прокуратуру,—это условіе есть общій строй провинціальной жизни и частныя отношенія къ ней прокуратуры.

Бѣдность умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, небольшой кругъ общества въ провинціи, ставятъ жизнь каждаго отдѣльнаго члена общества, занимающаго извѣстное служебное или общественное положеніе, слишкомъ видною и интересною для провинціальной праздности. Какой нибудь Харьковъ или Одесса конечно большіе города, но странно сказать, что провинціализмъ ихъ едва ли далеко ушелъ отъ разныхъ Курсковъ и Орловъ, а этихъ послѣднихъ отъ разныхъ Изюмовъ, Сумъ и т. д. На самомъ дѣлѣ у прокурорскаго надзора слишкомъ много дѣла, чтобы всѣмъ тѣломъ не окунуться въ мутныя воды провинціальной частной жизни и не участвовать во всѣхъ проявленіяхъ съ ея карточной игрой, попойками, дрязгами и сплетнями. Если же прокурорскій надзоръ не занятъ своимъ дѣломъ, если онъ создалъ для себя слишкомъ узенькій кругъ обязанностей, для выполненія которыхъ требуется только сидѣнья по нѣскольку часовъ въ камерѣ или судѣ, если прокурорскій надзоръ въ своей корпораціи не создалъ никакихъ средствъ умственной жизни и никакихъ умственныхъ интересовъ (что впрочемъ тѣсно связано съ развитіемъ дѣятельности), то онъ волею или неволею входитъ, втягивается въ общую жизнь провинціи. Но провинціальная жизнь въ тоже время не умѣетъ отличать въ лицахъ, занимающихъ извѣстныя степени служебной и общественной іерархіи, частныхъ людей. Губернаторы, прокуроры и т. д. и на своихъ трибунахъ и въ обществѣ все тѣже губернаторы и прокуроры, хотя бы они въ частныя отношенія ничего не вносили губернаторскаго и прокурорскаго. Если же губернаторы и прокуроры въ обществѣ сознаются какъ таковые, то на оборотъ, тѣ все-таки, частныя отношенія, которыя установляются ими въ обществѣ, сами собою проникаютъ и на ихъ трибуны. Здѣсь-то и кроется весьма щекотливое положеніе. Участвуя во всѣхъ проявленіяхъ провинціальной жизни прокуроры невольно, согласуются съ ея членами. Фамиліярность провинціальныхъ отношеній, конечно, всѣмъ извѣстна. Извѣстно также то сердечное отношеніе къ своимъ развлеченіямъ, которое замѣчается у провинціаловъ. Думается, что прокуратура должна имѣть слишкомъ много нравственной твердости и такта, чтобы изъ ис-

численныхъ чертъ провинціальной жизни не извлечь для себя новаго источника для умаленія своего общественнаго авторитета и довѣрія и новое препятствіе къ успѣшному проявленію всякой попытки къ независимой и наиболѣе широкой дѣятельности направленной часто противъ всего теченія и существующаго строя общественныхъ порядковъ, уже не говоря о частныхъ интересахъ, кои задѣваются. А вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ исчисленныя черты провинціальной жизни и слишкомъ привлекательны для праздности, чтобы ихъ полюбить и втянуться въ картежъ и т. д.

Такимъ образомъ, говоря о неудовлетворительномъ общественномъ положеніи прокуратуры въ провинціи, мы должны признать, что явленіе это обусловлено совмѣстнымъ дѣйствіемъ провинціализма съ неблагопріятными вліяніями высшей прокуратуры на низшую. Впрочемъ заключая эту часть нашего изложенія мы отвѣтимъ на возможное замѣчаніе намъ о томъ, что мы смотримъ на прокуроровъ какъ на какихъ-то Юпитеровъ-громовержцевъ и хотимъ ихъ совершенно оторвать отъ жизни въ обществѣ. Но такое замѣчаніе можетъ быть результатомъ только недоразумѣнія. Напротивъ мы утверждаемъ необходимость участія прокуроровъ въ общественной жизни какъ элементовъ интеллигенціи общества. Мы только порицаемъ крайности въ этомъ отношеніи, и требуемъ, чтобы прокуратура рядомъ съ этимъ участіемъ и на счетъ крайностей въ этомъ отношеніи, расширила и свое оффиціальное значеніе, отдѣлила его отъ частнаго; чтобы прокуратура не вносила въ службу личныя симпатіи и злобу и чтобы частныя отношенія и обязательства не вліяли на ея дѣятельность. Переходя за симъ къ коротенькому обозрѣнію постепеннаго движенія руководительства палатскаго прокурорскаго надзора въ отношеніи дѣятельности провинціальнаго прокурорскаго надзора окружнаго суда мы находимъ, что здѣсь замѣчаются, нелишенные интереса, три періода. Такъ, первый періодъ, свойственный едва ли не всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ вводилась судебная реформа въ цѣломъ объемѣ,—характеризуется горячею установительною дѣятельностью прокуратуры палаты. Періодъ этотъ весьма обиленъ установленіемъ всевозможныхъ руководящихъ правилъ, надзора, прокурорской политики и т. д. Въ этомъ періодѣ, соотвѣтствующемъ, если можно такъ выразиться, младенчеству прокурорскаго института, этотъ послѣдній разсматривалъ себя призваннымъ для опеки чуть ли не надъ всѣми сторонами

общественной жизни и дѣятельности. И по сему, слишкомъ широко раскинувъ проявленія своей дѣятельности, тѣсно связанной съ предустановленными началами высшаго руководительства, прокурорскій надзоръ сразу сталъ въ положеніе отчаяннаго бойца. Къ сожалѣнію разсматриваемый періодъ независимо неправильной постановки самаго направленія прокуратуры и по существу своихъ руководящихъ циркуляровъ и предписаній не особенно богатъ особенно полезнымъ и солиднымъ содержаніемъ. Циркуляры эти созданные подъ вліяніемъ лихорадочной установительной дѣятельности палатской прокуратуры, составлялись ощупью и потому весьма скоро пережили свое время, оставивъ въ прокуратурѣ только одну традицію о полной безграничности вліянія палатской прокуратуры на окружную и о стремленіи первой охватить всѣ мельчайшія, частныя формы проявленія дѣятельности послѣдней. Что касается до значенія этого періода въ общемъ ходѣ развитія дѣятельности прокуратуры, то оно явствуетъ само собою. Необузданность, страстность и придирчивость прокуратуры задавшейся сразу перестроить весь общественный порядокъ, проникающій съ своими требованіями въ сферы не надлежащія,—при самомъ началѣ жизни судебной реформы, послужили источникомъ самыхъ неправильныхъ понятій общества о назначеніи прокуратуры и вызвали только противодѣйствіе, не создавъ популярности прокурорскаго института. Реакція со стороны общества и общественныхъ учрежденій вызвала реакцію и въ самой прокуратурѣ. Второй періодъ отличается уже противоположнымъ характеромъ руководительства, стремящагося ввести дѣятельность окружной прокуратуры въ болѣе узкія рамки. Важность этого періода для судебъ прокуратуры несомнѣнна. Само по себѣ стремленіе ввести прокуратуру въ должные предѣлы, какъ реакція ложному направленію усвоенному ею въ первомъ періодѣ, явленіе естественное и необходимое. И если это съуженіе дѣятельности прокуратуры ведется разумно, съ тактомъ, то прокуратура неминуемо должна бы только выиграть отъ этого. Но къ сожалѣнію это съуженіе сразу выразилось въ самой рѣзкой формѣ застоя. Прокуратура, какъ бы испугавшись плодовъ своей дѣятельности въ первомъ періодѣ, быстро начала замыкаться въ себѣ и отвернулась даже и отъ того на что она обязана была смотрѣть. Въ свою очередь общество и общественныя власти не дружелюбно и реактивно смотрѣвшія на предшествующую дѣятельность прокуратуры въ виду такой непослѣдо-

вательности послѣдней также быстро подняли голову и стали смѣло заявлять притязанія къ еще большему устраненію прокуратуры отъ вліянія и значенія. Напоръ направленный на прокуратуру извнѣ, отразился въ ея внутреннемъ управленіи и составилъ третій періодъ руководительства. Этотъ періодъ характеризуется стремленіемъ палатской прокуратуры уже къ прямому подавленію всякаго проявленія прокурорской дѣятельности во внѣ и съуженіе ея въ самыхъ наименьшихъ размѣрахъ, до канцелярскаго формализма и совершенной апатіи и деморализаціи. За этотъ-то періодъ прокуратура провинціальная и утратила всякое свое общественное значеніе. Что же касается до нѣкоторыхъ чертъ внутренней жизни и дѣятельности прокуратуры за этотъ періодъ то они заключаются въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что разсмотрѣніе представляемыхъ окружною прокуратурою заключеній по слѣдственнымъ производствамъ раздѣляется между товарищами прокурора палатъ по округамъ окружныхъ судовъ. Такимъ образомъ одному товарищу прокурора палаты принадлежатъ такіе-то округа, другому другіе и т. д. Такое раздѣленіе труда палатскаго прокурорскаго надзора заслуживаетъ полнаго одобренія. При существованіи правильныхъ отношеній товарищей прокурора къ прокурору палаты, при стремленіи послѣдняго правильно управлять надзоромъ и руководить своихъ товарищей въ единообразномъ разрѣшеніи вопросовъ слѣдственной практики, такое раздѣленіе приноситъ очевидную пользу. Оно даетъ возможность товарищамъ прокурора палаты изучить личный составъ своихъ округовъ посредствомъ болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія и разсмотрѣнія слѣдственной дѣятельности однихъ и тѣхъ же лицъ. Результаты такого обстоятельнаго изученія слѣдственной дѣятельности округовъ, ихъ силъ и преемственности въ движеніи практики безъ сомнѣнія весьма важны для прокурора палаты. Съ помощью только этихъ свѣденій онъ самъ можетъ правильно управлять дѣятельностью ввѣренныхъ ему округовъ.

Но какъ и вездѣ доброе начало, если примѣняется негодными руками, можетъ не принести той пользы, которую отъ него слѣдуетъ ожидать, такъ и раздѣленіе труда въ палатскомъ прокурорскомъ надзорѣ, будучи само по себѣ весьма полезно, не всегда приводитъ къ желаемымъ результатамъ. Такъ, прежде всего намъ не всегда случалось видѣть, чтобы со стороны прокуроровъ палатъ были принимаемы мѣры къ установленію общности и од-

нообразія во взглядахъ своихъ товарищей и сопряже сѣннаго этимъ однообразія и въ требованіяхъ отъ окружныхъ слѣдственныхъ дѣятелей. Можетъ быть къ этому присоединялись еще и отсутствіе непосредственнаго общенія и обмѣна взглядовъ на вопросы слѣдственной практики между самими товарищами прокурора палаты. Но результатомъ этого являлось то, что окружная слѣдственная практика одного и того же округа палаты часто разнилась смотря потому въ вѣденіи какого товарища прокурора палаты она находилась. Намъ могутъ напомнить о судебной палатѣ, на окончательное разсмотрѣніе коей поступаютъ заключенія прокурорскаго надзора по слѣдственнымъ дѣламъ, и замѣтить, что отъ палаты всегда зависитъ устраненіе всякаго разнообразія въ слѣдственной дѣятельности. Палата дѣйствительно все это можетъ сдѣлать, если старается и желаетъ удержать за собою право руководительства и не отдаетъ «*вѣденіе сего предмета*» палатскому прокурорскому надзору, который и удерживаетъ свое руководительство въ своихъ рукахъ. При этомъ случалось видѣть такіе примѣры. Одинъ товарищъ прокурора палаты сочиняетъ преступленіе *открытую кражу* и мараетъ обвинительные акты по 1643 ст. Улож. Другой этого не дѣлаетъ. Одинъ тов. прок. палаты никакъ не пойметъ, что допросъ въ качествѣ обвиняемаго есть актъ привлеченія къ слѣдствію и посему требуетъ для сего существованія достаточныхъ данныхъ, а не одного голословнаго подозрѣнія. Другой же отлично это понимаетъ и не мараетъ актовъ и не возвращаетъ слѣдствій если не допрошено въ качествѣ обвиняемаго лицо, противъ котораго не существовало никакихъ данныхъ кромѣ заявленія о подозрѣніи. Случалось видѣть такіе способы дѣйствій нѣкоторыхъ товарищей прокурора палаты, которые, въ пылу своего служенія идеѣ руководительства, исправляя и перемарывая прокурорскіе акты сопровождали ихъ замѣчаніями: «глупо, вретъ, нѣтъ здраваго смысла, и т. д. Замѣтки эти къ поученію окружныхъ прокуроровъ такъ и возвращались вмѣстѣ съ дѣлами изъ палаты. Случалось также видѣть и такія» руководительства «въ силу коихъ товарищи прокурора палаты, возвращая прокурорскому надзору окружнаго суда его заключеніе о прекращеніи, требовали составленія обвинительнаго акта (130 ст. учр. суд. уст. 539 уст. уг. судопр.) Указанное разнообразіе и весьма поучительный способъ руководительства истекающаго отъ палатскаго прокурорскаго надзора, привели къ весьма оригинальнымъ послѣдствіямъ.

Наиболѣе практичные и наименѣе вѣрные началамъ достоинства прокуратуры, члены окружнаго прокурорскаго надзора въ видахъ избѣжанія немилостей и иныхъ невзгодъ отъ палатской прокуратуры, — усвоили себѣ весьма легкое средство выслуживаться. Они начали частенько забѣгать въ резиденцію прокуратуры палаты и посредствомъ личныхъ объясненій съ руководящимъ товарищемъ прокурора палаты о предстоящемъ направленіи дѣла, о способѣ изложенія и разстановкѣ запятыхъ и т. д. устранить кары, пріобрѣвъ въ замѣнъ этого роль излюбленныхъ и привилегированныхъ чиновъ окружной прокуратуры передъ палатскою. Такому излюбленному чину (они чаще всего товарищи прок. окруж. суда) поручается напримѣръ словесное объявленіе немилости на того или другаго изъ собратовъ или слѣдователей, въ чемъ-либо неугодившихъ руководящему товарищу прокурора палаты. Едвали предстоитъ надобность добавлять, что результатомъ указаннаго порядка «руководительства» явилось сплетничество и доносы какъ въ прокурорскомъ надзорѣ, такъ и между слѣдователями. На такихъ честныхъ началахъ строится жизнь и дѣятельность прокуратуры въ провинціи! Мы ограничимся лишь этими указаніями, чтобы не опускаться еще глубже до засореннаго дна жизни прокурорской корпораціи. Мы твердо убѣждены, что всѣ эти дрязги и вся деморализація прокуратуры не есть явленіе всеобщее. Оно при томъ же и преходяще, ибо будучи создано неправильными условіями, лежащими въ личныхъ качествахъ руководящаго надзора, явленіе это исчезаетъ вмѣстѣ съ смѣною лицъ, стоящихъ въ рядахъ высшей прокуратуры. Измѣненіе къ лучшему собственно въ области нравовъ прокуратуры тѣмъ легче можетъ совершиться, что оно касается внутренней жизни прокуратуры самой въ себѣ. И какъ легко создавалось указанное явленіе при существованіи извѣстныхъ вліяній и воспитанія сверху, такъ же легко оно исчезаетъ при другомъ вліяніи, хотя нельзя не пожалѣть, что это другое вліяніе уже давно не наступило.

Гораздо труднѣе поддаются измѣненіямъ самая дѣятельность прокуратуры и внѣшнее ея проявленіе, особенно когда ненормальное направленіе ея уже внѣдрилось въ прокуратуру какъ убѣжденіе и когда затерялось самое представленіе о другомъ,— лучшемъ направленіи дѣятельности.

II.

Слѣдуя принятому нами порядку изложенія перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣятельности прокуратуры въ отношеніи суда.

Въ отношеніи суда общая дѣятельность прокураторы, какъ извѣстно, проявляется въ двухъ направленіяхъ: а) какъ органъ охраненія закона и точнаго его примѣненія и б) какъ власти обвинительной. Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили, что такая дѣятельность прокуратуры, разсматриваемая съ точки зрѣнія ея предначертанія законодателемъ, представляется чрезвычайно важною и высокою для правосудія вообще. Здѣсь же мы прибавимъ только что для осуществленія своихъ функцій прокурорскій надзоръ, казалось бы, имѣетъ всю совокупность благопріятныхъ условій въ своей организаціи, замыкающейся на высотѣ общаго управленія судебною дѣятельностью, въ лицѣ Генералъ-Прокурора. Благодаря такому своему положенію прокуратура окружнаго суда, обязанная являться хранителемъ образованія и знанія въ судебномъ дѣлѣ, можетъ пользоваться въ этомъ отношеніи содѣйствіемъ и помощью самыхъ высшихъ ея органовъ обладающихъ (предполагается) и большею опытностью и еще большими знаніями.

Функція охраненія закона въ судебныхъ мѣстахъ прокурорскимъ надзоромъ проявляется посредствомъ предложенія суду своихъ мнѣній и заключеній въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, общихъ собраніяхъ и судебныхъ и въ правѣ протеста. Въ первыхъ изъ исчисленныхъ присутствій разсматриваются вопросы порядка производства и прекращенія дѣлъ, вопросы о подсудности дѣлъ, и жалобъ на дѣйствія слѣдственныхъ органовъ. Большая часть разсматриваемыхъ и разрѣшаемыхъ вопросовъ въ судѣ поступаютъ отъ прокурорскаго надзора, а потому и участіе прокурорскаго надзора въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ нельзя считать несущественнымъ. Къ сожалѣнію печальный обычай установилъ крайне поверхностное отношеніе прокуратуры къ дѣятельности своей въ семъ отношеніи. Для выполненія разсматриваемой обязанности въ прокурорскомъ надзорѣ въ большинствѣ случаевъ не существуетъ никакихъ порядковъ и организаціи. Въ распорядительныя засѣданія посылается первый попавшійся въ данную минуту членъ прокуратуры, который незная заранѣе ни дѣлъ подлежащихъ его заключенію, ни харак-

тера и основанія тѣхъ предложеній прокурора копми сопровождалось вступленіе въ судъ большей части дѣлъ, даетъ заключенія, такъ, сказать съ налета, нисколько не заботясь за послѣдствія, могущія изъ этого произойти. Конечно судъ самъ заинтересованъ въ правильности своихъ опредѣленій и настолько свѣдущъ чтобы строить свои опредѣленія только на правильномъ истолкованіи закона. Если же вести эти мысли до конца, то пожалуй придется признать, что вообще здѣсь и не нуженъ прокурорскій надзоръ. Но нельзя не признать, что разъ законъ вмѣняетъ въ обязанность прокуратурѣ участіе въ распорядительныхъ засѣданіяхъ суда, то это участіе не есть пустое и формальное, а слѣдовательно и отношеніе къ сей обязанности не должно быть поверхностное, независимо той пользы которую оно (участіе) можетъ принести дѣлу. Что же касается до самого существа и значенія сихъ обязанностей прокуратуры въ отношеніи суда, то оно явствуетъ изъ слѣдующаго. Руководящее значеніе распорядительныхъ засѣданій суда не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Дѣятельность же прокурорскаго надзора проявляется нетолько въ отношеніи суда, но и слѣдователей, полиціи и суда мироваго. На разсмотрѣніе суда въ распорядительныхъ засѣданіяхъ поступаютъ такіе вопросы, разрѣшеніе коихъ часто опредѣляетъ только дальнѣйшій ходъ дѣла въ указанныхъ учрежденіяхъ и обусловливаетъ дальнѣйшую практику сихъ учрежденій. По роду своихъ обязанностей, стоя близко къ означеннымъ учрежденіямъ, наблюдая за ихъ дѣятельностью, настаивая на выполненіи тѣхъ или другихъ требованій закона, прокурорскій надзоръ всегда почти имѣетъ возможность ближайшимъ образомъ знать и обстоятельства, при которыхъ возникли тѣ или другіе вопросы, и послѣдствія такого или иного опредѣленія суда для дальнѣйшей практики. Всѣ сіи свѣденія прокуратура, всегда можетъ внести въ судъ при своихъ отношеніяхъ. Вотъ почемуи важно серьезное участіе прокуратуры въ распорядительныхъ засѣданіяхъ суда. Прокурорскій надзоръ является органомъ наиболѣе заинтересованнымъ и ближе стоящимъ къ тѣмъ именно вопросамъ, кои разрѣшаются въ распорядительныхъ засѣданіяхъ. А отсюда выясняется и вся необходимость такой организаціи въ исполненіи прокуратурой указываемыхъ обязанностей, которая бы дѣйствительно обогащала судебныя опредѣленія нужными свѣденіями и способствовала бы сохраненію однообразія и прогрессивнаго усовершенствованія

слѣдственной практики. Что касается до самой формы организаціи дѣятельности прокурорскаго надзора въ разсматриваемой сферѣ, то въ примѣненіи къ провинціямъ наиболѣе подходящею представляется намъ та въ силу которой участіе въ распорядительныхъ засѣданіяхъ исключительно присвоивается прокурору. При этомъ условіи, какъ глава мѣстной прокуратуры, прокуроръ Окр. Суда всегда можетъ стоять на высотѣ охраненія однообразія, преемственнаго хода судебной практики и средоточія всѣхъ тѣхъ свѣденій о дѣлахъ о коихъ мы упомянули выше. Вырабатывая вмѣстѣ съ судомъ вполнѣ основательныя опредѣленія, прокуроръ окружнаго суда имѣетъ возможность и наблюсти чрезъ своихъ товарищей за точнымъ исполненіемъ и руководствомъ тѣми опредѣленіями. Затѣмъ относительно дѣятельности провинціальнаго прокурорскаго надзора въ общихъ собраніяхъ, мы можемъ только замѣтить что на нихъ обыкновенно присутствуютъ сами прокуроры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не присовокупить, что вообще, въ извѣстныхъ намъ судахъ, прокуроры рѣшительно не имѣютъ ни желанія, ни авторитета, чтобы вліять на ходъ общаго судебнаго управленія по вопросамъ разрѣшаемымъ въ общихъ собраніяхъ. Въ дѣятельности прокуроровъ въ семъ отношеніи усматривается тотъ же индеферентизмъ, который вообще отличаетъ его направленіе. Поэтому о какой либо иниціативѣ въ дѣлѣ возбужденія вопросовъ общаго судебнаго управленія и предложенія строго и серьезно продуманныхъ соображеній по нимъ за рѣдкими исключеніями быть не можетъ. Упадокъ умственной жизни прокуратуры, созданный апатіей сверху, какъ увидимъ, проявляется на каждомъ шагу и даетъ себя чувствовать. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что и суды такъ привыкли и окрѣпли въ такихъ условіяхъ своихъ отношеній къ мѣстной прокуратурѣ, что во всякомъ случаѣ проявленіе со стороны прокуратуры нѣкотораго стремленія къ участію въ общемъ судебномъ управленіи усматриваютъ притязательность и относятся къ нему весьма предубѣжденно, разсматривая его какъ посягательство прокуратуры на независимость суда. Причина этого явленія объясняется также и добрымъ старымъ временемъ дѣйствительныхъ посягательствъ прокуратуры даже и на независимость суда. Когда же внутренняя реакція прокуратуры пошла въ другую крайность, то суды и усвоили себѣ указанныя убѣжденія. Для примѣра укажемъ на нѣсколько случаевъ характеризующихъ эту ненормальность отношеній

суда къ прокуратурѣ. Извѣстно, что Петербургскій судъ выработалъ прекрасное правило и порядокъ храненія вещественныхъ доказательствъ. Извѣстно также, что существующій въ другихъ округахъ порядокъ храненія вещественныхъ доказательствъ у слѣдователей, а особенно въ полицейскихъ управленіяхъ почти всегда лишаетъ судъ возможности пользоваться этими важными доказательствами, вслѣдствіе того, что они затериваются, похищаются, портятся или теряютъ ярлыки. Въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ судовъ прокуроръ, составивъ проектъ правилъ храненія вещественныхъ доказательствъ на подобіе С.-Петербургскихъ, сообщилъ ихъ на усмотрѣніе предсѣдателя, прося его предложить суду на разсмотрѣніе. Достаточно было того что эти правила получены отъ прокурора, чтобы ихъ отвергнуть, а черезъ полгода принять, но какъ дѣло иниціативы суда. Вотъ какіе мотивы иногда руководятъ судами, благодаря совершенно ложнымъ основаніямъ, на которыя поставлена дѣятельность провинціальной прокуратуры. Другой случай. По дѣламъ объ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ судъ установилъ, чтобы въ своихъ опредѣленіяхъ не высказывать своего сужденія по поводу состоянія умственныхъ способностей обвиняемаго. Разсматривая же себя только какъ свидѣтеля освидѣтельствованія, отвѣты врачей окружный судъ записывалъ въ протоколъ, а въ опредѣленіи излагалъ: объ оказавшемся сообщить прокурору вмѣстѣ съ дѣломъ. Прокуроръ написалъ цѣлый трактатъ о необходимости иного порядка дѣйствій суда по симъ дѣламъ, ибо существующій порядокъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона и явно нецѣлесообразенъ ему. Суду оставалось только прочитать соображенія прокурора, чтобы убѣдиться въ справедливости его воззрѣнія. Но и тутъ тотъ же мотивъ, разукрашенный стремленіемъ суда къ охраненію своей практики отъ вторженій прокуратуры, послужилъ основаніемъ оставленія сообщенія прокурора безъ послѣдствій. Къ счастію впослѣдствіи вышелъ указъ Сената, разъясняющій вопросъ въ томъ же смыслѣ какъ полагалъ прокуроръ,—и дѣла пошли въ правильномъ направленіи.

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно для подкрѣпленія нашихъ указаній.

Переходя къ обозрѣнію дѣятельности прокурскаго надзора провинціи въ качествѣ обвинительной власти, мы должны замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько

словъ объ обвинительной дѣятельности прокурорскаго надзора только передъ судомъ, слѣдовательно будемъ говорить о публичной дѣятельности прокуратуры. Объ обвинительной же дѣятельности ея какъ органа возбужденія преслѣдованія мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Какъ и личный составъ вообще, прокурорскій надзоръ провинціи и со стороны своихъ дарованій къ публичной обвинительной дѣятельности, стоитъ довольно удовлетворительно. Въ судѣ почти каждаго округа суда можно найдти одного-двухъ представителей истиннаго дарованія къ публичной дѣятельности, особливо въ прокуратурѣ судовъ 2-го разряда; къ сожалѣнію провинція не благопріятствуетъ полному развитію такихъ дарованій, не благопріятствуетъ и вообще правильному развитію обвинительной дѣятельности. И потому мы не можемъ не замѣтить, что несмотря на хорошій уровень способностей прокуратуры обвинительная дѣятельность получила далеко не свойственное ей направленіе и стоитъ ниже своего настоящаго уровня. При объясненіи такого явленія нельзя не остановиться прежде всего на томъ обстоятельствѣ, что въ провинціи чуть ли не въ большинствѣ случаевъ обвинительная публичная дѣятельность прокуратуры совершается безъ противниковъ со стороны защиты. Неразвитый подсудимый (какихъ легіонъ), конечно, не можетъ противостоять хотя бы слабой рѣчи образованнаго прокурора. Такимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ обвинительная дѣятельность прокуратуры даже не стимулируется ни къ особой энергіи, ни къ изощренности. Указанное обстоятельство тѣмъ болѣе вредно дѣйствуетъ на развитіе обвинительнаго искусства, что обусловливаетъ даже и наиболѣе легкое и поверхностное изученіе прокурорами дѣла. Съ этимъ вмѣстѣ изгоняется всякое приготовленіе къ обвиненію въ смыслѣ всесторонняго обдумованія всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствъ дѣла по отношенію къ изобличенію, въ смыслѣ соображенія возможныхъ возраженій защиты и въ смыслѣ установленія плана рѣчи со строгимъ обсужденіемъ способовъ расположенія матеріала ея. Словомъ отсутствіе защиты даже и въ важныхъ дѣлахъ (въ уѣздахъ) вліяетъ на самое существо обвинительной дѣятельности. На измѣненіе такого отношенія прокуратуры къ своей обвинительной дѣятельности не вліяетъ, конечно, и то обстоятельство, что представителями защиты въ мѣстѣ нахожденія суда и иногда въ уѣздахъ появляются такъ называемые аблокаты. Ихъ

участіе въ дѣлѣ если въ чемъ стимулируетъ прокуратуру, то развѣ въ гнѣвѣ и рѣзкости насмѣшекъ, что весьма непріятно дѣйствуетъ на слушателей и во всякомъ случаѣ не благопріятствуетъ уваженію къ представителю обвинительной власти и достоинству его дѣятельности. Но провинція и прежде имѣла, а съ изданія закона о частныхъ повѣренныхъ, еще болѣе имѣетъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ средѣ которыхъ не рѣдки довольно хорошія дарованія. Казалось бы участіе въ дѣлѣ такихъ защитниковъ въ состояніи внести въ пренія тѣ качества и достоинства которыхъ они не имѣютъ при вышеуказанныхъ условіяхъ. Но во 1-хъ присяжныхъ повѣренныхъ все таки не такъ много въ провинціи, чтобы судъ, не стѣсняя ихъ, могъ поручать имъ часто защиты, сами же они появляются только по дѣламъ хлѣбнымъ или пикантнымъ. Слѣдовательно въ сущности они появляются въ качествѣ защитниковъ не часто, а за тѣмъ и участіе ихъ въ способствованіи развитію судебныхъ преній съ этой стороны не можетъ играть важной роли. Во 2-хъ мы не можемъ не замѣтить, что направленіе ораторской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ провинціи по уголовнымъ дѣламъ далеко не такъ безупречно какъ это могло бы казаться. Если мы попробуемъ собрать тѣ черты коими въ большинствѣ случаевъ характеризуется ораторство патентованныхъ защитниковъ провинціальныхъ, то намъ придется выразиться такъ: рѣчи защитниковъ прежде всего отличаются напыщенностью, искуственнымъ паѳосомъ, а за тѣмъ трескучими фразами, общими мѣстами, наклонностью опровергать очевидность, наполняя свои возраженія шутками, остротами и комическими сравненіями вызывающими смѣхъ въ публикѣ и даже въ присяжныхъ. Само собою разумѣется, что и прокурорская публичная дѣятельность подъ вліяніемъ пріемовъ противниковъ также заражается несвойственными ей пріемами и съуживается въ своемъ развитіи до предѣловъ установляемыхъ защитою, которая употребляя указанные пріемы къ сожалѣнію не идетъ въ разрѣзъ съ требованіями публики, а опирается на нихъ и тѣмъ себя даже популяризируетъ. Такимъ образомъ для защиты такое направленіе ея рѣчей выгодно, а потому ей и нѣтъ никакого повода отступать отъ него. Для представителей же обвиненія, живущихъ въ этой же средѣ, которой нравится ораторство съ указанными качествами, слишкомъ трудно подняться на столько въ своемъ сознаніи, чтобы игнорировать мѣстное общественное мнѣніе и критику сравне-

нія силъ. Такимъ способомъ провинціальная тля и подъѣдаетъ всякіе единичныя попытки къ поднятію уровня судебныхъ преній и явно препятствуетъ успѣху ихъ развитія.

Что касается до дѣятельности прокурорскаго надзора передъ судомъ мировымъ, то въ силу закона она проявляется главнымъ образомъ въ предъявленіи своихъ заключеній въ съѣздахъ мировыхъ судей.

Вообще передъ мировыми съѣздами прокуратура занимаетъ довольно авторитетную роль въ смыслѣ вліянія своими заключеніями на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ.

Но въ видахъ наибольшей точности приведеннаго замѣчанія нашего нельзя не присовокупить, что авторитетъ прокурорскихъ заключеній главнымъ образомъ проявляется въ области вопросовъ права и примѣненія закона. И это легко объясняется съ одной стороны общимъ уровнемъ юридическихъ познаній представителей мировой юстиціи, а съ другой тѣмъ всеобщимъ въ сферѣ мировой юстиціи взглядомъ на прокуратуру, въ силу котораго она разсматривается какъ офиціальный и исключительный хранитель знанія законовъ, и ихъ истолкованія, а потому для представителей мировой юстиціи, въ этой области, и не предстоитъ соперничить съ прокуратурою. Другое дѣло область существа дѣла. Въ ней съѣзды сохраняютъ за собою самостоятельность и болѣе туго уступаютъ ее вліянію прокурорскихъ заключеній. Но это объясняется какъ свойствомъ самой области болѣе доступной и легко усвояемой, такъ еще и тѣмъ, что прокурорскія заключенія исходятъ отъ лица совершенно чуждаго мѣстнымъ интересамъ, тогда какъ соображеніе этихъ интересовъ при рѣшеніи дѣла является весьма важнымъ обстоятельствомъ въ глазахъ представителей мировой юстиціи. Кромѣ того съѣздамъ не чуждо проведеніе въ своихъ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ *принциповъ* хотя бы и весьма своеобразныхъ. Такъ мы знали одинъ мировой съѣздъ, который усвоилъ себѣ *принципъ* по дѣламъ о кражахъ назначать самое большое наказаніе. *Принципъ* этотъ введенъ былъ однимъ участковымъ мировымъ судьею, который съ помощью его будто бы выгналъ въ другой участокъ всѣхъ воровъ своего участка. Мировой съѣздъ, усвоившій этотъ же принципъ имѣлъ въ виду выгнать воровъ своего округа въ другой. Понятно,—прокурорамъ чужды подобные *принципы*, но зато и заключенія ихъ по существу дѣлъ иногда не принимаются. Впрочемъ за время позднѣйшее въ средѣ мировыхъ судей

стали появляться такъ называемые „*умники*“. Они обыкновенно вооружаются „анисимовками“ съ выписками изъ кассаціонныхъ рѣшеній и выступаютъ на борьбу съ юридическими взглядами прокуроровъ. Однако авторитетъ этихъ „умниковъ“ еще не окрѣпъ и прокурорскія заключенія отъ него въ сущности, кромѣ потери времени на споры, ничего не терпятъ.

До сихъ поръ мы говорили по поводу дѣятельности прокурорскаго надзора въ мировыхъ съѣздахъ собственно по уголовнымъ дѣламъ. Но прокуроры предъявляютъ свои заключенія и по гражданскимъ дѣламъ. (179 ст. Уст. Гр. Суд.) Если можно оспаривать смыслъ и значеніе прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, то въ отношеніи мировыхъ съѣздовъ можно только желать, чтобы область гражданскихъ дѣлъ подлежащихъ прокурорскимъ заключеніямъ не только была значительна расширена, но чтобы прокурорскія заключенія распространялись даже на всѣ гражданскія дѣла. Въ этой сферѣ польза прокурорской дѣятельности, по нашему мнѣнію, вынесенному изъ личнаго опыта, несомнѣнна.

Примѣненіе и истолкованіе гражданскихъ законовъ и въ частности законовъ гражданскаго права, благодаря свойствамъ нашего законодательства и уровню юридическаго образованія мировыхъ судей, представляетъ такія серьезныя затрудненія, что облегченіе этого затрудненія возможно только чрезъ привлеченіе къ участію въ разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ болѣе способныхъ для этой цѣли силъ. Хотя прокурорскій надзоръ, по назначенію своей дѣятельности, и не обладаетъ всѣмъ запасомъ практическихъ свѣденій по гражданскому законовѣденію, но обладая теоретическимъ образованіемъ, онъ уже съ этой стороны имѣетъ всѣ преимущества полезнаго вліянія на рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ будучи призванъ къ участію въ гражданскихъ дѣлахъ, прокурорскій надзоръ силою вещей пріобрѣтетъ и практическія свѣденія. И тогда конечно внесетъ въ рѣшенія съѣздовъ мировыхъ судей все чего въ нихъ не достаетъ т. е. умѣнье обращаться съ гражданскимъ закономъ, подойти къ нему для истолкованія, отыскать его логическое основаніе въ связи съ общими историческими и теоретическими началами ученія о данномъ родѣ гражданскихъ отношеній, воспользоваться руководствомъ Касс. Сената и все это примѣнить къ дѣлу. Такое участіе прокурорскаго надзора въ гражданскихъ дѣлахъ съѣздовъ мировыхъ судей не только благотворно вліяло бы на са-

мое существо рѣшеній и на установленіе наиболѣе правильныхъ гражданскихъ отношеній въ самой многочисленной сферѣ населенія нуждающейся въ мировомъ правосудіи, но способствовало бы и усовершенствованію и юридическому образованію самихъ мировыхъ судей.

Что же касается до практики гражданск. Касс. Департамента Прав. Сената, то ея руководительство не можетъ принести всей той пользы, для мировыхъ судей, какую она приноситъ суду коронныхъ судей и юристовъ. Для того, чтобы извлечь пользу для дѣла изъ практики Кассаціоннаго Сената для этого необходимо постоянное изученіе Касс. рѣшеній или обстоятельное изученіе такихъ серьезныхъ сборниковъ и сводовъ какъ сводъ Думашевскаго. Между тѣмъ какъ масса Граж. Касс. рѣшеній для изученія требуетъ и времени и подготовки, мировые судьи должны отвлекаться на занятіе уголовными дѣлами. Такимъ образомъ дѣятельность ихъ необходимо раздвоется, не оставляя достаточно времени для изученія гражданскаго права.

Извѣстно, что даже въ окружныхъ судахъ 4 разряда гражданская практика значительно слабѣе судовъ высшихъ разрядовъ, именно потому что въ судахъ 4-го разряда не существуетъ спеціальныхъ гражданскихъ отдѣленій.

Но кромѣ самого свойства гражданскаго права и трудностей его изученія общественное положеніе мировыхъ судей также играетъ свою роль въ дѣлѣ юридическаго самообразованія мировыхъ судей.

Мировые Судьи не суть тѣ присяжные коронные судьи чиновники, вся дѣятельность которыхъ сосредоточивается въ службѣ. Мировые судьи суть только общественные дѣятели, выбранные на срокъ. Поэтому они не могутъ разорвать своей связи съ тѣмъ положеніемъ откуда ихъ вывела служба. Въ ихъ частныхъ, хозяйственныхъ дѣлахъ все таки заключается главная сила ихъ положенія. Это-то обстоятельство и не благопріятствуетъ той усидчивости и всестороннему изученію, которыя необходимы для гражданской судебной практики.

Такимъ образомъ польза и необходимость участія прокурорскаго надзора въ гражданскихъ дѣлахъ съѣздовъ мировыхъ судей по нашему мнѣнію не можетъ быть оспариваема. Но намъ могутъ возразить, что подобное широкое участіе прокуратуры въ гражданскихъ дѣлахъ несовмѣстно съ началами учрежденія прокурорскаго надзора и что раздвоеніе характера дѣятельности про-

курорскаго надзора по гражданскимъ дѣламъ въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ нарушаетъ начала единства отношенія прокуратуры къ суду вообще.

Прежде всего въ указываемой нами мѣрѣ распространенія прокурорскихъ заключеній на всѣ гражданскія дѣла мировыхъ съѣздовъ можно усмотрѣть только кажущееся нарушеніе основнаго начала учрежденія прокурорскаго надзора. Если бы прокурорскій надзоръ былъ основанъ на началѣ охраненія законовъ только въ сферѣ общаго, публичнаго права,—то тогда предъявленіе заключеній по какимъ бы то ни было дѣламъ частнаго права не должно имѣть мѣста. Но по нашимъ уставамъ судебнымъ и не присвоено прокурорскому надзору такого исключительного назначенія, ибо согласно 343 и 179 ст. учр. суд., онъ привлекается къ участію и въ гражданскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ по поводу предлагаемой нами мѣры вопросъ сводится только къ расширенію круга дѣятельности прокуратуры по гражданскимъ дѣламъ,—что, конечно, не составляетъ никакого посягательства на основное начало учрежденія прокурорскаго надзора, и безъ того присвоеннаго назначенію прокурорской дѣятельности; что же касается до того, что участіе прокурорскаго надзора въ гражданскихъ дѣлахъ ограничивается лишь тѣми изъ нихъ въ коихъ затрогиваются интересы имѣющіе общественное значеніе, то едвали во всѣхъ другихъ гражданскихъ дѣлахъ нельзя не усмотрѣть общественнаго значенія по скольку правосудіе по этимъ дѣламъ нуждается въ охраненіи закона, со стороны своей правильности. Вѣдь предъявляютъ же прокуроры въ съѣздахъ мировыхъ судей свои заключенія по дѣламъ частно-уголовнымъ, несмотря на то что законодатель не усматриваетъ въ нихъ никакого общественнаго значенія, предоставивъ веденіе ихъ лицамъ потерпѣвшимъ. Очевидно, что законодатель, стремясь къ возможно точному проведенію основнаго начала учрежденія прокуратуры не игнорировалъ и начала пользы которую ея участіе можетъ принести правосудію. И такъ какъ дѣятельность прокуратуры въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ кромѣ надзора основана очевидно и на началѣ вспомоществованія правосудію, то при возникшемъ поводѣ и необходимости къ расширенію этого вспомоществованія о какихъ либо нарушеніяхъ основныхъ началъ и рѣчи быть не можетъ.

III.

Законы, коими установляется по суд. уставамъ система правъ и обязанностей прокуратуры въ области слѣдственной, не многочисленны. Они заключаются въ 250, 252, 278—287, 510—514 517, 518, 519 и 524 ст. уст. угол. суд. Если мы указанныя статьи закона распредѣлимъ по группамъ, то окажется, что статьи отъ 510 и послѣдующія опредѣляютъ права и обязанности прокуратуры собственно въ отношеніи слѣдствій оконченныхъ и вышедшихъ уже изъ рукъ слѣдственныхъ дѣятелей. Статьи эти опредѣляютъ порядокъ разсмотрѣнія и направленія слѣдствій по ихъ окончаніи. Область же руководительства и наблюденія за самымъ производствомъ слѣдствій еще тѣснѣе съужпвается въ остальныхъ, изъ числа приведенныхъ немногихъ статей уст. угол. суд., но и изъ числа этихъ статей нѣкоторыя, а именно 283—285 ст. относятся спеціально только къ одному слѣдственному дѣйствію, заключающемуся въ принятіи мѣръ обезпеченія явки обвиняемаго къ слѣдствію и суду. Такимъ образомъ лишь въ статьяхъ уст. уг. суд. излагается система правъ и обязанностей прокуратуры въ области самаго производства изслѣдованія преступленій.

Чѣмъ объяснить эту численную ограниченность законныхъ опредѣленій и нормъ, коими установляется цѣлая система правъ и обязанностей прокуратуры въ такой важной области какою является предварительное изслѣдованіе преступленій, составляющее точку отправленія всего уголовнаго процесса. Нѣкоторые объясняютъ это неполнотою законодательства объ этомъ предметѣ. Другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что система правъ и обязанностей прокуратуры въ области слѣдственной построена по нашимъ уставамъ, не на началахъ того широкаго и непосредственнаго участія прокуратуры въ слѣдствіи, которое дѣлало бы его существеннѣйшимъ органомъ вспомоществованія и наблюденія. Поэтому законодатель опредѣливъ систему правъ и обязанностей прокуратуры въ разсматриваемой области въ своихъ немногихъ статьяхъ уст. угол. суд., въ сущности только точно выразилъ то чего желалъ отъ дѣятельности прокуратуры. По мнѣнію такихъ толкователей закона центръ тяжести дѣятельности прокуратуры въ области слѣдственной лежитъ собственно за предѣлами самаго производства предвар. слѣдствія. Только по окончаніи

слѣдствія и поступленія его къ прокуратурѣ, послѣдняя вступаетъ въ свои права разсмотрѣнія и обсужденія степени полноты слѣдственнаго матеріала. Тогда же прокуратура, сообразно съ результатами своего разсмотрѣнія, или направляетъ слѣдственное производство по 518 ст., или возвращаетъ его къ дополненію съ точнымъ указаніемъ обстоятельствъ подлежащихъ дослѣдованію. Въ этомъ именно смыслѣ надлежитъ понимать и ст. 281 и 286. Относительно же опредѣленія, изложеннаго въ ст. 280 наши толкователи закона утверждаютъ, что оно незаключаетъ въ себѣ прямого предписанія закона о присутствованіи прокуратуры при самомъ производствѣ предварит. слѣдствія. Статья 280 предоставляетъ прокуратурѣ лишь право, которое имѣетъ своимъ основаніемъ тѣ исключительные случаи когда прокуратура можетъ признать полезнымъ для дѣла предварительное разсмотрѣніе слѣдственнаго производства до его окончанія, а также и присутствованіе при тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, по разсматриваемому мнѣнію, существенная часть опредѣленія статьи 280 заключается собственно въ томъ, что прокуратурѣ воспрещается требовать къ себѣ слѣдственное производство до его окончанія и тѣмъ останавливать ходъ его. Но этимъ не исчерпывается аргументація разсматриваемаго мнѣнія. Въ подкрѣпленіе усвоеннаго имъ пониманія существа правъ и обязанностей прокуратуры въ области слѣдственной, обыкновенно ссылаются и на личный составъ прокуратуры и утверждаютъ что если допустить наблюденіе прокуратуры за самымъ производствомъ предварит. слѣдствія и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, то пришлось бы увеличить личный составъ ея чуть ли не вдвое и ввѣрить надзору прокуратуры не по два и по три уѣзда округа, какъ это дѣлается теперь, а по меньшей мѣрѣ по одному уѣзду, и то если онъ имѣетъ не болѣе двухъ слѣдственныхъ участковъ. Очевидно, что существующій, сравнительно небольшой личный составъ прокуратуры разсчитанъ только на то, чтобы успѣвать направлять оконченныя слѣдователями производства и присутствовать въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ. Таковы существующія въ практикѣ мнѣнія о правахъ и обязанностяхъ прокуратуры въ области слѣдственной. Послѣднее изъ приведенныхъ нами мнѣній, сколько намъ извѣстно, господствуетъ въ провинціальной прокуратурѣ, усвоенное какъ догматъ, мнѣніе это опредѣляетъ и весь характеръ дѣятельности провинціальной прокуратуры въ разсматриваемой обла-

сти. Не трудно предвидѣть и практическіе результаты указаннаго пониманія существа правъ и обязанностей прокуратуры. Установленіе начала внѣшняго и формальнаго отношенія прокуратуры къ предварит. слѣдствію, конечно, не можетъ дать обильныхъ результатовъ, въ смыслѣ благопріятномъ для успѣховъ слѣдственной дѣятельности. Это можетъ быть выгодно лишь для бездѣятельности и канцеляризма, охватившихъ все направленіе провинціальной прокуратуры, ибо имъ создается весьма надежный оплотъ, чтобы укрываться отъ справедливыхъ нареканій на неудовлетворительность слѣдственной части. Здѣсь, какъ и во всемъ строѣ дѣятельности прокуратуры провинціальной, степень ея уклоненія отъ истинныхъ началъ своего назначенія обусловливается тѣмъ характеромъ вліянія и руководительства высшей прокуратуры, о которыхъ мы говорили выше.

Въ своихъ замѣткахъ *объ условіяхъ слѣдственной дѣятельности въ провинціи* мы имѣли уже случай высказать нѣкоторыя замѣчанія о ненормальности отношеній прокуратуры къ предварит. слѣдствію. Тогда мы высказали... „при всей неблагопріятности условій, въ которыя стала слѣдственная дѣятельность въ самомъ началѣ, нельзя отрицать, что въ самомъ устройствѣ судебной организаціи, въ отношеніяхъ слѣдователей къ окружному суду и прокурорскому надзору заключается столько средствъ, въ силу закона, для вліянія на успѣхи слѣдственной дѣятельности, что правильное и дѣятельное употребленіе ихъ со стороны указанныхъ властей могли бы облегчить и условія слѣдственной дѣятельности и способствовать поднятію общественнаго положенія слѣдственныхъ дѣятелей. Но нельзя не сознаться, что этой то поддержки и этого то содѣйствія, во многихъ случаяхъ, ни со стороны окружнаго суда, ни со стороны прокурорскаго надзора не было". *)

Думается намъ, что достаточно сослаться на вышеприведенное ученіе нашихъ практиковъ провинціальныхъ о правахъ и обязанностяхъ прокуратуры въ слѣдственной области, чтобы найти болѣе или менѣе вѣское подкрѣпленіе высказаннымъ нами въ 1873 году мыслямъ. Но мы попытаемся, здѣсь, войти въ болѣе подробное и ближайшее разсмотрѣніе дѣятельности провинціальной прокуратуры въ слѣдственной области. Прежде же

---

*) Суд. Жур. Кн. V стр. 10, 1873 года.

всего постараемся установить по возможности, точный разумъ закона „*о существѣ обязанностей и степени власти*“ прокуратуры въ разсматриваемой области.

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что вообще дѣятельность прокурорскаго надзора въ области слѣдственной имѣетъ, по преимуществу, характеръ наблюдательный и руководящій. Въ этомъ своемъ качествѣ, дѣятельность прокуратуры безспорно является не только весьма важной, сообразно значенію самой слѣдственной дѣятельности въ уголовномъ процессѣ, но и весьма сложной.

Наши судебные уставы дѣйствительно не отличаются многочисленностью своихъ опредѣленій относительно назначенія прокуратуры въ слѣдственной области. Но, тѣмъ не менѣе, наши судебные уставы, по нашему мнѣнію, вполнѣ чужды тому канцеляризму въ отношеніяхъ прокуратуры къ слѣдствію, который усматривается и признается въ ученіи нашихъ провинціальныхъ практиковъ. Построенная на началѣ широкого *наблюденія* и *руководительства*, дѣятельность прокуратуры, въ разсматриваемой области, и не можетъ быть опредѣляема наиболѣе подробными правилами. Здѣсь достаточно очертить общій характеръ полномочій прокуратуры и предѣлы, за которыми проявленія ея руководящей и наблюдательной дѣятельности уже не соотвѣтствуютъ началамъ, усвоеннымъ законодателемъ въ ученіи объ изслѣдованіи преступленій. Иначе быть не можетъ. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о руководительствѣ и наблюденіи, содержаніе руководительства и размѣры наблюденія, вообще, опредѣляются сами собою основными началами, на коихъ построена руководимая и наблюдаемая область и задачами, къ разрѣшенію коихъ стремится дѣятельность въ этой области. Такимъ образомъ если въ томъ отдѣлѣ судебныхъ уставовъ, въ коемъ сгруппированы статьи о правахъ и обязанностяхъ прокуратуры, мы находимъ немного такихъ статей, то, конечно, изъ этого еще далеко до заключенія о неполнотѣ законодательства по разсматриваемому предмету. Что же касается до самого разума законовъ, опредѣляющихъ, какъ мѣтко выразился законодатель, „*существо обязанностей* и *степень власти*“ прокуратуры, то онъ, по нашему мнѣнію, познается только при совмѣстномъ обсужденіи съ законами объ изслѣдованіи преступленій вообще и предварительнаго слѣдствія въ особенности.

Въ ученіе объ изслѣдованіи преступленій, какъ извѣстно, входятъ два момента: моментъ предварительнаго изслѣдованія со-

бытія преступленія,—дознаніе и предварительное слѣдствіе въ тѣсномъ смыслѣ. По судебнымъ уставамъ въ области дознанія дѣйствуетъ полиція (общая и сельская) и другіе органы, съ правами и обязанностями полиціи. На основаніи 279 ст. полиція, по производству дознаній, состоитъ въ непосредственной зависимости отъ прокурорскаго надзора. Установленіе этой зависимости органовъ дознанія отъ прокурорскаго надзора, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что, по мысли законодателя, сфера дѣятельности прокуратуры въ области слѣдственной не ограничивается исключительно предварит. слѣдствіемъ, но распространяется и на дознаніе. При этомъ такая подчиненность органовъ дознанія прокурорскому надзору, которая не существуетъ между слѣдователями и прокуратурою, не можетъ не указывать и на то, что характеръ участія прокуратуры въ этой области вообще долженъ быть отличенъ отъ характера участія ея собственно въ предварит. слѣдствіи. Очевидно, что въ дознаніи участіе прокуратуры имѣетъ характеръ болѣе властный (493 ст.), а потому и наиболѣе непосредственный, вполнѣ соотвѣтствующій назначенію прокуратуры какъ власти обвинительной. Дознаніе, какъ первый актъ въ ходѣ уголовнаго процесса, предшествуетъ предварительному слѣдствію. Оно стоитъ въ наиболѣе тѣсномъ ближайшемъ, по времени, отношеніи къ самому событію преступленія. Приступая къ изслѣдованію преступленія, дознаніе застаетъ его въ самыя ближайшіе моменты по совершеніи. Здѣсь важнѣйшимъ условіемъ успѣха изслѣдованія является именно быстрота и цѣлесообразность дѣйствій, направленныхъ къ сохраненію самыхъ свѣжихъ слѣдовъ преступленія и затѣмъ розыскъ, направленный къ обнаруженію виновныхъ и воспрепятствованіе имъ воспользоваться временемъ къ сокрытію или уничтоженію вещественныхъ уликъ ихъ виновности. Цѣли, которыя преслѣдуетъ дознаніе, не обусловливаютъ установленія какихъ либо твердыхъ правилъ въ порядкѣ его производства,—правилъ съ коими соединяются извѣстныя формы и обряды, какъ это установлено для предварительныхъ слѣдствій. Въ законѣ способъ производства дознаній характерно опредѣленъ въ ст. 254. Ясно, что такая дѣятельность, въ успѣхѣ своемъ, обусловлена даже и не одною быстротою дѣйствій, но и умѣньемъ предугадывать и дѣлать правильные, согласные съ мельчайшими подробностями обстоятельствъ дѣла,—выводы и заключенія. Ясно также и то, что такая дѣятельность не можетъ оставаться безъ руководительства

опытнаго и просвѣщеннаго. Прокурорскій надзоръ и есть такой руководитель. Далѣе—страстность, свойственная энергіи преслѣдованія и розыску, въ видахъ охраненія неприкосновенности свободы и спокойствія гражданъ, также нуждается въ сдерживающей ея порывы власти и надзорѣ, тѣмъ болѣе, что эта же страстность часто препятствуетъ всестороннему и объективному обсужденію дѣла. Наконецъ дѣятельность дознанія, по свойству даннаго случая, можетъ раздѣлиться между нѣсколькими органами и раскинуться на обширномъ пространствѣ. Объединеніе ея и направленіе въ общихъ цѣляхъ изслѣдованія также является дѣломъ большой важности. Все это не можетъ не указывать на то, что въ краткомъ по своему буквальному содержанію опредѣленіи ст. 279 заключается чрезвычайно важное указаніе на назначеніе прокуратуры въ области дознанія. Затѣмъ дѣлается вполнѣ объяснимымъ и смыслъ той власти, которая принадлежитъ прокуратурѣ надъ органами дознанія (485 ст.). Власть эта принадлежитъ прокуратурѣ, какъ высшему органу дѣятельности дознанія. По сему какъ чины полиціи, по назначенію своему въ слѣдственной области, суть органы вспомоществующіе, такое же назначеніе, прежде всего, принадлежитъ и прокуратурѣ. Въ этомъ своемъ качествѣ прокуратура должна нести на себѣ едвали не большую долю отвѣтственности, чѣмъ чины полиціи за неуспѣшный ходъ слѣдственной дѣятельности, по скольку послѣдній обусловленъ неудовлетворительностью вспомоществующей дѣятельности, вслѣдствіе недостатка со стороны прокуратуры вліянія. Правда, при всей ясности и простотѣ построенія, по закону, отношеній прокуратуры къ полиціи, какъ органу дознанія, полное осуществленіе началъ, положенныхъ въ основаніе такого построенія, въ практикѣ встрѣчаетъ иногда важныя препятствія, со стороны прямаго и непосредственнаго начальства полиціи. Но нельзя непризнать, что солидарность членовъ самой прокуратуры взаимная поддержка, энергія и настойчивасть во всемъ что составляетъ сферу строго законныхъ дѣйствій и требованій, при содѣйствіи правительствующаго сената—всегда могутъ доставить желаемые результаты въ дѣлѣ устраненія препятствій къ правильному и полному осуществленію прокуратурою и полиціею своего назначенія въ слѣдственной области.

Что касается до способовъ, указанныхъ въ самомъ законѣ, съ помощью коихъ прокуратура можетъ и должна сосредоточивать въ своихъ рукахъ дѣятельность дознанія, то они заклю-

чаются въ слѣдующемъ. По ст. 250 полиція не позже сутокъ обязывается доводить до свѣденія судебнаго слѣдователя и прокуратуры о каждомъ обнаруженномъ въ ея вѣдомствѣ преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ установленіямъ. Такимъ образомъ въ рукахъ прокуратуры сосредоточиваются самыя первыя свѣдѣнія о преступленіи. Едвали можно допустить, что въ предписаніи 250 ст. законодатель имѣлъ въ виду одно только «*свѣдѣніе*» прокуратуры о преступленіи. Очевидно, что по мысли закона это «*свѣдѣніе*» должно служить поводомъ для дѣятельности т. е. немедленному принятію участія въ наблюденіи и управленіи розыскомъ и дознаніемъ. Такое заключеніе подтверждается и ст. 252, предусматривающей случай ненахожденія на мѣстѣ лица прокурорскаго надзора или судебнаго слѣдователя, когда полиціи, въ силу самого закона, вмѣняется производство дознанія. Несомнѣнно, что нахожденіе на мѣстѣ лица прокурорскаго надзора ставитъ полицію въ безусловную зависимость въ ея дѣйствіяхъ по дознанію отъ усмотрѣнія и распоряженія прокуратуры. Въ случаѣ же нахожденія на мѣстѣ судебнаго слѣдователя, полиція, передавъ ему первыя свѣденія о преступленіи, можетъ дѣйствовать цѣлесообразно съ интересами изслѣдованія лишь въ томъ случаѣ, когда ея дознательная дѣятельность будетъ связана и истекать изъ данныхъ производимаго слѣдствія. Прокуратура поставленная въ ближайшія отношенія и къ предварительному слѣдствію и облеченная властью преслѣдованія и есть тотъ живой и ближайшій источникъ, изъ котораго полиція, въ интересахъ преслѣдованія, и можетъ черпать всѣ нужныя указанія и свѣдѣнія о дальнѣйшемъ направленіи своей дознательной и розыскной дѣятельности.

Такимъ образомъ оказывается, что не одна 279 ст. (какъ ни богато ея содержаніе) ставитъ прокуратуру въ непосредственное отношеніе къ дознанію, но и ст. 250 и 252. Къ сожалѣнію для провинціальной прокуратуры эта часть «*существа обязанностей*» ея, въ большинствѣ случаевъ, остается мертвою буквою закона. Если и приходится, иногда, усматривать въ дѣятельности прокуратуры нѣкоторые признаки жизни разсматриваемыхъ законовъ, то только по отношенію «*степени власти,*» а не существа обязанностей. Для провинціальной прокуратуры несоблюденіе 250 ст. и сопряженнаго съ нею начала участія прокуратуры въ управленіи дознаніемъ (279 и 252 ст.) сдѣлалось столь обыденнымъ явленіемъ, что, по справедливости, можно сказать,

что существованіе въ суд. уставахъ означенныхъ законовъ является какимъ-то анахронизмомъ. При томъ ученіи объ участіи прокуратуры въ слѣдственной области, которое усвоено провинціальною прокуратурою и о которомъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ и при тѣхъ порядкахъ, которые вошли въ правила дѣятельности провинціальной прокуратуры, — другихъ послѣдствій и ожидать невозможно. Перейдемъ къ изложенію этихъ порядковъ. Безспорно, что съ вопросомъ объ участіи прокуратуры въ дознаніи тѣсно связанъ вопросъ о распредѣленіи чиновъ прокуратуры по округу. Для того, чтобы прокуратура была въ возможности осуществить свое назначеніе въ отношеніи дознанія, она должна находиться въ возможно близкомъ разстояніи отъ подвѣдомственнаго ей района. Извѣстно, что между чинами прокурорскаго надзора судебные округи раздѣляются на участки, сообразно общему количеству членовъ прокуратуры, состоящей при каждомъ судебномъ установленіи. При такомъ раздѣленіи, обыкновенно, на каждаго товарища прокурора окружнаго суда, приходится примѣрно по 2 сосѣднихъ уѣзда; за исключеніемъ губернскаго города, если послѣдній входитъ въ округъ; губернскій городъ одинъ, безъ уѣзда, часто составляетъ самостоятельный прокурорскій участокъ. Казалось бы трудно придумать какое либо серьезное возраженіе противъ того, что съ такимъ раздѣленіемъ силъ прокуратуры необходимо связано и нахожденіе представителей ея въ своихъ участкахъ, подобно тому какъ трудно опровергнуть необходимость нахожденія слѣдователей, становыхъ приставовъ въ своихъ участкахъ или волостныхъ старшинъ въ своихъ волостяхъ и т. д. Провинціальная прокуратура, въ своей практикѣ, идетъ прямо въ разрѣзъ съ очевидными требованіями служебной необходимости, обыкновенно товарищи прокурора не живутъ въ своихъ участкахъ. Всѣ они находятся въ мѣстѣ нахожденія окружнаго суда и отсюда управляютъ слѣдственною дѣятельностью своего участка.

Всѣмъ извѣстны разстоянія и другія условія передвиженія и сношенія существующія въ нашихъ провинціяхъ между центромъ и окружностью. Нечего говорить поэтому и объ очевидной невозможности для прокуратуры непосредственнаго и постояннаго участія въ дѣятельности слѣдственной. Но нельзя не замѣтить, что даже своевременное полученіе извѣщеній о преступленіяхъ (250 ст.) въ виду указанныхъ условій, является лишь отраднымъ исключеніемъ. Полиція все это очень хорошо поняла и

сама, въ большинствѣ случаевъ, установила для себя правиломъ несоблюдать 250 ст. въ замѣнъ же этой статьи (если ужь нужно соблюдать что нибудь) практиковать 254 ст. Если же и случается встрѣчать исполненіе 250 ст., то оно обыкновенно дѣлается лишь въ видахъ «*очистки формальности*» и пишется извѣщеніе далеко не въ установленный 250 ст. срокъ, хотя и помѣчается требуемымъ числомъ. Что же касается до содержанія такихъ извѣщеній, то само собою разумѣется, что они не отличаются ни точностью описанія событія преступленія, ни полнотою изложенія обнаруженныхъ обстоятельствъ. Цѣли, ради которой пишутся эти извѣщенія о преступленіи, вполнѣ соотвѣтствуетъ указанный характеръ ихъ. И такъ полиція 250 ст. въ точности не исполняетъ; прокуроровъ на мѣстѣ никогда не оказывается, а потому полиція въ отношеніи прокуратуры всегда находится въ условіяхъ 252 ст. т. е. въ условіяхъ совершенной безконтрольности и внѣ всякаго руководительства въ томъ важнѣйшемъ моментѣ изслѣдованія, отъ коего часто зависитъ вся судьба предварительнаго слѣдствія. Но что же дѣлаютъ прокуроры съ полицейскими извѣщеніями о преступленіяхъ, когда таковыя полиціею посылаются и съ донесеніями, предписанными 254 ст. Въ способѣ употребленія такихъ извѣщеній и донесеній неусматривается совершеннаго однообразія. Конечно въ большинствѣ случаевъ съ названными бумагами не дѣлается никакого употребленія. На нихъ даже и не обращаютъ вниманія и не читаютъ; въ нарядахъ они также не хранятся; если же ихъ записываютъ во входящую книгу съ отмѣткою: «къ свѣденію», то развѣ только для счета входящихъ бумагъ; записи же и отмѣтки дѣлаются письмоводителями. Такимъ образомъ наши наблюдатели и руководители дознаніемъ и розыскомъ часто даже не знаютъ что дѣлается въ участкѣ. Но практика знаетъ и другой способъ употребленія названныхъ полицейскихъ бумагъ. Само собою разумѣется, что не о поѣздкахъ на мѣсто изслѣдованія или какихъ либо письменныхъ распоряженіяхъ по дознанію здѣсь идетъ рѣчь. Ни та, ни другая не представляются нужными по мнѣнію провинціальной прокуратуры, да они и не представляются цѣлесообразными и своевременными. Здѣсь идетъ рѣчь о простомъ канцелярскомъ порядкѣ. Такъ,—нѣкоторые чины прокуратуры сообщенія полиціи по 250 ст. заносятъ въ настольный реэстръ, какъ дѣло и затѣмъ „*изъ своего далека*“ ожидаютъ перехода дознанія къ судебному слѣдователю т. е. донесе-

нія полиціи по 254 ст.; о чемъ также отмѣчается въ настольномъ, куда записывается, затѣмъ, и самое дѣло, если оно поступаетъ въ прокуратуру отъ судебнаго слѣдователя, если же дѣло переходитъ въ другой судъ или вѣдомство, то объ этомъ также отмѣчается.

Такой порядокъ употребленія указанныхъ бумагъ, безспорно, весьма удобенъ для канцелярскаго надзора за переходами дѣлъ. Равнымъ образомъ порядокъ этотъ удобенъ и въ томъ отношеніи, что даетъ возможность нагляднаго обозрѣнія движенія слѣдственныхъ производствъ, посредствомъ простаго перелистыванія настольнаго. Такой порядокъ, безспорно, весьма удобенъ и для вошедшихъ въ моду за послѣднее время летучихъ ревизій заѣзжихъ министерскихъ ревизоровъ; но, конечно, онъ ничего не вноситъ въ дѣло дѣйствительнаго надзора прокуратуры и управленія дознаніемъ. Но нельзя не замѣтить, что и для канцелярскаго надзора указанный порядокъ невсегда дѣйствителенъ, ибо вполнѣ зависитъ отъ точнаго исполненія полиціею ст. 250 и 254.

Обыкновенно указанный порядокъ установляется тѣми изъ чиновъ провинціальной прокуратуры, которые охотно пользуются „*степенью власти*“ своей, такъ какъ, съ помощью отмѣтокъ о движеніи дѣла, они нерѣдко „*изъ своего далека*“ разсылаютъ грозныя понужденія и подтвержденія полиціи и слѣдователямъ.

Въ такомъ видѣ проявляется руководящая и наблюдательная дѣятельность провинціальной прокуратуры въ области дознанія и розыска.

Сторонники существующаго порядка утверждаютъ, что въ ряду преступленій, составляющихъ обыденной предметъ дознанія неважныя кражи, суть наиболѣе господствующій видъ проявленія преступной дѣятельности. Для изслѣдованія подобныхъ преступленій вовсе не требуется того непосредственнаго надзора и участія прокуратуры, о которыхъ мы говоримъ. Важныя преступленія совершаются сравнительно рѣдко, но тогда представители прокуратуры могутъ отправляться на мѣсто изслѣдованія. Съ другой же стороны представляется неменѣе важнымъ сосредоточеніе прокуратуры въ одномъ мѣстѣ, въ виду многочисленности занятій ея при окружномъ судѣ и въ губернскихъ присутствіяхъ по городскимъ и крестьянскимъ дѣламъ, въ губернскомъ правленіи и въ присутствіи по воинской повинности. Несостоятельность такихъ объясненій явного упущенія проку-

ратуры провинціальной въ дѣлѣ дознанія, едвали не очевидна уже по одному тому, что объясненія эти, главнѣйшимъ образомъ, преслѣдуютъ удобства и облегченія дѣятельности самой прокуратуры, забывая, что нельзя же изъ за этого оставлять безъ осуществленія цѣлую область прямого назначенія прокуратуры. Но какія же такія эти многочисленныя занятія прокуратуры въ мѣстѣ нахожденія окружныхъ судовъ,—занятія, требующія отвлеченія большаго числа чиновъ прокуратуры?

Занятія суда, требующія участія прокуратуры, проявляются: въ судебныхъ (по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ), распорядительныхъ и экзаменаціонныхъ засѣданіяхъ, и въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда. Обыкновенно одновременныя засѣданія суда происходятъ только по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Въ этихъ случаяхъ можетъ встрѣтиться надобность не болѣе какъ въ двухъ представителяхъ прокуратуры. Въ рѣдкихъ случаяхъ одновременно съ этими засѣданіями суда происходятъ засѣданія распорядительныя или экзаменаціонныя. Тогда требуется еще одинъ представитель прокуратуры. Таковы ординарные порядки занятій самыхъ большихъ провинціальныхъ судовъ. Въ большихъ судахъ прокуроры постоянно прикомандировываютъ одного изъ своихъ товарищей къ камерѣ, и этотъ „*камерный*“ обыкновенно освобождается отъ участка; затѣмъ городской товарищъ прокурора, какъ неимѣющій разъѣздовъ также, по справедливости, можетъ утилизироваться для занятій въ окружномъ судѣ и въ центральныхъ административныхъ управленіяхъ, въ коихъ требуется участіе прокуратуры. Кромѣ того гражданскихъ дѣлъ подлежащихъ заключенію прокуратуры вообще немного. При этомъ, по установившемуся правилу, такія дѣла слушаются прежде другихъ и такимъ образомъ засѣдавшій въ гражданскомъ отдѣленіи суда представитель прокуратуры весьма рано освобождается и потому всегда можетъ участвовать въ другихъ засѣданіяхъ, не требующихъ особой подготовки, каковыми и являются экзаменаціонныя засѣданія и засѣданія центральныхъ административныхъ управленій, которыя однако бываютъ не часто. Спрашивается для какой же особенно важной цѣли находятся въ метрополіи всѣ другіе представители прокуратуры? Говорятъ что для трехъ представителей прокуратуры всѣ указанныя занятія весьма затруднительны. Но на такое замѣчаніе можно отвѣчать только однимъ совѣтомъ: не идти въ прокурорскій надзоръ.

Между тѣмъ, если даже согласиться на минуту съ тѣмъ, что присутствіе и участіе прокуратуры въ дознаніи необходимо только въ преступленіяхъ особенно важныхъ, то и тогда окажется, что для выполненія назначенія прокуратуры и въ этихъ случаяхъ совершенно произвольно создаются невполнѣ благопріятныя условія, чѣмъ тѣ, которыя представляетъ жительство чиновъ прокуратуры въ участкахъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что помимо весьма возможныхъ случаевъ промедленія въ полученіи извѣщенія полиціи о преступленіи и несвоевременнаго прибытія на мѣсто изслѣдованія, случайное участіе прокуратуры въ надзорѣ и управленіи дознаніемъ и розыскомъ нисколько не гарантируетъ успѣхъ преслѣдованія. Кромѣ многихъ другихъ условій, успѣхъ изслѣдованія зависитъ и отъ ближайшаго знакомства часто съ мелкими чертами мѣстной жизни, съ тѣмъ, что составляетъ всю глубину быта данной мѣстности. Прокуроръ не живущій въ участкѣ, постоянно стремящійся возвратиться въ метрополію, наконецъ даже и недостаточно привыкшій къ дѣлу, для котораго прибылъ изъ метрополіи, въ силу всего этого не можетъ стоять на высотѣ вполнѣ самостоятельнаго руководительства и обсужденія правильности предположеній о заключеній чиновъ полиціи, основанныхъ именно на близкомъ и всестороннемъ знакомствѣ ея съ бытомъ и населеніемъ мѣстности. Полагаться же на чиновъ полиціи, особливо въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ, едва ли основательно уже по одному тому, что полиція невсегда свободна отъ различныхъ мѣстныхъ вліяній и разсчетовъ, которые, безъ сомнѣнія, чужды прокуратурѣ, благодаря ея высокому положенію и въ іерархіи служебной и въ обществѣ.

Но мы лишь фиктивно согласились съ мнѣніемъ только что разсмотрѣннымъ нами. Мы утверждаемъ, что надзоръ и руководительство прокуратуры въ дознаніи необходимы безъ всякаго различія рода преступленій и степени важности дѣла. Таково предписаніе закона. Что же касается до того, что въ обыденныхъ дѣлахъ, по простотѣ пріемовъ изслѣдованія, по несложности обстановки, при которой совершаются такія преступленія и по другимъ причинамъ, полиція и не нуждается въ руководительствѣ прокуратуры, то по этому поводу мы замѣтимъ слѣдующее. Простота пріемовъ, несложность обстановки и проч. безспорно, значительно облегчаютъ успѣхъ изслѣдованія. Казалось бы, что все это и приводитъ къ самымъ блестящимъ ре-

зультатамъ въ дѣлѣ обнаруженія виновныхъ. Для интересовъ же правосудія одинаково существенно обнаруженіе виновныхъ во всякихъ преступленіяхъ, важныхъ и неважныхъ. Между тѣмъ въ этихъ-то обыденныхъ преступленіяхъ, для которыхъ примѣняются простые пріемы изслѣдованія и которыя совершаются при несложной обстановкѣ,—въ этихъ-то преступленіяхъ, какъ оказывается изъ практики, чаще всего и не обнаруживаются виновные «*за всѣми принятыми мѣрами*» какъ обыкновенно пишется въ полицейскихъ дознаніяхъ, а затѣмъ эта же фраза переходитъ и въ постановленіе слѣдователя о направленіи дѣла по 277 ст. Едвали можно основательно опровергнуть наше заключеніе о томъ, что если при всей несложности обстановки совершенія обыденныхъ преступленій, виновные въ нихъ не обнаруживаются, то только потому что *простые пріемы изслѣдованія* не всегда примѣняются полиціею. Не примѣняются же эти пріемы (хотя они и простые) потому, что за примѣненіемъ ихъ не слѣдитъ прокурорскій надзоръ.

Въ своемъ устройствѣ полиція имѣетъ всѣ условія для успѣшной слѣдственной дѣятельности. *) Организованная по системѣ іерархической подчиненности, развѣтвляющейся до мельчайшихъ территоріальныхъ единицъ, въ видѣ сельскихъ старостъ, сотскихъ и т. д. полиція если нуждается въ чемъ, то именно въ надзорѣ и руководительствѣ. Власть, начальствующая надъ полиціею, и не заинтересована и лишена права руководительства въ той сторонѣ ея дѣятельности, которая подчинена прокуратурѣ. Между тѣмъ въ дѣлѣ дознанія, въ виду извѣстнаго нравственнаго и умственнаго уровня органовъ полицейскихъ, надзоръ и настоянія суть тѣ дѣйствительныя мѣры, которыя вполнѣ достаточны для того чтобы поднять вообще уровень полицейской дѣятельности въ области слѣдственной. Такимъ образомъ если по простотѣ пріемовъ изслѣдованія, въ обыденныхъ преступленіяхъ, полиція и не нуждается въ руководительствѣ прокурорскомъ, то она положительно нуждается въ надзорѣ. Вѣдь не существованіемъ же надзора и настояній со стороны прокуратуры можно объяснить то явленіе, что волостная и сельская полиція даже не знаетъ, что она есть органъ дознанія и при томъ самый ближайшій!

(*) О системѣ организаціи полиціи мы подробно говорили въ своихъ замѣткахъ 1873 г. С. М. кн. V и VI.

До сихъ поръ мы говорили о дознаніи, какъ о моментѣ, предшествующемъ предварительному слѣдствію. Но по закону дознаніе и розыскъ не только предшествуютъ предварит. слѣдствію, но и сопровождаютъ его. Такъ, на основ. 254 ст., по передачѣ слѣдователю дознанія, полиція сообщаетъ ему и всѣ дополнительныя свѣденія, собранныя ею потому же предмету. По силѣ 483 ст. дѣйствіями своими, по производству предварительнаго слѣдствія, полиція должна оказывать дѣятельное содѣйствіе, не дозволяя медленности, превышенія власти или бездѣйствія. По ст. 271 судебнымъ слѣдователемъ предоставляется поручать полиціи собраніе справокъ и производство дознанія. Изъ соображенія точнаго разума совокупности приведенныхъ законовъ съ несомнѣнностью явствуетъ, что на полицію возлагается весьма важное и постоянное участіе при производствѣ предварительнаго слѣдствія. При этомъ дѣятельность полиціи обусловлена не одними порученіями судебныхъ слѣдователей, но силою закона, какъ прямая ея обязанность. Такимъ образомъ полицейская дѣятельность, въ слѣдственной области, является исключительно *собирающею свѣдѣнія и данныя, которыя и поступаютъ къ судебному слѣдователю какъ матеріалъ предварительнаго слѣдствія.* Въ этомъ заключается весьма важная мысль законодателя, съ достаточною ясностью опредѣляющая взаимныя отношенія дознанія и предварительнаго слѣдствія. Мысль эта еще съ большею ясностью выражена законодателемъ въ ст. 265. Собираемый полиціею матеріалъ, прежде всего, есть матеріалъ преслѣдованія. Преслѣдованіе же есть функція прокуратуры, а не слѣдователя. Правда, слѣдователь можетъ поручить полиціи производство дознанія по обстоятельствамъ хотя бы и изобличающимъ обвиняемаго, но такое же порученіе дѣлается въ видахъ *не преслѣдованія, а изслѣдованія.* Очевидно, что для цѣлесообразнаго собиранія матеріала для предварительнаго слѣдствія, необходимо такое отношеніе къ самому его производству и заключающимся въ немъ даннымъ, которое давало бы полную возможность почерпать изъ него всѣ нужныя указанія, какъ относительно предметовъ, подлежащихъ дальнѣйшему изслѣдованію, такъ и тѣхъ новыхъ обстоятельствъ, которыя нуждаются въ опроверженіи или подтвержденіи. Сама полиція не находится въ такомъ положеніи. Въ такомъ положеніи находится прокуратура (278 ст.), которой вмѣстѣ съ обязанностью наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія, принадлежитъ обязанность дѣлать свое заключеніе и

о степени полноты слѣдствія и о характерѣ данныхъ добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ по отношенію къ вопросу о преслѣдованіи (510, 518, 519 ст.) Ясно, что прокуратура есть именно тотъ органъ, участіе котораго въ области слѣдственной распространяясь на оба момента ея, и дѣлаетъ возможнымъ цѣлесообразное выполненіе указаннаго назначенія полиціи, во время самаго производства предварительнаго слѣдствія. Очевидно также и то, что, если къ обязанности надзора и руководительства дѣятельности для прокуратуры, во время производства предварительнаго слѣдствія, присоединяется и обязанность наблюденія за этимъ послѣднимъ, если интересы преслѣдованія, составляющіе одну изъ сторонъ назначенія прокуратуры, обезпечиваются въ слѣдствіи, главнымъ образомъ, дознательною дѣятельностью, то необходимость непосредственнаго и постояннаго участія прокуратуры въ слѣдственной области только усугубляется. Въ комментаріяхъ къ ст. 280 относительно способа наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія прямо выражена мысль о томъ, что наблюденіе это не должно быть заочное и канцелярское, какъ полагаютъ наши провинціальные практики, а личное и непосредственное. (Объясн. Зап. 1863 г. стр. 150). Такимъ образомъ, собственно говоря, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ на счетъ недостаточности личнаго состава прокуратуры провинціальной.—Для точнаго и всесторонняго выполненія предписаній закона объ участіи прокуратуры въ слѣдственной дѣятельности, завѣдываніе двумя уѣздами, хотя бы и съ постояннымъ жительствомъ въ одномъ изъ нихъ, безспорно не представляетъ вполнѣ благопріятныхъ условій для дѣятельности надзора, руководительства и наблюденія; но съ другой стороны совершенное уклоненіе прокуратуры отъ участія въ слѣдственной дѣятельности и отвлеченіе ея силъ отъ этого участія, хотя бы только по мѣрѣ возможности, нельзя не признать явно не нормальнымъ явленіемъ, созданнымъ не закономъ, а произволомъ самой прокуратуры.

И такъ въ области слѣдственной дѣятельность прокурорскаго надзора по Суд. Уставамъ проявляется, прежде всего, въ управленіи и надзорѣ за дознаніемъ съ правами начальственнаго отношенія къ органамъ дознанія и за тѣмъ въ наблюденіи за производствомъ предварительныхъ слѣдствій. Какъ то, такъ и другое, въ силу закона, должно осуществляться со стороны прокуратуры съ тою полнотою, которая, собственно въ области дознанія, обезпечивала бы энергію и цѣлесообразность дѣйствій

въ собираніи матеріаловъ для предварительнаго слѣдствія, а въ области сего послѣдняго строгое соблюденіе всѣхъ установленныхъ закономъ формъ и обрядовъ производства и всестороннее изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, поскольку эти обстоятельства входятъ въ кругъ интересовъ прокуратуры, какъ органа власти обвинительной. Между тѣмъ практика провинціальной прокуратуры, изуродовавшая свои отношенія къ дѣятельности дознанія, тоже сдѣлала и въ области предварительнаго слѣдствія. И можно удивляться, что у насъ слѣдственная дѣятельсть еще не снизошла до того низкаго своего уровня, до котораго она могла бы снизойдти отъ бездѣйствія одного изъ самыхъ властныхъ органовъ ея. Безспорно, что честь удержанія слѣдственной дѣятельности на ея настоящей высотѣ принадлежитъ судебнымъ слѣдователямъ. Къ сожалѣнію эта относительная высота уровня нашей слѣдственной дѣятельности куплена цѣною смѣшенія функцій и искаженія основныхъ началъ назначенія дѣятельности различныхъ органовъ, участвующихъ въ области слѣдственной. Мы говоримъ о томъ ненормальномъ явленіи существующаго порядка, въ силу коего на судебныхъ слѣдователей практика перенесла и функціи надзора и управленія дѣятельностью дознанія и функціи преслѣдованія въ области собственно предварительнаго слѣдствія.

Что касается до условій, въ коихъ осуществляются эти, навязанныя на слѣдователей функціи, то они заключаются въ слѣдующемъ.

Дѣйствительно, какъ по характеру своей дѣятельности, такъ и по близости своего нахожденія, судебные слѣдователи состоятъ въ постоянныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ органами дознанія. Съ этой стороны нельзя не признать, что судебнымъ слѣдователямъ принадлежитъ и извѣстное участіе въ вліяніи на дѣятельность дознанія, но само собою разумѣется, что здѣсь можетъ идти рѣчь лишь объ извѣстной долѣ этого участія, во вліяніи на дѣятельность дознанія, такъ какъ вся полнота этого вліянія, будучи тѣсно связана съ интересами преслѣдованія, принадлежитъ прокуратурѣ. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать, на то, что судебные слѣдователи не имѣютъ, по закону, начальственныхъ правъ въ отношеніи органовъ дознанія, не имѣютъ и сопряженной съ ними дисциплинарной власти. По этому во всѣхъ случаяхъ, обнаруживающихъ необходимость во взысканіи, или даже настояніи къ исполненію какихъ либо

дѣйствій, слѣдователи должны обращаться къ прокурорскому надзору. При нормальномъ порядкѣ вещей, отсутствіе власти слѣдователей надъ органами дознанія, конечно не имѣло бы существенныхъ и вполнѣ неблагопріятныхъ послѣдствій въ дѣлѣ вліянія на дознательную дѣятельность. Но при бездѣйствіи прокуратуры недостатокъ власти слѣдователей имѣетъ существенныя послѣдствія. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что органы дознанія, разсматривая судебныхъ слѣдователей не какъ власть надъ ними, а какъ почти равный имъ органъ одной и той же слѣдственной области, вообще весьма склонны притязать на независимость свою отъ слѣдователей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на наибольшую простоту своихъ отношеній къ нимъ. Такой характеръ отношеній слѣдователей къ органамъ дознанія, по установившемуся взгляду, и дѣлаетъ весьма щекотливымъ для слѣдователей обращеніе ихъ къ содѣйствію прокуратуры въ вышеуказанныхъ случаяхъ. Прокуратура же, чуждая вообще близкому отношенію къ слѣдственной дѣятельности, и здѣсь, вмѣсто другихъ болѣе простыхъ и дѣйствительныхъ мѣръ, направленныхъ къ вразумленію и понужденію органовъ дознанія, въ большинствѣ случаевъ, по сообщеніямъ слѣдователей, открываетъ длинную процедуру дисциплинарнаго преслѣдованія съ его объясненіями и проч. Эта-то процедура, когда виновникомъ ея является судебный слѣдователь, и раздражаетъ органы дознанія. Раздраженіе это обыкновенно, влечетъ за собою ту массу мелкихъ интрижекъ полиціи противъ слѣдователей, которые нерѣдко отражаются и на характерѣ самой служебной дѣятельности.

Мы уже говорили, что, по отношенію къ прокуратурѣ, дѣятельность полиціи всегда находится въ условіяхъ 252 ст. Въ такихъ же условіяхъ дѣятельность полиціи, въ большинствѣ случаевъ, находится и въ отношеніи слѣдователей. Эти послѣдніе, при сравнительно небольшомъ личномъ своемъ составѣ, не всегда имѣютъ возможность немедленно, по обнаруженіи преступленія, являться на мѣсто изслѣдованія, особенно въ случаяхъ обнаруженія тѣхъ обыденныхъ преступленій, которыя по своей внѣшней обстановкѣ не причисляются къ разряду важныхъ. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, слѣдователи получаютъ уже оконченное полицейское дознаніе. Не всегда слѣдователи могутъ немедленно по полученіи такого дознанія приступать и къ производству предварительнаго слѣдствія. Хотя статистическое бюро Министерства Юстиціи и возложило на

слѣдователей обязанность сообщенія свѣдѣній о времени приступа къ слѣдствіямъ, и тѣмъ какъ бы приняло мѣры къ понужденію слѣдователей къ немедленному или по крайней мѣрѣ возможно скорѣйшему приступу къ производству предварительныхъ слѣдствій, но практика очень хорошо знаетъ, что слѣдователи о времени приступа къ слѣдствію сообщаютъ министерству не по моменту совершенія первыхъ слѣдственныхъ дѣйствій, а по моменту постановленія о принятіи дознанія или жалобы и проч. къ своему производству. Въ министерствѣ, конечно, имѣются свѣденія лишь о немедленномъ или, по крайней мѣрѣ, очень близкомъ по времени поступленія дознанія и проч. приступѣ къ слѣдствію, въ дѣйствительности же это не такъ. Нѣкоторая медленность въ приступѣ къ слѣдствію по дознаніямъ полицейскимъ, не рѣдко обусловливается вполнѣ уважительными причинами. Не говоря уже о случаяхъ стеченія разнородныхъ и многихъ дознаній, для слѣдователей иногда весьма невыгодно и неудобно отвлекаться отъ непрерывной дѣятельности по одному или нѣсколькимъ дѣламъ, единственно для того, чтобы только приступить къ слѣдствію, ибо о дальнѣйшемъ производствѣ такого слѣдствія не можетъ быть и рѣчи при указанныхъ условіяхъ. И такъ слѣдователи не всегда немедленно по полученіи дознанія приступаютъ къ слѣдствію. Какъ это обстоятельство, такъ еще болѣе то, что при производствѣ дознанія полиція остается безъ всякаго надзора, имѣютъ весьма важное значеніе. Не говоря уже о неумѣлости и лѣни, которыя такъ часто свойственны полицейской дѣятельности, и отъ которыхъ, безспорно, страдаетъ успѣхъ изслѣдованій, полиція, при условіяхъ полной хозяйственности своей при производствѣ дознанія и при условіяхъ даже знанія и опытности, всегда можетъ сообщить дознанію то или другое направленіе и такимъ образомъ предрѣшить судьбу самаго предварительнаго слѣдствія.

Слѣдователи хорошо все это знаютъ. Но для того чтобы противодѣйствовать этому, для этого нужно слишкомъ много энергіи и времени, такъ какъ съ этимъ соединяется необходимость не только въ строгой провѣркѣ всего сдѣланнаго полиціею, но и въ энергическомъ самостоятельномъ розыскѣ, чтобы обнаружить то чего полиція не обнаружила или не хотѣла обнаружить. Но такой энергіи отъ слѣдователей, поставленныхъ въ совершенное безпомощное положеніе, требовать нельзя. А между тѣмъ въ свой-

ствѣ дознанія, въ его полнотѣ и богатствѣ розыскной дѣятельности, не рѣдко, проглядываетъ характеръ тѣхъ отношеній, которыя установились между слѣдователемъ и полиціею. Въ этихъ же дознаніяхъ проводятся и тѣ интрижки полицейскія, о которыхъ мы говорили. Умышленная неполнота и неудовлетворительность дознаній невыгодна для слѣдователей; она лишаетъ ихъ съ одной стороны того досуга, который такъ необходимъ въ слѣдственной дѣятельности, съ другой стороны вліяетъ и на репутацію слѣдователя, если прокуратура усмотриваетъ, что по дѣламъ такого-то слѣдователя часто пишутся заключенія о прекращеніи, или что дѣло этого слѣдователя часто направляется по 277 ст. за неоткрытіемъ виновныхъ, хотя и „*за всѣми принятыми мѣрами.*“ Правда находятся и такіе отважные и энергическіе слѣдователи, которые не щадятъ и самихъ себя въ борьбѣ противъ неудовлетворительности полицейскихъ дознаній. Они сами производятъ и розыскъ и предварительное слѣдствіе и конечно при обнаруженіи явной неполноты или упущеній полиціи, при производствѣ дознанія не щадятъ и ее. Но такая дѣятельность скоро разбивается. Масса дѣлъ, затруднительность разъѣздовъ, обширность раіона—все это скоро даетъ себя чувствовать, чтобы умѣрить энергію слѣдователя. Но не одни эти причины вліяютъ на примирительное направленіе слѣдователей въ отношеніи органовъ дознанія. Неменьшее значеніе имѣютъ самые результаты ихъ розыскной дѣятельности.

Въ дѣятельности изслѣдованія представляется множество такихъ обстоятельствъ, несвоевременное обнаруженіе коихъ дѣлаетъ безполезными всѣ послѣдующія дѣйствія. Слѣдователи же почти всегда находятся въ условіяхъ несвоевременности своего розыска. Затѣмъ нельзя не упомянуть и о томъ, что полиція, выступивъ на борьбу съ успѣхами розыскной дѣятельности слѣдователя, имѣетъ слишкомъ много домашнихъ и сокровенныхъ средствъ, для того чтобы въ большинствѣ случаевъ остаться побѣдительницею. Такимъ образомъ и выходитъ, что даже выгоды самого дѣла требуютъ отъ слѣдователей снисходительности и крайней умѣренности требованій отъ дѣятельности полицейскаго дознанія. Только при этомъ условіи они гарантируютъ себя по крайней мѣрѣ отъ предумышленной неполноты и вообще неудовлетворительности дознанія. Можно ли послѣ этого говорить о благопріятныхъ условіяхъ надзора и руково-

дительства дознаніемъ, исходящихъ отъ судебныхъ слѣдователей. Намъ, впрочемъ, могутъ замѣтить, что если органы дознанія допускаютъ злоупотребленія при производствѣ дознаній, то совершеннаго искорененія ихъ не можетъ достигнуть и прокуратура, такъ какъ для этого ей пришлось бы идти по пятамъ полицейской дѣятельности и присутствовать при всякомъ дознаніи. Едва ли для этого нужно то, чего сдѣлать не можетъ прокуратура. Прокуратура есть власть, которая свое вліяніе на дѣятельность полиціи можетъ осуществить посредствомъ развитія въ ней одного только сознанія своей близости къ полицейской дѣятельности и бдительчости надзора. Ставъ въ такое положеніе, прокуратура, для воспитанія полиціи въ дѣлѣ дознанія, пользовалось бы не только результатами своего непосредственнаго надзора, но и тѣхъ свѣдѣній, жалобъ и сообщеній средоточіемъ которыхъ она должна сдѣлаться, ибо, если при существующихъ порядкахъ прокуратура не является средоточіемъ всѣхъ указанныхъ источниковъ свѣденій о полицейской дознательной дѣятельности, то единственно потому, что она сама не выразила бдительности своего надзора за дѣятельностью полиціи. Общество и отдѣльныя лица молчатъ передъ прокуратурою о полицейской дѣятельности потому что не видятъ въ ней органа надзора полицейскаго. Еще намъ могутъ напомнить о 271 ст., по которой слѣдователи, не прибѣгая къ личному розыску, могутъ поручать полиціи производить, по ихъ указаніямъ, тѣ или другія дѣйствія и такимъ образомъ участвовать вполнѣ дѣйствительнымъ способомъ въ воспитаніи полицейской дѣятельности. Дѣйствительно, не столько въ видахъ воспитанія полицейской дѣятельности, сколько въ видахъ облегченія собственнаго труда по производству предварительнаго слѣдствія, слѣдователи весьма охотно желали бы пользоваться 271 ст. въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но дѣло въ томъ, что пользованіе этой статьею, въ большинствѣ случаевъ, не приноситъ желаемыхъ результатовъ, потому что порученія слѣдователей полиція исполняетъ поверхностно и медленно, и при исполненіи этихъ порученій чаще всего и проводитъ свои интрижки противъ непріятнаго слѣдователя. Точное и обстоятельное исполненіе порученій слѣдователей даже и не въ интересахъ полиціи.

Въ большинствѣ случаевъ пользованіе 271 ст. вызывается не тѣми новыми обстоятельствами, которыя обнаружены только на

предварительномъ слѣдствіи и не были въ виду при производствѣ дознанія, а просто неполнотою дознанія. Въ этихъ случаяхъ, дабы не обнаружить поверхности или даже неправильности собственныхъ дѣйствій по дознанію, переданному слѣдователю, полиція и не старается о точномъ выполненіи порученія по 271 ст. Въ такихъ условіяхъ находится область вліянія слѣдователей на усовершенствованіе дѣятельности дознанія.

Затѣмъ намъ надлежитъ перейдти къ разсмотрѣнію дѣятельности прокуратуры въ области собственнаго наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія; но и здѣсь главнѣйшимъ предметомъ нашего изложенія будутъ послѣдствія, къ коимъ приводитъ усвоенный прокуратурою способъ наблюденія.

Наблюденіе за производствомъ предварительнаго слѣдствія, когда оно осуществляется предустановленнымъ въ законѣ способомъ и при томъ одушевлено идеею истиннаго назначенія прокуратуры въ этой области, безспорно, имѣетъ важное значеніе, для самыхъ даже отдаленныхъ интересовъ правосудія. Выше мы имѣли уже случай высказаться о роли, которая принадлежитъ прокуратурѣ въ слѣдственной области.Останавливаясь же, въ частности, на роли наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія, нельзя не замѣтить что по сущности своей это наблюденіе должно осуществляться въ двухъ направленіяхъ: въ видѣ надзора за точнымъ и строгимъ примѣненіемъ законовъ, коими установляется самый порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій и въ видѣ охраненія интересовъ преслѣдованія, по скольку это необходимо для общественнаго порядка и спокойствія. Здѣсь прокуратура является со всею совокупностію правъ истекающихъ изъ основныхъ началъ ея назначенія. Такимъ образомъ въ области преслѣдованія прокуратурѣ принадлежитъ право требованія совершенія всѣхъ тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, кои способствуютъ собранію доказательства, въ области надзора прокуратурѣ принадлежитъ право истолкованія закона, предложенія своего истолкованія слѣдователю и настояніе къ исполненію всѣхъ требованій закона. Все это столь важныя средства, обезпечивающія полноту и правильность производства предварительныхъ слѣдствій, что представляется просто непонятнымъ какимъ образомъ и эта сфера дѣятельности прокуратуры на практикѣ сдѣлалась почти мертвою буквою. Обыкновенно говорятъ, что прокуратура, не теряя времени на присут-

ствованіе и вообще на непосредственное участіе при производствѣ предварительнаго слѣдствія, всегда имѣетъ возможность осуществить свое назначеніе и восполнить недостатки слѣдствія посредствомъ возвращенія слѣдствія къ дополненію послѣ его окончанія.

Въ этомъ отношеніи ко всему, что нами выше высказано вообще о дополнительныхъ дѣйствіяхъ по изслѣдованію преступленій, а именно со стороны цѣлесообразности ихъ, нельзя неприбавить, что право возвращенія слѣдствій къ дополненію въ законѣ (512 и 514 ст.) поставлено въ такія условія, что пользованіе имъ допущено лишь въ видѣ исключенія, въ виду тѣхъ вполнѣ дѣйствительныхъ способовъ наблюденія за самымъ производствомъ слѣдствія, коими исчерпывается вся полнота изслѣдованія. По существу своему, право возвращенія слѣдствія къ дополненію есть только прибавка къ суммѣ правъ прокуратуры въ дѣлѣ наблюденія за производствомъ слѣдствій и своевременнаго собиранія доказательствъ—прибавка, разсчитанная на тѣ особые случаи, когда, предшествовавшее разсмотрѣнію оконченнаго слѣдствія, обсужденіе полноты данныхъ его было ошибочно или когда при разсмотрѣніи слѣдствія прокуратурою получатся новыя свѣдѣнія существенныя для дѣла, но не бывшія въ виду при производствѣ слѣдствія. Болѣе широкое истолкованіе закона о правѣ возвращенія слѣдствій къ дополненію явно противорѣчило бы самой сущности назначенія прокуратуры по наблюденію за самымъ производствомъ предварительныхъ слѣдствій; оно уничтожало бы всякій смыслъ законовъ опредѣляющихъ порядокъ участія и отношеній прокуратуры въ области дознанія; оно противорѣчило бы и самымъ интересамъ изслѣдованія, успѣхъ которыхъ тѣсно связанъ съ своевременностью дѣйствій изслѣдованія.

Тѣмъ не менѣе провинціальная прокуратура не знаетъ другаго способа наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія (за рѣдкими исключеніями) какъ только посредствомъ возвращенія слѣдствій къ дополненію. Правда, нельзя не замѣтить, что вообще случаи возвращенія слѣдствій практикуются не особенно часто. Но это слѣдуетъ отнести, конечно, прежде всего, къ чести слѣдователей, выносящихъ доблестно на своихъ плечахъ все бремя тяжелой слѣдственной дѣятельности. Но причина сравнительно нечастаго возвращенія слѣдствій къ дополненію лежитъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены съ одной стороны, самое производство предварительныхъ слѣд-

ствій, а съ другой наблюдательная дѣятельность прокуратуры за производствомъ предварительныхъ слѣдствій. Объяснимъ.

Не смотря на то, что въ дѣятельности своей судебные слѣдователи поставлены въ положеніе человѣка не имѣющаго ни рукъ, ни ногъ; не смотря на то, что слѣдователи обременены дѣлами, разъѣздами и проч. они все таки, какъ мы выше замѣтили, поддерживаютъ слѣдственную дѣятельность на относительно удовлетворительной высотѣ. Въ тоже время фактъ существованія жалобъ на неудовлетворительность слѣдственной дѣятельности, и именно предварительныхъ слѣдствій,—не сомнѣненъ. Въ неудовлетворительности слѣдствій, обыкновенно, обвиняютъ все тѣхъ же слѣдователей. Что же это такое? Какъ же разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ?

Такое противорѣчіе сужденій о слѣдственной дѣятельности, конечно, прежде всего, можно объяснить различіемъ лагерей, изъ коихъ исходятъ указанныя сужденія. Самое же различіе лагерей, обсуждающихъ слѣдственную дѣятельность, обусловлено степенью близости знакомства съ внутреннею стороною разсматриваемой дѣятельности, и съ условіями, въ которыя она поставлена.

Такимъ образомъ, когда жалобы на неудовлетворительность слѣдственной дѣятельности и обвиненія въ этомъ судебныхъ слѣдователей исходятъ изъ общества, то объяснить причины этого явленія не трудно. Общество судитъ о слѣдственной дѣятельности только по результатамъ ея; оно не знакомо съ условіями, въ которыя поставлено добываніе даже тѣхъ неважныхъ результатовъ, по коимъ общество судитъ о слѣдственной дѣятельности; оно поэтому, и обвиненія въ неудовлетворительности слѣдственной дѣятельности переноситъ на судебныхъ слѣдователей, являющихся въ его глазахъ единственными виновниками.

Близкое же знакомство съ условіями и внутренней стороною разсматриваемой дѣятельности, безспорно, можетъ сойтись съ общественнымъ мнѣніемъ только въ сужденіи объ относительной неудовлетворительности этой дѣятельности, но, конечно, обвиненіе свое не направитъ на слѣдователей, оно всею своею тяжестью остановиться на прокуратурѣ. Слѣдователямъ же воздастъ полную похвалу.

Но вотъ явленіе, заслуживающее вниманія. Вмѣстѣ съ обществомъ, не посвященнымъ въ тайны слѣдственнаго дѣла, жа-

луется на неудовлетворительность слѣдственной дѣятельности и обвиняетъ въ ней судебныхъ слѣдователей прокуратура. Здѣсь, очевидно, причина жалобъ и обвиненій другая, чѣмъ та, которая существуетъ для сужденій общественнаго мнѣнія. Причина эта выясняется изъ слѣдующаго.

Въ общемъ своемъ движеніи, предварительное слѣдствіе, безспорно, стремится завершиться въ судебномъ приговорѣ. Съ момента же выхода слѣдствія изъ рукъ слѣдователя, дѣйствующимъ лицомъ, оперирующимъ надъ его матеріаломъ, является прокуратура. На ней же лежитъ и обязанность поддержанія обвиненія на судѣ. Словомъ,—по выходѣ слѣдствія изъ рукъ слѣдователя, вся, такъ сказать, показная сторона работы надъ слѣдствіемъ, работы, ближайшей къ самому результату,—лежитъ на прокуратурѣ. Появляются оправдательные приговоры, которые часто не удовлетворяютъ ни чувства общественной справедливости, ни требованія общественной безопасности. Конечно множество причинъ участвуетъ въ созданіи такихъ оправдательныхъ приговоровъ. Кесарево-Кесарю. Не всегда же однако всю вину такихъ приговоровъ можно относить на присяжныхъ. Когда на присяжныхъ нельзя перенести эту вину, то на кого же ее слѣдуетъ перенести? На слѣдователей и предварительное слѣдствіе. Не рѣдко, по поводу оправдательныхъ приговоровъ, приходится слышать, что судебное слѣдствіе совершенно извратило все предварительное слѣдствіе; даже тѣ свидѣтели, которые на предварительномъ слѣдствіи давали прямо обвинительныя показанія, на судебномъ или ослабили или видоизмѣнили ихъ подъ напоромъ разъясненій другихъ свидѣтелей, вызванныхъ защитою или подсудимымъ. Прокуратура, обыкновенно, говоритъ въ подобныхъ случаяхъ: слѣдствіе предварительное дурно произведено, такому-то слѣдователю нельзя поручать такихъ слѣдствій и т. д. Вотъ по поводу этихъ мыслей мы и опустимся на дно слѣдственной дѣятельности слѣдователей. Когда слѣдствіе заключается слѣдователемъ, оно поступаетъ къ прокуратурѣ. Отъ сей послѣдней зависитъ возвратить его къ дополненію, если оно неполно.

Разъ прокуратура нашла возможнымъ составить обвинительный актъ по предварительному слѣдствію, значитъ оно, по ея мнѣнію, казалось полнымъ и совершенно удовлетворительнымъ. Казалось бы, что, при такихъ условіяхъ, вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ противорѣчіе между судебнымъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, удобнѣе «*предать волѣ Божіей.*» Но это не такъ.

Для разъясненія сего вопроса нужно припомнить все вышесказанное нами объ общихъ условіяхъ и безпомощности слѣдователей, присоединить сюда существованіе постоянныхъ настояній прокуратуры, исходящихъ изъ ея чертоговъ метрополіи, о скорѣйшемъ производствѣ слѣдствій, надзоръ за тѣмъ же статистическаго бюро Министерства Юстиціи и принять въ особое вниманіе время, какъ обстоятельство, играющее величайшую роль въ дѣлѣ производства предварительнаго слѣдствія.

Пользуясь всѣмъ этимъ, мы должны признать за фактъ, что слѣдователи при производствѣ предварительныхъ слѣдствій вообще *торопятся*. Торопливость эта выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что они не останавливаются на особенно тщательной провѣркѣ данныхъ, добываемыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ; данныя эти принимаются ими, какъ фактъ. Напавъ на свидѣтеля, рѣшившагося удостовѣрить искомое обстоятельство (извѣстно, что не всѣ *свидѣтели* рѣшаются давать показанія объ извѣстномъ имъ), слѣдователь принимаетъ его съ величайшею радостію, особливо если искомое обстоятельство относится «*къ обнаруженію виновныхъ.*» При извѣстной страстности слѣдователя, и при существованіи предрасположенія «*къ обнаруженію виновныхъ*» въ способѣ вопросовъ ясно проглядываетъ желаемый отвѣтъ. Отвѣтъ получается.

Такъ пройдетъ слѣдователь по всѣмъ искомымъ обстоятельствамъ и въ результатѣ получается «*обнаруженіе виновныхъ.*» Прокуроръ, изучая предварительное слѣдствіе на бумагѣ, не можетъ не признать его полнымъ: на всякое нужное обстоятельство есть удостовѣреніе полученное «*съ соблюденіемъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства.*» Но въ какой степени эти удостовѣренія достаточно, достовѣрны, въ какой степени мысль показателя точно переведена на бумагу, наконецъ, что еще остается необслѣдованнаго, не остался ли цѣлый рядъ свидѣтелей и обстоятельствъ, могущихъ ослабить или опровергнуть достовѣрность и полноту обнаруженныхъ обстоятельствъ,— всего этого прокуратура обнаружить не можетъ, по бумажному производству. Она только видитъ внѣшнюю сторону дѣла. И съ этой стороны слѣдствіе полно. Но когда наступаетъ судъ по дѣлу, когда силы подсудимаго усиленно напрягаются для борьбы съ обвиненіемъ, тогда только и обнаруживается эта полнота предварительнаго слѣдствія. Подсудимый собираетъ и выставляетъ на судъ все, что можетъ разъяснить и удостовѣрить его опра-

вдапіе. Въ большинствѣ случаевъ то, что выставляетъ на судъ подсудимый ново только для прокурора. Все это всегда существовало и должно было быть обслѣдованнымъ еще на предварительномъ слѣдствіи. Понятно, что тощее обвиненіе, являющееся передъ судомъ для борьбы съ подсудимымъ, остается побѣжденнымъ, будучи застигнуто совершенно врасплохъ. Намъ могутъ замѣтить, что высказанныя мысли, во всякомъ случаѣ не относятся къ тѣмъ случаямъ, когда свидѣтели обвиненія на судѣ измѣняютъ свои показанія; что измѣненіе такихъ показаній свидѣтелей на судѣ слѣдуетъ признать за явленія, стоящія внѣ всякой связи съ порядкомъ производства предварительныхъ слѣдствій и наблюденія прокуратуры. Менѣе чѣмъ кто либо можетъ отвергать возможность лжесвидѣтельства на судѣ. Но мы и говоримъ не объ этомъ. Въ большинствѣ случаевъ наши свидѣтели суть простолюдины. Всѣмъ, конечно, извѣстна не точность и неясность выраженій и рѣчи простолюдина. Извѣстна и нѣкоторая нетвердость его въ совершенно правдивомъ изложеніи свѣдѣній о фактахъ ему извѣстныхъ. Расплываясь въ мелочахъ, не нужныхъ для дѣла, онъ вызываетъ необходимость въ руководительствѣ къ сокращенію и къ большей категоричности. Такимъ руководителемъ и выжимателемъ сути, конечно, является слѣдователь, который въ тоже время есть и начальство въ сознаніи провинціальнаго простолюдина. Онъ же, слѣдователь, по условіямъ въ которыя поставленъ, съ одной стороны, утратилъ свойственное ему по закону судейское безпристрастіе, а съ другой стороны и не имѣетъ достаточно времени, чтобы терпѣливо выждать свободнаго изложенія сути. Такимъ образомъ и получается та категоричность, которой нѣтъ на самомъ дѣлѣ, также получается и точность. Все это заносится рукою слѣдователя въ протоколъ, предъявляется показателю, посредствомъ быстраго прочтенія, получается подтвержденіе и ставится три креста. Другое дѣло на судѣ. Здѣсь присяга, перекрестный допросъ, который играетъ величайшую роль въ изслѣдованіи, особливо со стороны защиты, которая, имѣя въ своихъ рукамъ массу свѣдѣній, добытыхъ подсудимымъ, но необслѣдованныхъ на предварительномъ слѣдствіи, въ своихъ допросахъ прямо идетъ на борьбу съ категоричностью показанія обвиняющаго свидѣтеля и съ его точностью опредѣленій. И вотъ тогда то и выясняется, что свидѣтель далеко не такъ важенъ для обвиненія, какъ онъ казался по предварительному слѣдствію. Не рѣдки случаи ког-

да такіе свидѣтели, по прочтеніи имъ на судѣ показанія, даннаго ими на предварительномъ слѣдствіи, самымъ искреннимъ образомъ открещиваются отъ него и разъясняютъ смыслъ данныхъ ими тогда отвѣтовъ совершенно въ другомъ направленіи.

Наконецъ намъ могутъ замѣтить, что если все это вѣрно, то, во всякомъ случаѣ, источники изслѣдованія преступленій далеко не всегда стоятъ на очень ужь низкой степени развитія, а съ другой стороны и слѣдователи не такъ же торопливы всегда. Мы не будемъ возражать противъ такого замѣчанія, для насъ достаточно, что все это случается и можетъ вліять на отправленіе правосудія. Случается же все это при условіяхъ не нормальнаго отношенія прокуратуры къ слѣдственной области. Эта же ненормальность создаетъ другую ненормальность,—не нормальность отношенія предварительнаго слѣдствія къ судебному. При чемъ первое является съ значеніемъ лишь дознанія. Такія именно черты въ предварительномъ слѣдствіи мы усматриваемъ не только въ самомъ содержаніи, его, въ той неполнотѣ его, которая съ такою ясностью часто обнаруживается на судѣ, но и въ самомъ объемѣ и цѣли, которую стремится достигнуть предварительное слѣдствіе. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать, что какъ дознаніе имѣетъ первоначальною цѣлью сдѣлать лишь наброску событія преступленія, такъ и предварительное слѣдствіе хватаетъ лишь первыя попавшіеся данныя чтобы занести ихъ на страницы своихъ протоколовъ, оставляя всю полноту изслѣдованія судебному слѣдствію. Вмѣсто того, чтобы быть наглядной провѣркой, при участіи внѣшнихъ живыхъ впечатлѣній, предварительнаго слѣдствія, данныхъ въ немъ заключающихся, судебное слѣдствіе само дѣлается предварительнымъ слѣдствіемъ, усвоивая себѣ цѣль самостоятельнаго изысканія истины, посредствомъ обсужденія новыхъ данныхъ.

Едва ли справедливо, замѣтимъ кстати, въ виду такого положенія судебнаго слѣдствія, очень строго судить присяжныхъ засѣдателей, произносящихъ оправдательные вердикты, едва ли справедливо обвинять въ лжесвидѣтельствѣ и того простолюдина свидѣтеля, который на судѣ далъ показаніе не согласное съ предварительнымъ слѣдствіемъ.

Но проводя дальнѣйшее сходство нашихъ предварительныхъ слѣдствій съ полицейскими дознаніями, мы должны указать и на самое положеніе слѣдователей, какъ должностныхъ лицъ,

которые по отношенію къ прокуратурѣ, едва ли не ниже положенія полицейскихъ чиновъ.

По положенію своему наши судебные слѣдователи суть чиновники министерства, командированные для производства слѣдствій. Послѣдствіемъ такого служебнаго положенія судебныхъ слѣдователей и создался тотъ, поражающій своею ненормальностью характеръ отношеній прокуратуры къ слѣдователямъ, который со всею своею тяжестью подавилъ всякую независимость ихъ не только въ сферѣ самой дѣятельности, но и въ сферѣ собственно служебно-іерархической. Извѣстно, что какъ назначеніе на должности слѣдователей, такъ и увольненіе и отозваніе отъ должностей, всецѣло находится въ рукахъ прокуратуры. Этого вполнѣ достаточно, чтобы изъ судебныхъ слѣдователей сдѣлать чиновниковъ вполнѣ подчиненныхъ прокуратурѣ. Если эта подчиненность на практикѣ проявляется въ явкахъ слѣдователей къ прокурорамъ въ мундирахъ; если во всѣхъ своихъ надобностяхъ, прямо по закону зависящихъ отъ суда, судебные слѣдователи первоначально должны обращаться къ прокуратурѣ и отъ нея получать согласіе напримѣръ на отпускъ, если даже самое повышеніе и передвиженіе слѣдователей можетъ совершаться не иначе какъ при участіи прокуратуры, то не трудно заключить о степени той зависимости слѣдователей, которая проявляется собственно въ слѣдственной дѣятельности ихъ. Въ такомъ именно положеніи слѣдователей слѣдуетъ искать и объясненія того направленія ихъ въ слѣдственной дѣятельности, которое мы назвали направленіемъ *преслѣдованія*, переданнымъ имъ прокуратурою. Но направленіе преслѣдованія есть назначеніе полицейской слѣдственной дѣятельности....

Таковъ характеръ дѣятельности провинціальной прокуратуры, таковы и условія слѣдственной дѣятельности въ провинціи, созданныя направленіемъ прокуратуры.

Сводя высказанное нами въ этой главѣ, мы можемъ выставить слѣдующія положенія.

1) По судебнымъ уставамъ слѣдственная дѣятельность организована въ высшей степени цѣлесообразно и поскольку это зависитъ отъ самой организаціи слѣдственнаго института, дѣятельность слѣдственная представляется вполнѣ обезпеченною въ своемъ успѣхѣ.

2) По отношенію къ предмету нашего положенія цѣлесообраз-

ности организаціи слѣдственной дѣятельности заключается главнѣйшимъ образомъ въ привлеченіи прокуратуры не только къ непосредственному участію въ наблюденіи за предварительнымъ слѣдствіемъ, но и къ непосредственному надзору и руководительству дознанія, какъ дѣятельности вспомоществующей.

3) Вторымъ важнымъ условіемъ цѣлесообразности организаціи слѣдственной дѣятельности по закону является строгое раздѣленіе функцій различныхъ органовъ разсматриваемой дѣятельности,

4) При такомъ раздѣленіи функцій назначеніе дѣятельности прокуратуры заключается въ области дознанія, въ собираніи чрезъ подчиненныхъ органовъ доказательствъ преслѣдованія, а въ области предварительнаго слѣдствія въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ и охраненіе интересовъ преслѣдованія, посредствомъ наблюденія за полнотою предварительнаго слѣдствія. Назначеніе же судебныхъ слѣдователей заключается въ точномъ выполненіи предписанія 265 ст.

5) На практикѣ судебные слѣдователи лишены вспомоществующей и наблюдательной дѣятельности прокуратуры, а чрезъ сію послѣднюю не пользуются въ полной мѣрѣ и содѣйствіемъ органовъ дознанія.

6) Вслѣдствіе зависимого отъ прокуратуры служебнаго положенія судебныхъ слѣдователей и условій, въ коихъ находится слѣдственная дѣятельность,—слѣдователи уклонились въ своей дѣятельности отъ судейскаго назначенія и усвоили себѣ по преимуществу направленіе преслѣдованія. Послѣдствіемъ такого направленія слѣдственной дѣятельности явилось искаженіе основнаго назначенія предварительнаго слѣдствія быть средоточіемъ всесторонняго и вполнѣ обслѣдованнаго матеріала даннаго дѣла.

7) Наблюдательная дѣятельность прокуратуры, перенесенная на слѣдствія оконченныя, потеряла характеръ всякой цѣлесообразности, превратившись въ пустой канцеляризмъ.

8) Въ числѣ причинъ участвующихъ въ сознаніи оправдательныхъ приговоровъ слѣдуетъ признать неправильную постановку на практикѣ дѣятельности прокуратуры въ области слѣдственной.

Завершая изложеніе настоящей главы, мы нелишнимъ считаемъ остановится на минуту на замѣчаніяхъ и о тѣхъ способахъ, кои могли бы быть примѣнены въ видахъ устраненія тѣхъ не-

благопріятныхъ для слѣдственной дѣятельности условій, о коихъ мы говорили.

Что касается до прокуратуры, то вопросъ о привлеченіи ее къ дѣятельности, отъ которой она такъ ревниво уклоняется, не можетъ представлять затрудненій. Есть прокуратура, есть и исполнители назначенія, предначертаннаго прокуратурѣ. Все сводится къ вопросу простого предписанія высшей прокуратуры (Генералъ Прокурора) и наблюденія за исполненіемъ предписанія. Примѣры же и образцы способа дѣйствій по надзору, руководительству и наблюденію въ области слѣдственной,— имѣются уже въ дѣятельности столичной прокуратуры. Къ этому можно присовокупить еще замѣчаніе о пользѣ увеличенія личнаго состава прокуратуры.

Но съ другимъ характеромъ представляется способы устраненія тѣхъ неблагопріятныхъ условій слѣдственной дѣятельности, которыя заключаются въ положеніи слѣдователей. Разсматривая вопросъ о неутвержденіи слѣдователей въ ихъ должностяхъ съ точки зрѣнія принципіальной и отвлеченной,—мы не можемъ не осудить, безъ всякаго снисхожденія, правило, практикуемое Министерствомъ Юстиціи. Тутъ спора быть не можетъ. Судебн. Уставы создали институтъ слѣдственный на началахъ судейской независимости,—въ такомъ видѣ и на такихъ началахъ этотъ институтъ долженъ являться и въ жизни. Но разсматриваемый съ точьки зрѣнія практической, съ точьки зрѣнія контингента, изъ котораго можно брать слѣдователей и облекать судейскою независимостью, вопросъ этотъ представляется нѣсколько видоизмѣненнымъ въ своемъ разрѣшеніи.

Такимъ образомъ практическое разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса, по мнѣнію нашему, стоитъ въ связи съ вопросомъ о томъ существуютъ ли у насъ способы для подготовленія слѣдственныхъ дѣятелей.

Въ силу установившагося порядка, нашъ слѣдственный институтъ образуется, по преимуществу, изъ самой ранней молодежи, побывавшей, послѣ университетской скамьи, весьма не долгое время въ канцелярскихъ должностяхъ или въ званіи кандидатовъ на судебныя должности. Что канцелярская дѣятельность прямо не подготовляетъ къ слѣдственной дѣятельности—въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія. Но говорятъ, что кандидатура на судебныя должности и по мысли законодателя, есть ближайшій источникъ для пополненія личнаго состава су-

дебныхъ должностей, слѣдовательно и должностей судебныхъ слѣдователей.

Какъ стоитъ наша кандидатура на судебныя должности? Наша кандидатура на судебныя должности представляетъ изъ себя учрежденіе, какъ намъ кажется, не стоящее на правильныхъ основаніяхъ для того, чтобы служить источникомъ пополненія должностей судебныхъ слѣдователей. Послѣдствіемъ существующаго положенія кандидатуры является, прежде всего, все-таки далеко не совершенный личный составъ слѣдственнаго института не со стороны личныхъ качествъ и дарованій, а со стороны опытности, служебной и житейской, и выдержанности для трудовой и суровой жизни и дѣятельности. Но пока мы переживаемъ переходное время, пока судебная реформа еще не введена повсемѣстно, кандидатура еще представляетъ изъ себя обильный источникъ дорованій, а слѣдовательно и выбора. Со введеніемъ судебной реформы повсемѣстно, кандидатура не будетъ такимъ обильнымъ источникомъ. Необезпеченность положенія кандидатовъ на службѣ не влечетъ за собою всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій для того, чтобы кандидатура быстро рѣдѣла, только при условіи разсчета на быстрое полученіе штатнаго мѣста. Когда этой приманки не будетъ, будетъ рѣдѣть и кандидатура. Уже теперь замѣтно нѣкоторое умаленіе юридическихъ студентовъ нашихъ университетовъ противъ того количества, которое усматривалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, современныхъ первымъ шагамъ судебной реформы. Студенты составляютъ контингентъ кандидатуры на судебныя должности. Причина уменьшенія количества студентовъ юридическихъ факультетовъ заключается въ сравнительномъ застоѣ въ движеніи кандидатуры, вслѣдствіе уменьшенія запроса на быстрое передвиженіе въ другихъ должностяхъ. По естественному порядку вліяніе спроса на предложеніе, уменьшеніе личнаго состава кандидатуры не можетъ скоро остановится. Нужно по этому создать условія для вступленія въ кандидатуру болѣе благопріятныя для ея представителей; и въ этомъ отношеніи прежде всего надлежитъ установить матеріальное обезпеченіе.

Это условіе имѣетъ весьма важное значеніе не только для привлеченія молодежи въ кандидатуру, но и для удержанія въ ней. Между тѣмъ для того, что бы кандидатура могла служить хорошимъ источникомъ для пополненія личнаго состава слѣдственнаго института, для этого она должна быть воспитана въ

слѣдственной дѣятельности, прежде чѣмъ удостоится вступить въ почтенное и трудное званіе слѣдователя. При условіи же обезпеченія кандидатовъ это воспитаніе и подготовленіе дѣлается возможнымъ. Говорятъ, что и теперь кандидаты подготавляются къ слѣдственной дѣятельности, посредствомъ командировокъ въ помощь къ судебнымъ слѣдователямъ. Едва ли существующія командировки слѣдуетъ разсматривать за хорошую школу для воспитанія будущихъ слѣдователей. Во 1-хъ эти командировки имѣютъ совершенно случайный характеръ. Они дѣлаются въ видахъ *кормленія* кандидатовъ, такъ какъ съ камандировками соединяется выдача маленькихъ денегъ. Во 2-хъ какъ случайныя, эти командировки не бываютъ продолжительны и обусловливаются исключительно крайнею надобностью слѣдователей въ помощи. Въ 3-хъ въ самомъ выборѣ лицъ командируемыхъ не соблюдается какихъ либо правилъ. Все зависитъ отъ личнаго желанія и отъ того свободенъ или несвободенъ кандидатъ отъ канцелярскихъ занятій. Такимъ образомъ одинъ кандидатъ имѣлъ больше камандировокъ, другой менѣе. Но при замѣщеніи открывшейся ваканціи главнымъ основаніемъ въ выборѣ кандидатовъ является продолжительность службы и степень надобности въ матеріальномъ обезпеченіи. (Конечно прежде всего обращается вниманіе на способности).

Все это не можетъ служить благопріятнымъ условіемъ для воспитанія будущихъ слѣдственныхъ дѣятелей.

Нужно приспособить кандидатское воспитаніе къ слѣдственной дѣятельности въ болѣе раціональныхъ размѣрахъ. Въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, надлежитъ во 1-хъ обезпечить кандидатовъ содержаніемъ; во 2-хъ тѣхъ изъ нихъ, кои пожелаютъ готовиться къ званію судебныхъ слѣдователей откомандировывать *къ постояннымъ занятіямъ къ слѣдователямъ, съ учрежденіемъ строгаго надзора и отчетности въ ихъ дѣятельности*;

Въ 3-хъ опредѣлить нормальный срокъ ранѣе котораго такой кандидатъ слѣдственныхъ дѣлъ не можетъ получить должности судебн. слѣдователя, за исключеніемъ, конечно, случаевъ особыхъ.

Въ 4-хъ содержаніе должно быть равно содержанію помощниковъ секретарей, но назначать его лишь тѣмъ, кои будутъ командированы для приготовленія къ слѣдовательской должности, тѣже, кои пожелаютъ остаться при судебномъ установле-

ніи, получаютъ меньшее примѣрно на половину содержаніе. Для этихъ послѣднихъ кандидатовъ остаются открытыми лишь канцелярскія должности.

Въ 5-хъ для чиновъ канцелярій должности слѣдователей должны быть открыты только при условіи занятія должности не ниже секретаря окружнаго суда въ теченіи извѣстнаго срока. Это послѣдніе наше предположеніе вызывается какъ необходимостью открыть движеніе въ канцелярскихъ должностяхъ, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что лицо пробывшее въ должности секретаря уголовнаго суда болѣе или менѣе продолжительное время можетъ довольно близко ознакомиться съ пріемами слѣдственной дѣятельности, каковое знакомство до нѣкоторой степени и можетъ восполнить недостатокъ личной опытности.

Рѣшившись высказать нашъ взглядъ на дѣло образованія личнаго состава судебныхъ слѣдователей, мы во все не имѣли въ виду предлагать какой либо проектъ по этому предмету. Наша задача вполнѣ скромная. Мы только хотѣли установить тѣ точки отправленія, которыя, по нашему мнѣнію, болѣе или менѣе обезпечиваютъ желательное разрѣшеніе вопроса. И въ этомъ отношеніи намъ кажется, что такое или другое устройство способовъ подготовленія къ слѣдственной дѣятельности, представляется крайне необходимымъ. Съ разрѣшеніемъ же этого вопроса устранится, сама собою, всякое побужденіе къ непримѣненію основныхъ началъ судебныхъ учрежденій къ институту слѣдственному. Что же касается до настоящаго состава судебныхъ слѣдователей, то если и справедливы опасенія насчетъ возможности не желаемыхъ, въ интересахъ дѣла, послѣдствій отъ утвержденія нашихъ молодыхъ и недостаточно опытныхъ слѣдователей,—опасенія эти не имѣютъ мѣста въ отношеніи тѣхъ судебныхъ слѣдователей, кои продолжительною службою вполнѣ доказали свою опытность и знаніе въ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ утвержденіи такихъ слѣдователей слѣдуетъ видѣть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ закрѣпленію привязанности къ дѣлу лучшихъ силъ нашего слѣдственнаго института.

IV.

На основаніи учрежденія Суд. Уст. предметы занятій прокурорскаго надзора (ст. 135) ограничиваются дѣлами судебнаго вѣдомства. Такое точное отграниченіе области для дѣятельно-

сти прокуратуры, вполнѣ соотвѣтствующее современному ученію объ учрежденіи прокурорскаго надзора, безспорно, представляется весьма важнымъ и въ смыслѣ установленія возможности самаго серьезнаго выполненія прокуратурою своего назначенія, какъ органа охраненія закона и власти обвинительной. Тѣмъ не менѣе позднѣйшія реформы нашего времени значительно расширили кругъ дѣятельности прокуратуры, давъ ей мѣсто даже за предѣлами области точно опредѣленной въ 135 ст. Учр. Суд. Уст. Такъ,—согласно волѣ законодателя прокуратура участвуетъ и въ дѣлахъ объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей въ губернскихъ правленіяхъ и въ дѣятельности губернскихъ по крестьянскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, о воинской повинности и въ дѣлахъ о назначеніи опекъ надъ почетными гражданами и купцами за расточительность. Спрашивается: какое значеніе имѣетъ дѣятельность прокуратуры въ указанныхъ учрежденіяхъ? Каждое изъ исчисленныхъ учрежденій является высшимъ мѣстнымъ управленіемъ по завѣдыванію дѣлами имъ подвѣдомственными. Въ каждомъ изъ сихъ учрежденій на правахъ члена присутствія и на равнѣ съ другими членами присутствуетъ представитель прокуратуры. Такимъ образомъ здѣсь прокуратурѣ не предоставляется правъ свойственныхъ ея прямому назначенію: правъ надзора и власти обвинительной; надзоръ и высшее завѣдываніе дѣлами принадлежитъ самымъ учрежденіямъ, въ коихъ присутствуютъ представители прокуратуры. Очевидно, что участіе прокуратуры въ дѣятельности разсматриваемыхъ учрежденій не есть расширеніе собственно вѣдомства ея, какъ органа судебной власти. По видимому, привлеченіе прокуратуры къ участію въ дѣятельности, чуждыхъ ея прямому назначенію сферъ, объясняется обнаруживающимся стремленіемъ законодательства къ установленію такой системы высшаго мѣстнаго управленія и надзора за ходомъ дѣлъ вѣдомства вышеуказанныхъ учрежденій, которою частію въ замѣнъ единоличной власти представителей высшей мѣстной административной власти, частію въ замѣнъ сосредоточенія сихъ дѣлъ въ вѣдомствѣ одного мѣстнаго административнаго управленія, въ его, такъ сказать, чистомъ видѣ, вводится начало коллегіальности на основаніи участія совокупности болѣе или менѣе независимыхъ органовъ мѣстнаго управленія и представительства отдѣльныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ. Такъ — участіе напримѣръ управляющаго государственными имуществами въ губерн. по

крест. дѣламъ присутствіи или воинскаго начальника въ присутствіи по воинской повинности и управляющаго казенною палатою и предсѣдателя земской управы въ присутствіи по городскимъ дѣламъ, — весьма легко объясняется, то однородностью непосредственно подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, то соприкосновеніемъ дѣятельности ихъ вѣдомства съ дѣлами завѣдуемыми разсматриваемыми учрежденіями. И въ томъ и другомъ случаѣ представители означенныхъ вѣдомствъ являются не только вполнѣ свѣдущими членами подходящей спеціальности, но отчасти даже и заинтересованными въ правильномъ ходѣ дѣлъ. Правда и для спеціальности прокуратурѣ, какъ технику въ судебномъ дѣлѣ, есть нѣкоторое примѣненіе въ разсматриваемыхъ учрежденіяхъ: Такъ,—губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ принадлежатъ между прочимъ и права судебной власти, другимъ право возбужденія преслѣдованія за злоупотребленія и упущенія. Но тѣмъ неменѣе нельзя не признать, что все таки наибольшая сумма вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства разсматриваемыхъ учрежденій, и неимѣющихъ ничего общаго съ судебнымъ дѣломъ, своею массою далеко превосходитъ сумму вопросовъ прокурорской спеціальности. Кажется, что на постоянное участіе прокуратуры въ разсматриваемыхъ присутствіяхъ слѣдуетъ смотрѣть, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія образованія просто хорошей коллегіи, обладающей запасомъ дѣятельныхъ и свѣдущихъ силъ. На такомъ именно заключеніи практика провинціальной прокуратуры и остановилась. И затѣмъ, оставаясь вѣрною своему индеферентизму и руководясь соображеніемъ—безъ насъ много,—провинціальная прокуратура, въ концѣ концовъ, отказалась даже и отъ пользованія честью участвовать въ образованіи хорошей коллегіи, для высшаго завѣдыванія важнѣйшими отраслями мѣстнаго управленія. Въ большинствѣ случаевъ, кромѣ личнаго своего присутствія, во всемъ разнообразіи своего личнаго состава, провинціальная прокуратура ничего не вноситъ въ дѣятельность разсматриваемыхъ учрежденій, ничего и не извлекаетъ изъ нихъ: до такой степени вяло, поверхностно и безъ всякаго интереса къ дѣлу отправляется прокуратурою эта обязанность. Между тѣмъ дѣятельное и серьезное отношеніе прокуратуры къ исполненію разсматриваемой обязанности, не лишено нѣкоторыхъ весьма важныхъ послѣдствій не только въ сферѣ успѣха дѣятельности самыхъ учрежденій, въ коихъ, на правахъ члена, присутствуютъ

представители прокуратуры, но и въ сферѣ прямого назначенія прокуратуры. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что успѣхъ дѣятельности разсматриваемыхъ учрежденій столько же нуждается въ серьезности и основательности мнѣній высказываемыхъ членами, при постановленіи опредѣленій, сколько и въ независимости сужденій членовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что прокуратура, привыкшая къ обращенію съ закономъ, усвоившая и всѣ необходимые пріемы для правильнаго истолкованія его, и, въ тоже время, будучи по преимуществу независимою отъ мѣстной высшей административной власти, предсѣдательствующей въ разсматриваемыхъ учрежденіяхъ,—прокуратура, говоримъ мы, можетъ приносить и преимущественную пользу дѣлу, если только она интересуется имъ и сознаетъ дѣйствительное значеніе роли ей принадлежащей. Наша высшая мѣстная административная власть еще не привыкла къ независимости сужденій органовъ невходящихъ въ кругъ ея вѣдомства и въ тоже время призванныхъ къ участію вмѣстѣ съ нею въ дѣлѣ высшаго завѣдыванія дѣлами разсматриваемыхъ учрежденій. Щепетильность и нѣкоторая нетерпимость предсѣдателей въ отношеніи мнѣній высказываемыхъ членами разсматриваемыхъ присутствій извѣстна всѣмъ, кому приходилось участвовать въ засѣданіяхъ этихъ присутствій. Прокуратурѣ, по всей справедливости, долженъ принадлежать починъ въ дѣлѣ независимости своихъ сужденій въ разсматриваемыхъ учрежденіяхъ. Эта независимость, будучи весьма полезною для самаго дѣла, въ тоже время, была бы вполнѣ послѣдовательною по отношенію къ независимости дѣятельности прокуратуры въ сферѣ ея прямого назначенія. Принимая пассивную роль въ дѣятельности разсматриваемыхъ учрежденій, относясь безразлично къ исходу разрѣшаемыхъ въ нихъ дѣлъ, прокуратура не приноситъ пользы и для независимости своей въ области своего прямаго назначенія, такъ какъ только такая независимость авторитетна, которая проявляется одинаково во всѣхъ условіяхъ независимой дѣятельности. Двойственность же положенія, усвоеннаго провинціальною прокуратурою, вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопріятно отражается и вообще на положеніи прокуратуры въ краѣ, съ одной стороны вслѣдствіе того, что даетъ основаніе къ неправильному истолкованію и пониманію въ обществѣ ея независимаго призванія въ сферѣ прямого своего назначенія, а съ другой умаляетъ самое значеніе прокуратуры, какъ мѣстной власти, призванной къ участію въ дѣлѣ управле-

нія весьма важными отраслями мѣстной общественной дѣятельности, оставляя въ сознаніи общества, въ сущности, невѣрное и преувеличенное понятіе на счетъ исключительнаго вліянія мѣстной высшей административной власти на ходъ разсматриваемыхъ дѣлъ. Въ провинціальной жизни, въ которой самыя мелочныя обстоятельства ея дѣлаются предметомъ всеобщаго интереса и толковъ, такія явленія, какъ горячее участіе прокуратуры въ занятіяхъ разсматриваемыхъ присутствій, ея независимость, а особливо нѣкоторое вліяніе на ходъ дѣлъ, — не могутъ остаться не замѣченными, въ виду того общественнаго интереса который соединяется съ дѣятельностью разсматриваемыхъ учрежденій. Все это не можетъ остаться безъ значенія для общаго положенія прокуратуры въ краѣ, а слѣдовательно и для общественныхъ симпатій и довѣрія къ прокуратурѣ, столь необходимыхъ для успѣховъ ея дѣятельности. Само собою разумѣется, что явленіе и противоположнаго направленія дѣятельности прокуратуры, въ разсматриваемой области, также не остается безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій. Но независимо этого, болѣе или менѣе постоянное и близкое участіе прокуратуры въ занятіяхъ разсматриваемыхъ учрежденій важно и въ другомъ отношеніи: оно посвящаетъ прокуратуру во всѣ почти пружины мѣстнаго управленія, знаніе которыхъ, соединенное съ широкимъ поприщемъ наблюденія за всѣмъ ходомъ ихъ развитія и видоизмѣненій, не могло бы имѣть мѣста безъ участія прокуратуры въ дѣятельности разсматриваемыхъ учрежденій. Такое знаніе далеко не безполезно для прямаго назначенія прокуратуры, давая ей возможность обстоятельнаго и ближайшаго обсужденія, въ каждомъ данномъ случаѣ, всѣхъ условій, вызвавшихъ предлежащій вопросъ и способствующихъ къ правильному его разрѣшенію, въ интересахъ общественнаго спокойствія и справедливости. Въ качествѣ ординарной обвинительной власти въ краѣ для прокуратуры небезполезно сосредоточеніе у себя возможно большихъ свѣдѣній о нарушеніи уголовнаго закона, хотя бы послѣднее проявлялось и не въ области общихъ преступленій частныхъ лицъ. Такое сосредоточеніе указанныхъ свѣденій тѣмъ болѣе желательно, что оно соотвѣтственно съ достоинствомъ прокуратуры, и обусловливается не системою розыска, не всегда приводящаго къ желаемымъ результатамъ и часто вреднаго для довѣрія къ прокуратурѣ, а простымъ и непосредственнымъ ея наблюденіемъ, благодаря расширенію самой

сферы дѣятельности. При этомъ нѣкоторымъ изъ разсматриваемыхъ учрежденій принадлежитъ и право возбужденія преслѣдованія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и преданія суду. Такимъ образомъ, при условіи участія въ тѣхъ учрежденіяхъ самой прокуратуры, правильное разрѣшеніе указанныхъ вопросовъ становится въ наиболѣе благопріятныя условія.

Таковыми чертами, по нашему мнѣнію, опредѣляется назначеніе прокуратуры въ системѣ мѣстнаго управленія, осуществляемаго дѣятельностью вышеисчисленныхъ учрежденій. Что касается до общихъ преступленій частныхъ лицъ, то въ семъ отношеніи прокуратура является вполнѣ компетентною для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о возбужденіи преслѣдованія. Въ рукахъ прокуратуры сосредоточены всѣ ординарные поводы, коими по закону обусловливается законность и достаточность основанія для преслѣдованія, и въ этой области дано вполнѣ опредѣленное мѣсто и значеніе и началу личнаго усмотрѣнія по имѣющимся у прокуратуры свѣденіямъ (297, 311, 312 ст.) Этою стороною своей дѣятельности прокуратура становится въ самыя непосредственныя отношенія къ обществу, всею своею властью. Поэтому мы и остановимся на ней, но замѣтимъ, прежде всего, что если провинціальная прокуратура не заявила особенной чуткости и должной энергіи въ дѣлѣ возбужденія преслѣдованія по непосредственному усмотрѣнію, то въ дѣлѣ возбужденія преслѣдованія по другимъ поводамъ, указанныхъ въ законѣ, (297 ст.), когда они сосредоточиваются въ ея рукахъ, прокуратура выказываетъ такую степень строгости и неосмотрительности, которая далеко не соотвѣтствуетъ ни разумнымъ цѣлямъ преслѣдованія, ни началу свободнаго и самостоятельнаго обсужденія достоинства предъявляемыхъ поводовъ. Мы хотимъ сказать, что, сколько намъ извѣстно, прокуратура слишкомъ пассивно относится къ такъ называемымъ законнымъ поводамъ преслѣдованія и нерѣдко уклоняется даже отъ обсужденія тѣхъ условій достаточности основанія къ преслѣдованію, кои указаны въ Суд. Уст., а прямо возбуждаетъ предварительное слѣдствіе. Результаты такой неразборчивости обыкновенно обнаруживаются весьма скоро, такъ какъ поспѣшно сдѣланныя предложенія о производствѣ предварительнаго слѣдствія влекутъ за собою весьма часто направленіе послѣднихъ по 277 ст. Уст. Угол. Суд; если же такія слѣдствія и доводятся до конца, (то самой же прокуратурѣ приходится писать

по нимъ заключенія о прекращеніи. Такой порядокъ дѣйствій провинціальной прокуратуры, очевидно, является и весьма обременительнымъ для судебныхъ слѣдователей, увеличивая непроизводительно массу производствъ, и безъ того достаточную, чтобы занять все время дѣятельности слѣдователей. Между тѣмъ при другомъ направленіи обвинительной власти прокуратуры, при большей осмотрительности въ обсужденіи поводовъ къ преслѣдованію, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ на такое обсужденіе прокуратура уполномочена закономъ (303 ст.), весьма многія изъ поступающихъ къ ней поводовъ преслѣдованія и не вызвали бы производства предварительнаго слѣдствія, подчинившись судьбѣ предначертанной въ 309 ст. Уст. У. С. Помимо непосредственныхъ распоряженій о примѣненіи въ подлежащихъ случаяхъ 309 ст., для прокуратуры, по нашему мнѣнію, представляется весьма удобною практика прадварительнаго производства дознаній (за исключеніемъ случая въ 303 ст. указаннаго), которыя за тѣмъ, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и поступали бы къ слѣдователямъ, но такъ какъ поступленіе сихъ дознаній отъ полиціи не исключаетъ примѣненія 309 ст., то эта послѣдняя статья и могла бы примѣняться въ потребныхъ случаяхъ въ замѣнъ производства предварительнаго слѣдствія неизбѣжнаго въ случаяхъ предложеній о томъ прокурорскаго надзора, а слѣдовательно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда поступающіе къ прокуратурѣ поводы къ преслѣдованію послѣднею препровождаются непосредственно къ слѣдователямъ.Излишество допускаемое провинціальною прокуратурою въ практикованіи предварительныхъ слѣдствій явствуетъ еще и изъ слѣдующаго. По закону безусловное предписаніе о производствѣ предварительныхъ слѣдствій относится лишь къ преступленіямъ судимымъ судомъ присяжныхъ; для преступленій же подлежащихъ сужденію однихъ коронныхъ судей производство предварительныхъ слѣдствій ставится въ зависимость отъ полноты данныхъ для преслѣдованія заключающихся въ обстоятельствахъ дѣла при самомъ вступленіи его къ прокуратурѣ. Провинціальная прокуратура почти не практикуетъ этого важнаго закона и въ большинствѣ случаевъ, безъ всякой надобности, возбуждаетъ производство предварительныхъ слѣдствій, хотя по роду преступленія, по полнотѣ данныхъ дѣла, гораздо легче и проще было бы прямо предложить суду обвинительный актъ, не обременяя судебныхъ слѣдователей. Къ числу дѣлъ, подлежащихъ сужденію

однихъ коронныхъ судей, по коимъ прокуратура почти постоянно практикуетъ производство предварительныхъ слѣдствій, принадлежатъ даже и такія, въ коихъ событіе преступленія удостовѣряется формальными актами.

Само собою разумѣется, что такое направленіе провинціальной прокуратуры объясняется совокупностью тѣхъ условій, кои создали ея умственную вялость, привычку къ рутинѣ и формализму. Этими же качествами, можно объяснить и отсутствіе всякой инціативы въ возбужденіи преслѣдованія по непосредственному усмотрѣнію. Въ этомъ отношеніи у провинціальной прокуратуры существуетъ даже особая традиція бездѣйствія, основывающаяся на слѣдующемъ простомъ разсужденіи: для дѣйствительно совершившихся преступленій, хотя бы они болѣе или менѣе продолжительное время оставались въ безгласности, рано или поздно появится законный поводъ къ изслѣдованію, поэтому вмѣшательство прокуратуры въ возбужденіи подобныхъ дѣлъ по собственному непосредственному усмотрѣнію въ сущности ничего не прибавляетъ къ дѣлу обнаруженія преступленій. Конечно такія разсужденія слѣдуетъ признать вполнѣ нравственными, въ нихъ обнаруживается вѣра провинціальной прокуратуры въ торжество добродѣтели и неизбѣжной наказуемости порока и преступленія, но они крайне не практичны и несогласны съ положительнымъ закономъ. Провинціальная прокуратура забываетъ, что не только въ массахъ, но и въ классахъ нашей интеллигенціи, возбужденіе дѣла о преступленіи даже чрезъ простое формальное объявленіе о томъ—считается слишкомъ непріятнымъ и даже небезопаснымъ. Сами потерпѣвшіе иногда не рѣшаются возбуждать дѣла, а тѣмъ болѣе указывать и доказывать виновность подозрѣваемаго, изъ за страха передъ послѣдствіями за недоказанное обвиненіе передъ самими подозрѣваемыми. Такая осторожность и замкнутость массы стоитъ въ прямомъ отношеніи къ важности преступленія и личности подозрѣваемой. Что же касается до классовъ нашей провинціальной интеллигенціи, то для нихъ препятствіемъ къ исполненію обязанности доносить о преступленіяхъ и содѣйствовать, а не противодѣйствовать обнаруженію преступленія, кромѣ многихъ другихъ причинъ, лежащихъ въ нравственномъ развитіи и сословныхъ традиціяхъ,—служитъ еще и какая то брезгливость къ судебнымъ дѣламъ, вызываемая необходимостью явокъ въ судъ и унизительнымъ, по ихъ понятіемъ, положеніемъ свидѣтеля.

Обыкновенно говорятъ, что дѣла подобныя Мясниковскому, Овсянниковскому, банкротству Московскаго Ссуднаго Банка и др. суть достояніе большихъ и столичныхъ центровъ; провинція не можетъ дать подобныхъ дѣлъ. Мы согласны, что со стороны размѣровъ и грандіозности обстановки подобныя дѣла не свойственны провинціи. Но не въ размѣрахъ дѣла: и въ провинціи также жгутъ, дѣлаютъ подлоги и расхищаютъ общественныя суммы, какъ и въ столицахъ. Условія провинціальной жизни съ ея неразвитыми массами, съ перепутанными взаимными связями членовъ общества, при отсутствіи бдительности власти, только благопріятствуютъ, а не противодѣйствуютъ совершенію подобныхъ указанныхъ преступленій. Что касается до полиціи, то она, даже менѣе чѣмъ частныя лица, обладаетъ доблестью прямой и энергической обличительной дѣятельности. Остается одна независимая прокуратура, которая только и можетъ содѣйствовать успѣху преслѣдованія провинціальныхъ преступленій, по своему личному усмотрѣнію, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, не смотря на совершеніе преступленія, не является внѣшняго формальнаго повода къ преслѣдованію. Впрочемъ, говоря о возбужденіи преслѣдованія по непосредственному усмотрѣнію прокуратуры и находя, что въ этой области своей дѣятельности прокуратура провинціальная нѣсколько уклонилась отъ предначертаннаго ей назначенія, мы должны замѣтить, что крайность и односторонность одинаково вредны для дѣятельности прокуратуры, поэтому если бездѣйствіе прокуратуры вредно для общественнаго спокойствія, то столь же вредна и излишняя энергія въ дѣлѣ возбужденія преслѣдованія, особливо по непосредственному усмотрѣнію, которому обыкновенно предшествуетъ собираніе свѣденій и т. д. Такимъ образомъ, мы вовсе не рекомендуемъ прокуратурѣ, ни роли подслушивателя, ни роли отважнаго неосмотрительнаго возбудителя преслѣдованія по однимъ только догадкамъ и предположеніямъ. Все это можетъ только уронить прокуратуру въ общественномъ мнѣніи, не принося никакой пользы дѣлу охраненія общественнаго порядка. Напротивъ, мы рекомендуемъ прокуратурѣ провинціальной лишь отказаться отъ своего традиціоннаго воззрѣнія на дѣятельность возбужденія преслѣдованія по непосредственному усмотрѣнію, и затѣмъ рекомендуемъ строгую осмотрительность даже въ самыхъ способахъ употребляемыхъ для собиранія необходимыхъ свѣдѣній. Самъ законъ рекомендуетъ эту осмотрительность (312 ст.) и

практику негласнаго дознанія, но, конечно и отъ осмотрительности въ дѣлѣ возбужденія преслѣдованія, до совершеннаго бездѣйствія въ этомъ отношеніи, огромное пространство. Осмотрительность, въ смыслѣ всесторонняго обсужденія основаній къ преслѣдованію, нужна и при наличности, такъ называемыхъ, законныхъ поводовъ, поступающихъ къ прокуратурѣ въ видѣ жалобъ, объявленій, повинныхъ и т. д. (298, 299, 300, 303, 310 ст.) Безусловная обязательность, какъ поводъ къ преслѣдованію, признается по закону лишь за жалобами (303). Но и здѣсь для прокуратуры остается достаточно свободы для обсужденія весьма важныхъ вопросовъ, обусловливающихъ преслѣдованіе. Такъ безъ сомнѣнія, только такая жалоба признается за безусловно законный поводъ къ преслѣдованію, когда въ ней заключается указаніе на событіе, заключающее въ себѣ признаки преступленія; равнымъ образомъ и при существованіи такого указанія, остается разрѣшить вопросы о подсудности, о томъ не погашается ли преступленіе какими-либо законными причинами погашенія преслѣдованія: давности и т. д. Все это тѣ предварительные вопросы, разрѣшеніе которыхъ безусловно обязательно самой прокуратурѣ, прежде самаго возбужденія преслѣдованія. Между тѣмъ практика провинціальной прокуратуры до такой степени буквально и односторонне усвоила себя 303 ст., что признавала за нею не только безусловно законный поводъ къ слѣдствію, но даже и къ привлеченію въ качествѣ обвиняемыхъ всѣхъ тѣхъ лицъ, на коихъ указывали жалобщики, безъ всякаго обсужденія степени достаточности основаній къ подозрѣнію. Намъ припоминается одинъ оригинальный случай, когда намъ довелось въ 1873 г. видѣть огромное производство по дѣлу о кражѣ, начавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ у одного изъ провинціальныхъ слѣдователей, но еще неоконченное. Дѣло это замедлялось въ своемъ движеніи потому что потерпѣвшій постоянно мѣнялъ лицъ, на коихъ падало его подозрѣніе; слѣдователь же, руководимый участковымъ товарищемъ прокурора, всѣхъ этихъ лицъ привлекалъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, обвиняемыхъ оказалось великое множество, противъ всѣхъ ихъ были приняты разныя подписки о неотлучкѣ и т. д. и если бы дѣло это не было прекращено во время, то потерпѣвшій, вѣроятно, дошелъ бы до подозрѣнія самаго слѣдователя или товарища прокурора. Любопытно, — какъ бы тогда они поступили! Такая практика провинціальной прокуратуры, а за ни-

ми и слѣдователей, по примѣненію 303 ст. Уст. Угол. Суд., устранена въ настоящее время циркуляромъ Министерства Юстиціи, разъяснившимъ, чтъ актъ привлеченія къ слѣдствію есть дѣло самостоятельности прокуратуры и слѣдователей, а не произвола и певѣденія лицъ потерпѣвшихъ. Не ясно ли до какой степени вяла умственная жизнь провинціальной прокуратуры, чтобы для такого разъясненія смысла яснаго закона, нужны были циркуляры Министерства: сама провинціальная прокуратура не могла додуматься, что 303 ст., говоритъ только о производствѣ слѣдствія, о привлеченіи же къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ говоритъ 396 ст.

Таковы общія черты дѣятельности провинціальной прокуратуры въ области возбужденія преслѣдованія. Дѣйствуя какъ выше мы указали, въ духѣ удовлетворенія требованій лицъ, обращающихся къ прокуратурѣ о преслѣдованіи, сія послѣдняя, въ сущности, конечно, не является точною выполнительницею своего назначенія въ разсматриваемой области, имѣющей чрезвычайно важное назначеніе по отношенію къ идеѣ охраненія общественнаго спокойствія и личной неприкосновенности. Тѣмъ не менѣе указанное направленіе прокуратуры не лишено послѣдствій и другаго рода. На первый разъ представляется нѣсколько страннымъ, однако мы должны признать, что указанное направленіе провинціальной прокуратуры способствуетъ популяризованію ея въ мнѣніи массы, какъ органа, вполнѣ доступнаго и въ тоже время властнаго для удовлетворенія требованій отдѣльныхъ членовъ ея о преслѣдованіи. Эта популярность прокуратуры, въ сознаніи массы, рѣзко выдѣляетъ прокуратуру отъ слѣдователей. Конечно, меньшая, такъ—сказать, высота положенія слѣдователей въ глазахъ не только массы, но и всего общества, обусловливается главнымъ образомъ самымъ свойствомъ ихъ дѣятельности, болѣе непосредственнымъ отношеніемъ ихъ къ жизни, а также и вообще неправильною постановкою этого института на практикѣ. Но нельзя не замѣтить, что въ созданіи убѣжденія массы относительно большей властности прокуратуры, а также и большаго довѣрія къ ней, немалое значеніе принадлежитъ разницѣ направленія прокуратуры отъ направленія слѣдователей въ разсматриваемой области. По закону у слѣдователей стекаются всѣ поводы къ слѣдствію, указанные въ 297 ст. Но для слѣдователей далеко небезразлично являться угодниками даже иногда неосновательныхъ требованій частныхъ лицъ о преслѣдованіи и отказаться

отъ строгаго и всесторонняго обсужденія, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопроса о достаточности основаній къ производству слѣдствія. Кромѣ одинаково обязательныхъ, какъ для прокуратуры, такъ и для слѣдователей, предписаній закона, для слѣдователей, вопросъ о производствѣ предварительныхъ слѣдствій, въ тоже время, имѣетъ важное практическое значеніе; добровольное принятіе лишней и часто непроизводительной работы производства предварительныхъ слѣдствій, конечно, не можетъ входить въ кругъ интересовъ судебныхъ слѣдователей. Отсюда дѣлается вполнѣ понятною большая строгость слѣдователей при обсужденіи поводовъ и основаній къ производству преслѣдованія и предварительнаго слѣдствія вообще, что, въ свою очередь, и вліяетъ на меньшую ихъ популярность въ мнѣніи массы. Прокуратура находится въ другихъ условіяхъ; слѣдствія производитъ не она, поэтому и тяжесть положенія, создаваемаго непроизводительнымъ производствомъ слѣдствія, сознается ею менѣе, чѣмъ слѣдователями; даже болѣе,—распоряженіе, о производствѣ предварительнаго слѣдствія гораздо легче, чѣмъ обсужденіе законности и основательности поводовъ къ преслѣдованію и разработка мотивовъ къ отказу, если бы это оказалось нужнымъ. Далѣе, сообщеніемъ своего предложенія о производствѣ предварительнаго слѣдствія прокуратура выполняетъ первую и самую важную свою обязанность въ отношеніи тѣхъ, кто къ ней обратился съ требованіемъ о преслѣдованіи; все дальнѣйшее въ ходѣ дѣла не можетъ вполнѣ зависѣть отъ нея; здѣсь выступаетъ власть слѣдователя, суда и судебной палаты. Такимъ образомъ, всякая неудача въ преслѣдованіи или въ прекращеніи дѣла, когда и то и другое не удовлетворяетъ лицъ заинтересованныхъ, не относится къ винѣ прокуратуры, а всею своею тяжестію падаетъ на указанныя учрежденія. Что же касается до условій, при которыхъ создается въ сознаніи массы понятіе о властности прокуратуры въ разсматриваемой области, то они заключаются въ томъ, что предложенія прокуратуры, будучи обязательными для слѣдователей, всегда, влекутъ и за собою производство слѣдствія и что предложенія эти поступаютъ къ слѣдователямъ иногда по такимъ дѣламъ, по которымъ предъ тѣмъ уже къ слѣдователямъ обращались лица, заинтересованныя въ преслѣдованіи. Такимъ образомъ въ сознаніи массы и создается понятіе какъ бы о подчиненности слѣдователей прокуратурѣ. Въ практикѣ сочинителей просьбъ и жалобъ для простолюдиновъ выработа-

лось даже своеобразная форма обращенія къ прокуратурѣ, мѣтко характеризующая указанное пониманіе отношеній слѣдователей къ прокуратурѣ. Въ такихъ просьбахъ обыкновенно выражаются: „посему, обращаясь къ особѣ Вашего Высокородія, прошу *приказать кому слѣдуетъ* произвести предварительное разслѣдованіе по законамъ уголовнымъ и меня удовлетворить." Вотъ на какихъ основаніяхъ покоится популярность провинціальной прокуратуры. Безспорно, что популярность и довѣріе къ прокуратурѣ суть столь необходимыя условія успѣха выполненія ея важнаго назначенія, что чѣмъ шире они охватываютъ мѣстное населеніе, тѣмъ успѣшнѣе осуществляется дѣятельность прокуратуры. Желательно, поэтому, чтобы популярность и довѣріе къ прокуратурѣ проявлялись не только со стороны массы, но и со стороны, общественной интеллигенціи. Но, конечно, для этого нужно такое проявленіе дѣятельности прокуратуры, которое бы какъ можно ближе соотвѣтствовало началамъ, предначертаннымъ судебными уставами. Для прокуратуры нужна не эта шаткая, основанная на недоразумѣніи массы, популярность, а та, которая коренится въ ясномъ сознаніи общества, что прокуратура является истинною охранительницею общественнаго спокойствія и неприкосновенности правъ отъ преступныхъ посягательствъ. Такая популярность будетъ вполнѣ соотвѣтствовать и той пользѣ, которую прокуратура можетъ принести въ области своей дѣятельности. Идея этого, такъ сказать, охранительнаго назначенія прокуратуры такъ ей свойственна, что, не смотря на всѣ уклоненія ея отъ предначертаннаго совершенства, все-таки эта идея несомнѣнно, болѣе или менѣе, проявляется въ дѣятельности прокуратуры и сознается населеніемъ, которое такъ или иначе, въ такой или другой формѣ, постоянно и настоятельно предъявляетъ къ ней свои требованія. Правда, въ характерѣ такихъ требованій можно усмотрѣть нѣкоторое различіе, смотря по источнику, откуда они исходятъ; но это различіе нисколько не измѣняетъ существа сознанія населенія объ охранительномъ назначеніи прокуратуры, ибо если масса свои требованія къ прокуратурѣ простираетъ даже за предѣлы законныхъ полномочій ея, то дѣйствительно интеллигентные слои общества, не предъявляя такихъ широкихъ требованій, вполнѣ сознаютъ всю пользу расширенія компетенціи прокуратуры въ области преслѣдованія. Это чрезвычайно важное явленіе въ общемъ ходѣ дѣла охраненія неприкосновенности правъ и общественнаго

спокойствія; въ немъ съ достаточною ясностію обнаруживается, что по общественному сознанію начала преслѣдованія не осуществляются въ размѣрахъ дѣйствительной въ томъ надобности. Такъ, масса настоятельно обращается къ прокуратурѣ съ заявленіями объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ въ дѣятельности должностныхъ лицъ. Въ такихъ заявленіяхъ не рѣдкость находить свѣдѣнія о томъ, что заявитель уже обращался къ надлежащему начальству, но не получилъ удовлетворенія; не рѣдкость встрѣтить въ такихъ заявленіяхъ и указанія на то, что только отъ прокуратуры и ожидается законное удовлетвореніе. Въ большинствѣ случаевъ всѣ такія заявленія или отклоняются прокуратурою или удовлетворяются лишь въ смыслѣ передачи ихъ подлежащему начальству; тѣмъ не менѣе масса не убѣждается въ безполезности своихъ требованій и считаетъ неудовлетвореніе ихъ какъ бы случайнымъ. Не трудно согласиться въ томъ, что дѣйствительно интеллигентная часть общества не только видитъ, но и сознаетъ всю неудовлетворительность такого порядка вещей. Правда, мы знаемъ одного предсѣдателя окружнаго суда, который, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, въ качествѣ потерпѣвшаго отъ нанесеннаго ему оскорбленія частнымъ лицемъ съ своею жалобою о томъ обратился не къ прокурору, а къ губернатору, но конечно такой случай можно объяснить только помраченнымъ сознаніемъ, вслѣдствіе неожиданности и унизительности совершеннаго надъ нимъ преступленія. Равнымъ образомъ изъ суммы лицъ, сознающихъ неудовлетворительность существующаго порядка преслѣдованія за преступленія должности слѣдуетъ исключить всѣхъ тѣхъ, кои, благодаря этому порядку и вслѣдствіе безсилія прокуратуры въ дѣлѣ преслѣдованія, могутъ пользоваться такимъ ненормальнымъ явленіемъ, освящая безнаказанность и произволъ. Говоря о дѣлахъ по преступленіямъ должности, мы должны замѣтить, что исключительное положеніе ихъ въ отношеніи порядка возбужденія преслѣдованія въ результатахъ своихъ дѣйствительно представляется далеко неудовлетворительнымъ. Находя съ своей стороны вполнѣ правильнымъ, съ точки зрѣнія общественнаго сознанія, требованія объ измѣненіи существующаго порядка, мы тѣмъ не менѣе далеки отъ мысли о какихъ либо радикальныхъ измѣненіяхъ закона въ разсматриваемой области. Напротивъ, намъ кажется, что и существующій порядокъ, при правильномъ его примѣненіи, можетъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворить требова-

ніямъ общественнаго сознанія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что болѣе или менѣе значительное количество злоупотребленій, въ особенности со стороны такихъ органовъ власти, которые, по свойству своей дѣятельности слишкомъ близко стоятъ къ разнообразнымъ сторонамъ жизни населенія, неисключая и самыхъ важныхъ и самыхъ мелкихъ проявленій, не можетъ остаться безъ вліянія на общественное сознаніе о необходимости немедленнаго и энергическаго искорененія зла. Съ точки зрѣнія общественнаго сознанія весьма естественными представляются даже увлеченія и преувеличенія въ сужденіяхъ о самомъ порядкѣ преслѣдованія за преступленія должности, когда съ существованіемъ такого порядка не соединяется наступленіе тѣхъ результатовъ, кои клонились бы къ охраненію неприкосновенности правъ общества. Дѣйствительно, если посмотрѣть на дѣло преслѣдованія за преступленіе должности со стороны только этихъ результатовъ, то можно подумать, что наши провинціальныя напр. полицейскія и крестьянскія власти едва ли не образцы благонамѣренности и точнаго выполненія своихъ обязанностей. Но съ другой стороны, мы не можемъ не признать, что въ дѣлѣ неудовлетворительнаго состоянія преслѣдованія въ области преступленій должности небезучастна и сама провинціальная прокуратура, которая слишкомъ узко и односторонне поняла законъ, а затѣмъ и слишкомъ безучастно отнеслась къ дѣлу преслѣдованія. Провинціальная прокуратура дѣятельность свою въ разсматриваемой области исключительно сосредоточила только на поддержаніи обвиненія передъ судомъ всецѣло устранивъ себя изъ области самаго возбужденія преслѣдованія за преступленія должности, какъ области вполнѣ чуждой ея компетентности. Едва ли такой взглядъ правиленъ. Если нельзя отвергать, что разрѣшеніе вопроса о преслѣдованіи за преступленія должности въ принципѣ составляетъ область компенентности начальства обвиняемыхъ, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что возбужденіе вопроса о преслѣдованіи, сообщеніе матеріаловъ необходимыхъ для разрѣшенія этого вопроса, даже собираніе такихъ матеріаловъ,—путемъ ли личнаго наблюденія, или не гласнаго дознанія, когда къ тому представляется достаточное основаніе,—есть прямая компетентность прокуратуры, пока она не лишена значенія единственной ординарной обвинительной власти въ краѣ дѣйствующей въ интересахъ общественнаго спокойствія и призванной къ охраненію неприко-

сновенности правъ. При такомъ пониманіи закона и роли прокуратуры въ дѣлѣ возбужденія преслѣдованія за преступленія должности, — беззащитность общества значительно умаляется. Что слишкомъ буквальное и узкое истолкованіе закона, оторванное отъ соображенія общихъ началъ назначенія прокуратуры, не соотвѣтствуетъ разуму и цѣли самаго закона, это разъяснилъ и Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніяхъ соединеннаго присутствія по дѣламъ Пересыпкина и становаго пристава Курской губ. Михеева, въ которыхъ Правительствующій Сенатъ признавъ за прокуратурою даже право на начатіе предварительнаго слѣдствія за преступленія должности, не ожидая согласія на то начальства обвиняемаго, если только по свойству своему дѣло требуетъ немедленнаго изслѣдованія. Само собой разумѣется, что признаніе за прокуратурою подобнаго права обусловливается, главнѣйшимъ образомъ, исключительностью обстоятельствъ. Но само собой разумѣется также и то, что еслибы въ назначеніи прокуратуры не заключалось элементовъ необходимыхъ для признанія подобнаго права, то, конечно, никакія исключительныя обстоятельства не могли бы создать его безъ измѣненія самаго закона. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали о нѣкоторомъ расширеніи сферы дѣятельности прокуратуры, выразившейся въ участіи ея въ дѣятельности различныхъ административныхъ учрежденій. Мы думаемъ, что это участіе прокуратуры въ чуждыхъ ей сферахъ не должно остаться безъ значенія для прокуратуры и какъ органа обвинительной власти. И дѣйствительно, указанное участіе прокуратуры въ дѣятельности высшихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій создаетъ для нея весьма выгодное положеніе, какъ со стороны усмотрѣнія фактовъ нарушенія или злоупотребленія, такъ и со стороны возбужденія вопроса о преслѣдованіи. Близко знакомые съ положеніемъ дѣятельности прокуратуры въ провинціи мы, конечно, не можемъ обольщать себя мыслію о томъ, что рекомендуемое нами направленіе обвинительной дѣятельности прокуратуры сразу повлечетъ за собой одни только желаемые результаты, не вызвавъ противодѣйствія, незаслуженнаго нареканія и борьбы. Напротивъ, съ этою дѣятельностію, по преимуществу, соединяется мысль о преградахъ, передъ которыми разбилось уже не мало силъ. Зная все это, мы можемъ только замѣтить, что успѣхъ дѣла преслѣдованія всецѣло находится въ рукахъ не отдѣльныхъ членовъ прокура-

туры, а въ рукахъ всей прокуратуры, какъ единаго организма, призваннаго къ охраненію закона и порядка.

Обращаясь за тѣмъ къ изложенію нашихъ краткихъ наблюденій и замѣчаній по предмету отношеній прокуратуры ко власти административной, мы должны указать, прежде всего, что успѣхъ въ установленіи мира этихъ отношеній и нѣкоторой солидарности, не всегда стоитъ въ прямой связи съ энергіею и законностью дѣйствій прокуратуры. Очевидно, что здѣсь играетъ величайшую роль тотъ внутренній основной разладъ разсматриваемыхъ нами органовъ власти, который указываетъ, что одною изъ этихъ властей идея судебныхъ уставовъ и начала, положенныя въ ихъ основаніе, сознаются какъ незаконнорожденныя дѣтища, чуждыя единству союза закономъ установленныхъ органовъ общественной власти. И дѣйствительно, если можно указать на что-либо болѣе неблагопріятное для успѣха общественной дѣятельности провинціи и потому болѣе безотрадное, то нельзя обойти отношеній административной власти къ суду вообще и къ прокуратурѣ въ особенности. Правда, гласная исторія этихъ отношеній, по скольку она извѣстна изъ газетъ извѣстнаго знамени, вполнѣ осудила прокуратуру и судъ, отнеся всѣ столкновенія съ администраціею къ ихъ винѣ, къ неумѣренности въ требованіяхъ, рѣзкости формъ сношенія и даже къ ихъ стремленію будто бы поколебать власть. Правда также и то, что также газетная исторія въ настоящее время множество ихъ обвиненій, взведенныхъ ею на прокуратуру, относитъ уже къ области прошедшаго, признавая, что, благодаря наибольшей зрѣлости, прокуратура какъ бы отрезвилась и перешла на путь болѣе правильныхъ отношеній къ мѣстному управленію. Но для того, чтобы правильно оцѣнить такіе выводы, слѣдуетъ припомнить изъ того, что нами было выше изложено, что первый періодъ дѣятельности прокуратуры характеризовался дѣйствительнымъ стремленіемъ ея осуществить и развить въ жизни начала судебной реформы, послѣдующій же періодъ, соотвѣтствующій и настоящему состоянію прокуратуры, характеризуется упадкомъ дѣятельности и вялостію умственной жизни. Подробное разсмотрѣніе вопроса объ отношеніяхъ прокуратуры къ власти мѣстнаго управленія не входитъ въ кругъ нашей задачи, но мы не можемъ не замѣтить, что въ указанной нами газетной исторіи нетолько выводы односторонни и пристрастны, какъ это мы видѣли сейчасъ, но часто даже самые факты невѣрны и неполны.

Новая судебная дѣятельность вообще, а прокурорская въ особенности, по своимъ основнымъ началамъ и назначенію, должны были явиться во всеоружіи отрицанія безнаказанности и произвола, укоренившихся въ нашей провинціальной жизни и нерѣдко поддерживаемыхъ властью. Такимъ образомъ, если начинала жить судебная реформа, не могло не начаться и это отрицаніе. Оба эти факта неразрывно связаны между собою; отсутствіе или непроявленіе втораго, равносильно небытію самой судебной реформы, равносильно и отсутствію въ ней того цивилизующаго назначенія, во имя котораго она создавалась. Ясно, что зачинщиками въ борьбѣ, по необходимости, должны были явиться органы судебной дѣятельности. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается одна изъ причинъ односторонности въ выводахъ исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обвиненій прокуратуры. Нельзя, конечно, отрицать, что, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и со стороны прокуратуры проявлялись нѣкоторыя черты неумѣренности, но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что упорство и страстность были не чужды всѣмъ борющимся. Что касается собственно до прокуратуры, то ея положеніе нельзя не назвать крайне труднымъ и непривлекательнымъ. Призванная къ осуществленію началъ судебныхъ уставовъ, она на каждомъ шагу встрѣчала противодѣйствія, то въ нравахъ, то во власти. Понятно, прокуратура, въ подобномъ положеніи, не могла не увлечься полемизмомъ и можетъ быть страстнымъ стремленіемъ сломать плотину, мѣшающую развитію началъ судебной реформы. Между тѣмъ, если мы остановимся на самыхъ предметахъ, вызывавшихъ столкновенія и борьбу, то увидимъ, что всѣ эти предметы всецѣло принадлежатъ области вѣдѣнія прокуратуры, а слѣдовательно къ такимъ, относительно коихъ прокуратура должна была предъявлять свои требованія. Нечего говорить, что полиція, въ общемъ своемъ составѣ, была и есть главнѣйшая причина столкновеній. Намъ кажется, что мѣстная власть нѣсколько ошибочно отнеслась къ своему призванію по отношеніе къ судебной реформѣ; повидимому она полагала, что судебная реформа должна стать такъ-сказать съ боку жизни края и соприкасаться съ нею по стольку, по скольку ее допустятъ. Такъ, законъ подчинилъ прокуратурѣ полицію въ области ея слѣдственной дѣятельности; казалось бы, что этою своею стороною полиція и должна стать въ ближайшія отношенія къ своему руководителю и отвѣтствовать передъ нею. На дѣлѣ ока-

вывается не такъ: полиція не безъ причины отказывается признать этотъ законъ, а прокуратура не встрѣчаетъ надлежащаго содѣйствія къ точному исполненію и даже обвиняется въ притязательности. Далѣе, прокуратура по назначенію своему, какъ единственная ординарная обвинительная власть, безспорно, вполнѣ независима. Между тѣмъ достаточно одного сообщенія подлежащей власти свѣдѣній о злоупотребленіяхъ какого-нибудь исправника, чтобы вызвать бурю обвиненія въ притязательности на вторженіе въ чуждую область и разумѣется не встрѣтить никакого содѣйствія не только къ преслѣдованію, но даже къ разъясненію обвиненія. Намъ извѣстно одно губернское правленіе, которое безъ всякаго разслѣдованія оставляло безъ послѣдствій даже жалобы на злоупотребленія должности напр. полицейскихъ чиновъ, на томъ только основаніи, что эти жалобы были сообщены прокуратурою. Далѣе,—система охраненія безусловной неприкосновенности подчиненныхъ органовъ такъ прочно усвоивается, что вопреки не только справедливости, но даже закону отъ прокуратуры настоятельно требуютъ преслѣдованія, тамъ гдѣ оно явно не можетъ имѣть мѣста. Мы говоримъ о массѣ актовъ и сообщеній о разныхъ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, о сопротивленіяхъ имъ и т. д. Всѣ эти акты и сообщенія могли бы служить прекраснымъ матеріаломъ не для характеристики нравовъ нашего провинціальнаго населенія и преступнаго отношенія его ко власти, а для характеристики дѣятельности самой власти въ отношеніяхъ ея къ населенію. Мы остановимся на этихъ указаніяхъ; мы могли бы привести ихъ и болѣе, но полагаемъ что и этого достаточно, чтобы составить правильное понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ создается та масса столкновеній, которая такъ несправедливо приписывается прокуратурѣ. Таково положеніе прокуратуры въ провинціи, къ тяжести борьбы изъ-за началъ судебной реформы испытываемой прокуратурою присоединилось и обвиненіе въ стремленіи провести эти начала въ жизнь. Какъ видимъ, прокуратура провинціальная этой тяжести не вынесла, она уступила и заключилась въ рамки узкаго формализма и отказалась отъ богатой по содержанію дѣятельности. Такая роль, навязанная прокуратурѣ ея короткимъ прошлымъ, слишкомъ ей несвойственна; будучи по назначенію своему властью, по преимуществу, охранительною въ лучшемъ значеніи, она не можетъ быть обречена на бездѣйствіе, говорятъ: «худой миръ лучше доброй ссоры!» Намъ кажется,

что большей непригодности этого изреченія къ положенію прокуратуры провинціальной трудно найти во всякомъ другомъ изреченіи. Примѣры лучше всякихъ толкованій подтвердятъ нашу мысль.

1) Становой приставъ вмѣстѣ съ мировымъ посредникомъ сѣкутъ крестьянъ за то, что они, согласившись по договору съ помѣщикомъ о переходѣ на оброкъ, вносятъ этотъ оброкъ, а между тѣмъ помѣщикъ раздумалъ отпускать ихъ на оброкъ и принимать отъ нихъ платежъ его, требуя издѣльной повинности. Послѣдствіемъ экзекуціи была смерть одного и болѣзнь многихъ крестьянъ. Послѣ разныхъ перипетій и столкновеній, разрѣшенныхъ Правительствующимъ Сенатомъ, назначено было предварительное слѣдствіе. Слѣдствіемъ преступленіе вполнѣ подтвердилось; результатомъ же — переводъ становаго пристава въ лучшій уѣздъ.

2) Во время пожара въ городѣ полиціймейстеръ приказываетъ полицейской стражѣ публично арестовать члена городской управы, завѣдующаго пожарною частью, за то, что онъ указалъ на необходимость нѣкоторыхъ къ мѣръ потушенію пожара. Въ дѣйствіяхъ полиціймейстера неусмотрѣно никакого проступка, а лишь одна энергія при тушеніи пожара.

3) Умираетъ адвокатъ, отличавшійся талантливыми и подъ часъ ѣдкими рѣчами. Полиція въ событіи смерти усматриваетъ преступленіе и производитъ дознаніе. Дознаніемъ обнаружена естественная смерть адвоката. Полиція разрѣшаетъ погребеніе. Въ церкви, куда былъ принесенъ трупъ, передъ самымъ началомъ богослуженія, получается причтомъ бумага отъ полиціймейстера о пріостановленіи погребенія, *ибо надъ тѣломъ покойнаго будетъ произведено судебно-медицинское вскрытіе.* Около тѣла поставлена стража; роднымъ и знакомымъ предложено оставить храмъ. Родные и друзья покойнаго обращаются съ запросомъ къ прокуратурѣ и узнаютъ что прокуратурѣ никакихъ свѣденій о преступленіи не сообщено и никакого распоряженія о вскрытіи дѣлаемо не было. Оказывается также, что дознаніе не поступало и къ судебному слѣдователю, а по разсмотрѣніи его обнаружено, что и въ немъ, кромѣ точнаго удостовѣренія о естественности смерти адвоката, никакихъ свѣдѣній о преступленіи не заключается. Оказалось, что вся эта суматоха произведена самовольно полиціймейстеромъ. Трупъ простоялъ въ церкви около сутокъ и погребенъ безъ вскрытія. Относительно

же отвѣтственности полиціймейстера никакого даже производства не возбуждено.

4) Уѣздная полиція подъ руководствомъ исправника установляетъ цѣлую систему поборовъ съ крестьянъ подворно и подушно курами, яйцами, гусями и т. д., независимо отъ отдѣльныхъ случаевъ взысканія деньгами и предметами. Одинъ крестьянинъ рѣшается заявить прокуратурѣ, что съ него взята приставомъ плата за прекращеніе дѣла о скоропостижно-умершемъ его братѣ. Производится негласное, средствами самой прокуратуры, дознаніе; дознаніемъ все это подтверждается, но результатовъ необходимыхъ въ подобныхъ случаяхъ для виновниковъ никакихъ не послѣдовало.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ прокуратура обвинялась въ крайней придирчивости, направленной къ колебанію власти.

Заканчивая наше изложеніе мы не можемъ не сказать, что если прокуратура нашихъ новыхъ судебныхъ установленій неуспѣла принести той пользы, которую она должна приносить на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и которую въ правѣ ожидать отъ нея общество, то причина этого заключается не въ законѣ, создавшемъ прокуратуру, а въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлена провинціальная прокуратура, частію вслѣдствіе не всегда удачнаго выбора лицъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ ея іерархіи, а главное вслѣдствіе той массы накопившейся гнили въ провинціальной общественной дѣятельности, которую прокуратурѣ приходилось устранять прежде чѣмъ начать спокойное развитіе началъ своего назначенія.

Не намъ, конечно, судить въ какой мѣрѣ намъ удалось въ нашемъ изложеніи выяснить все то, что мы желали. Но мы думаемъ, что итоги нашего изложенія не могутъ привести къ иному заключенію кромѣ того, что пора поближе всмотрѣться въ эти условія дѣятельности прокуратуры провинціальной. Только при внимательномъ изученіи этихъ условій можно придти къ правильнымъ выводамъ относительно дѣятельности провинціальной прокуратуры и что торопливыя обобщенія, сдѣланныя надъ первыми попавшимися фактами, также чужды истины, какъ чуждо истины все реагирующее успѣху судебнаго дѣла. Устраненіе указанныхъ нами неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, открытіе того широкаго поля дѣятельности, которое предначертано прокуратурѣ, возбужденіе ея дѣятельности посредствомъ правильнаго вліянія и регулированія, — должно составить на-

сущный вопросъ настоящаго времени. Мы вѣримъ, что тогда окажется, что прокуратура призвана не разрушать порядокъ, а охранять какъ этотъ порядокъ, такъ и власть мѣрами той справедливости, какая только возможна для судебнаго приговора, постановляемаго самимъ же обществомъ и завершающаго всякую мѣру прокуратуры. До сихъ поръ судебная реформа не жила еще полною жизнью.

К. А—ровъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

«Претензія бывшая въ виду администраціи, не подлежитъ вторичному заявленію суду, или конкурсу, по обращенію администраціи въ конкурсъ».

По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій Сенатъ, по 4 департаменту, слушали апелляціонное дѣло Московскаго купца Михаила *Шувалова* съ конкурснымъ управленіемъ по дѣламъ торговаго дома «*Дмитрія Корчагина сыновья и Вильямсъ*» о 24000 руб. сер. приказали: по дѣламъ торговаго дома «Дмитрія Корчагина сыновья и Вильямсъ», вслѣдствіе ходатайства кредиторовъ, въ томъ числѣ купца Михаила Шувалова, въ 1870 г. допущена была московскимъ биржевымъ комитетомъ администрація. За тѣмъ, 4-го апрѣля 1873 г., вслѣдствіе указа Правительствующаго Сената, означенный торговый домъ объявленъ московскимъ коммерческимъ судомъ несостоятельнымъ о чемъ послѣдняя публикація напечатана 16 мая 1873 г. въ № 21, Московскихъ губернскихъ вѣдомостей, а 20 іюля того же года Шуваловъ заявилъ въ учрежденное по дѣламъ Корчагиныхъ и Вильямсъ конкурсное управленіе претензію по 4 протестованнымъ векселямъ на сумму 24—т. р. Имѣя въ виду, что претензія эта заявлена была Шуваловымъ по истеченіи установленнаго 1888 ст. уст. торг. двухнедѣльнаго срока, конкурсное управленіе 12 ноября 1874 г., на основаніи 1982 ст. того же устава, заключило: означенную претензію Шувалова

отчислить къ 4-му разряду удовлетворенія. По жалобѣ Шувалова на это опредѣленіе конкурса, дѣло восходило на разсмотрѣніе московскаго коммерческаго суда, который рѣшительнымъ опредѣленіемъ 10 февраля 1875 г. состоявшимся, обжалованное Шуваловымъ заключеніе конкурса утвердилъ. Въ апелляціонной на это рѣшеніе жалобѣ повѣренный Шуваловъ проситъ объ отмѣнѣ онаго и объ отнесеніи означенной претензіи Шувалова ко второму разряду долговъ Корчагиныхъ и Вильямсъ. Въ отношеніи сего ходатайства, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по ст. 1888 уст. торг., по объявленіи должника несостоятельнымъ, кредиторы обязаны заявить суду, или конкурсу о претензіяхъ своихъ въ установленные тою статьею сроки; но правило это не можетъ быть распространено на тотъ случай, когда конкурсное производство является лишь послѣдствіемъ неуспѣшности учрежденной по дѣламъ должника администраціи, и когда имѣющіяся къ должнику претензіи, уже были заявлены въ администраціи, а потому и не могли быть неизвѣстны конкурсу, принявшему дѣла администраціи, по сему претензія бывшая въ виду администраціи не подлежитъ вторичному заявленію суду, или конкурсу, по обращеніи администраціи въ конкурсъ, и не можетъ по несоблюденію 1888 ст. уст. торг. быть отнесена къ 4-му разряду долговъ несостоятельнаго. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу, и принимая во вниманіе, что претензія Шувалова къ Корчагинымъ и Вильямсъ уже была заявлена существовавшей до конкурса по дѣламъ тѣхъ должниковъ администраціи, Правительствующій Сенатъ находитъ, что претензія эта не могла быть отнесена къ 4 разряду удовлетворенія по незаявленію ея суду, или конкурсу въ установленный 1888 ст. срокъ, а подлежала отнесенію къ тому роду и разряду, къ которому по закону относится, по свойству представленныхъ Шуваловымъ документовъ. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ *опредѣляетъ*: обжалованное рѣшеніе московскаго коммерческаго суда, какъ неправильное отмѣнить, предписавъ суду сдѣлать надлежащее постановленіе объ отнесеніи претензіи Шувалова къ Корчагинымъ и Вильямсъ къ надлежащему роду и разряду долговъ несостоятельныхъ. О чемъ для исполненія, и объявленія тяжущимся, со взысканіемъ съ Шувалова гербовыхъ пошлинъ 40 коп., московскому коммерческому суду, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

II.

а) *Кредиторъ, не изъявившій согласія на мировую сдѣлку, обязанъ объявить причины своего основанія, письменно, общему собранію заимодавцевъ.*

б) *Лицо, не имѣющее свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ, допускается до судоговоренія лишь въ случаѣ признанія судомъ, что предъявленная имъ довѣренность на управленіе имѣніями получена имъ не съ цѣлью обхода правилъ 25-го мая 1874 года.*

1876 года августа 17 дня Рязанскій окружный судъ въ публичномъ судебномъ засѣданіи по 3 отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Д. П. Тихомирова, въ составѣ членовъ суда: Е. С. Пантелѣева и Л. В. Насакина, слушалъ дѣло по иску почетнаго гражданина Алексѣя Ильина Попова съ капитанъ лейтенанта Лаврентія Алексѣева и жены его Анны Алексѣевой Загоскиныхъ, какъ поручителей за г. Аладьина, по векселю 9045 руб. 47 коп. сер. Обстоятельства дѣла: коллежскій секретарь Петръ Константиновъ Аладьинъ выдалъ коллежскому ассессору Вельяминову вексель, писанный 6 января 1872 года, въ суммѣ 8000 р. сер., срокомъ на 16 мѣсяцевъ. Въ вѣрности платежа поручились за векселедателя капитанъ лейтенантъ Лаврентій Алексѣевъ и жена его Анна Алексѣева Загоскины. Такъ какъ г. Аладьинъ въ срокъ денегъ не заплатилъ, то протестованный 16 мая 1873 года противъ Аладьина и поручителей Загоскиныхъ вексель, перешедшій между тѣмъ отъ Вельяминова къ почетному гражданину Алексѣю Ильину Попову, былъ предъявленъ симъ послѣднимъ ко взысканію въ Рязанскій окружный судъ въ ноябрѣ 1875 года. Рѣшеніемъ суда 26 іюля 1873 года постановлено взыскать съ должника искомую Поповымъ по векселю сумму 8000 руб. Но до взысканія сихъ денегъ Аладьинъ былъ объявленъ и признанъ должникомъ несостоятельнымъ. По розысканіи имущества и распредѣленіи долговъ Аладьина оказа-

лись, что на долю Попова пришлось только 423 руб. 15 коп., взысканныя по исполнительному листу Рязанскаго окружнаго суда, отъ 1 августа 1872 года, и кромѣ того 234 р. 37½ коп.; полученныя изъ конкурснаго управленія. Принимая за тѣмъ во вниманіе, что конкурсъ надъ Аладьинымъ прекращенъ по мировой сдѣлкѣ съ кредиторами, на каковую сдѣлку онъ, Поповъ, согласія не изъявлялъ, какъ значится въ прошеніи,—Поповъ въ прошеніи, поданномъ 11 марта 1876 года, просилъ судъ, за несостоятельностью Аладьина, постановить опредѣленіе о взысканіи денегъ по означенному векселю съ поручителей по оному Лаврентія и Анны Алексѣевыхъ Загоскиныхъ. Изъ копіи съ протокола общаго собранія кредиторовъ несостоятельнаго должника Аладьина, отъ 24 іюля 1875 года, видно между прочимъ, что почетный гражданинъ Поповъ, находившійся въ засѣданіи въ числѣ прочихъ кредиторовъ, при подписаніи того протокола изъ общаго собранія безъ объясненія причинъ выбылъ и потому протоколъ остался имъ не подписанъ.

Дѣло это къ слушанію назначено было на 17 августа 1876 года, о чемъ отвѣтчикамъ и истцу Попову были посланы установленнымъ порядкомъ повѣстки. Повѣстку для доставленія Попову получилъ конторщикъ его съ соблюденіемъ при этомъ 283 ст. уст. гр. судопр. Въ судебное засѣданіе 17 августа самъ Поповъ не явился, а прислалъ за себя коллежскаго ассессора Александра Самуилова Френкель, который, представляя полученную имъ отъ Попова довѣренность, просилъ судъ допустить его до представленія объясненій по дѣлу. Въ довѣренности этой, выданной 17 августа 1876 года, значится: «поручаю Вамъ завѣдываніе и управленіе всѣми моими недвижимыми имуществами и торговыми дѣлами въ Московской и Рязанской губерніяхъ и уполномочиваю Васъ какъ въ дѣлахъ управленія, такъ и по возникающимъ изъ нихъ вопросамъ разсчетамъ, недоразумѣніямъ и процессамъ въ полицейскихъ, административныхъ, общественныхъ мировыхъ общихъ и судебныхъ учрежденіяхъ замѣнять собою мою личность» и т. д. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, окружный судъ признаетъ необходимымъ прежде всего остановиться на разрѣшеніи заявленнаго повѣреннымъ отвѣтчицы Анны Алексѣевой Загоскиной—кандидатомъ правъ Климовымъ отвода противу повѣреннаго истца Френкеля, какъ неимѣющаго полномочія на веденіе дѣла. Относительно возникающаго отсюда вопроса о правѣ Френкеля ходатайствовать на судѣ за своего до-

вѣрителя по настоящему дѣлу, окружный судъ находитъ, что, при неимѣніи у Френкеля свидѣтельства на право быть повѣреннымъ по судебнымъ дѣламъ, онъ, Френкель, основываетъ свое по сему предмету право, на полученной имъ отъ Попова 17 августа, то есть въ день засѣданія—довѣренности, которою предоставляется ему управлять недвижимымъ имуществомъ и торговыми дѣлами Попова. Между тѣмъ содержаніе той довѣренности не заключаетъ въ себѣ указанія на какія-либо опредѣленныя имѣнія или торговыя дѣла, завѣдываніе которыми поручалось Френкелю. Точной смыслъ закона: 389 ст. уст. гр. суд.), дозволяющій безъ установленныхъ правилами 25 мая 1874 года свидѣтельствъ ходатайствовать лицамъ, завѣдывающимъ имѣніями или дѣлами тяжущихся,—состоитъ въ томъ что лица эти, какъ пользующіяся особымъ довѣріемъ и близко извѣстныя тяжущимся, допускаются безъ свидѣтельства и къ ходатайству по судебнымъ дѣламъ ихъ довѣрителей. По изложеннымъ-же выше даннымъ Френкель во все не представляется таковымъ уполномоченнымъ Попова, который бы соотвѣтствовалъ требованіямъ приведеннаго закона, а именно общее содержаніе довѣренности предоставляетъ ему лишь совершеніе различныхъ дѣйствій по судебнымъ дѣламъ. Хотя въ ней и встрѣчаются «выраженія:» завѣдываніе и управленіе недвижимыми имуществами и торговыми дѣлами въ Московской и Рязанской губерніяхъ и т. д., но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого указанія на участіе его въ торговлѣ, въ разсчетахъ, съ рабочими по торговлѣ или по управленію имѣніями и т. п., не говоря уже о томъ что въ довѣренности не указано опредѣленнаго нахожденія имѣній, которыя поручались его завѣдыванію. Невозможно считать Френкеля управляющимъ имѣніями еще и потому соображенію, что онъ представилъ довѣренность въ судъ въ самый день полученія оной отъ Попова, что до очевидности показываетъ, что онъ не могъ еще управлять имѣніями Попова. За симъ слѣдуетъ признать, что Френкель представленіемъ въ судъ означенной довѣренности желалъ лишь уклониться отъ требованія Высочайше утвержденныхъ 25 мая 1874 года правилъ, каковое обстоятельство, какъ учиненное съ цѣлью обхода закона, не можетъ не лишать (1529 ст. X т. 1 ч.) силы и достоинства той довѣренности, на которой Френкель основываетъ свое право ходатайствовать за Попова. Находя поэтому заявленный противу Френкеля отводъ о недопущеніи его на су-

договореніе правильнымъ (4 п. 584 ст, уст. гр. суд.), окружной судъ находитъ, что предъявленный Поповымъ искъ, къ одному изъ отвѣтчиковъ капитанъ-лейтенанту Лаврентію Алексѣеву Загоскину, долженъ быть признанъ прекращеннымъ, такъ какъ истецъ Поповъ самъ въ судебное засѣданіе не явился и не прислалъ за себя повѣреннаго, надлежащею довѣренностью уполномоченнаго (4 п. 358 ст. уст. гр. суд.). Что же касается до ходатайства повѣреннаго другой отвѣтчицы жены капитанъ-лейтенанта Анны Алексѣевнѣ Загоскиной кандидата правъ Климова о разсмотрѣніи настоящаго иска безъ бытности истца по отношенію лишь къ его довѣрительницѣ, то оное, на основаніи 358 ст. уст. гр. суд., представляется подлежащимъ удовлетворенію. Приступая вслѣдствіе сего къ разрѣшенію сего иска, окружный судъ находитъ, что искъ этотъ Поповъ основываетъ на томъ, что жена капитанъ-лейтенанта Загоскина поручилась въ исправности платежа по векселю за коллежскаго секретаря Петра Аладьина, и какъ сей послѣдній признанъ затѣмъ должникомъ несостоятельнымъ, и поручительница Загоскина не изъявила готовости уплатить деньги, то и должна заплатить ему искомую по тому векселю сумму. Хотя отвѣтственность поручителей (безсрочныхъ) въ платежѣ по векселю (1557, 1558 ст. X т. 1 ч.) наступаетъ послѣ признанія установленнымъ порядкомъ должника несостоятельнымъ, продажи его имущества и послѣ распредѣленія между заимодавцами вырученныхъ за оное денегъ, и въ такомъ случаѣ, если затѣмъ окажется что сумма сихъ денегъ недостаточна для полнаго удовлетворенія долга, обезпеченнаго поручительствомъ, но это требованіе закона очевидно относится къ тѣмъ случаямъ, когда удовлетвореніе долговъ несостоятельнаго должника производится конкурснымъ порядкомъ (рѣшеніе гр. касс. деп. Правительствующаго Сената 1871 года № 179. по дѣлу Карпова). Изъ предлежащаго-же дѣла видно, что производство о долгахъ Аладьина, за коего поручилась Загоскина, окончилось мировою между кредиторами и должникомъ сдѣлкою, которая, по силѣ закона (2017 ст. уст. торг. 2 ч. XI т.); прекращаетъ конкурсъ и всѣ его послѣдствія такъ точно, какъ бы никогда онаго не было (Рѣш. гр. касс. деп. Прав. Сената 1867 года № 359 и 1868 г. № 431.). По этому отвѣтственность поручительницы Загоскиной за Аладьина можетъ возникнуть изъ соображенія о томъ,—изъявилъ ли истецъ Поповъ согласіе на означенную мировую сдѣлку или

нѣтъ, ибо только въ послѣднемъ случаѣ (рѣш. гр. касс. деп. Прав. Сен. 1869 г. № 556) онъ можетъ сохранить за собою право взысканія своего долга съ поручителя по должникѣ, и при условіи, если при предлагаемой мировой сдѣлкѣ онъ объявилъ причины своего не согласія письменно общему собранію заимодавцевъ (2016 ст. уст. торг.). Изъ копіи-же протокола общаго собранія заимодавцевъ Аладьина не усматривается, чтобы Поповъ, находившійся въ числѣ кредиторовъ въ засѣданіи, въ которомъ обсуждалась предложенная должникомъ мировая сдѣлка, заявлялъ по сему предмету какое либо несогласіе, напротивъ въ протоколѣ значится что онъ не подписалъ оного и ушелъ изъ собранія безъ объясненія причинъ, посему Попова, какъ неисполнившаго требованія 2016 ст.уст. торг. нельзя уже признать имѣющимъ право на взысканіе долга съ поручительницы Загоскиной по должникѣ Аладьинѣ. Въ искѣ ему въ семъ отношеніи должно быть отказано со взысканіемъ съ него (868 ст. уст. гр. суд.) судебныхъ по дѣлу издержекъ. По соображеніи всего вышеизложеннаго въ связи съ 366 ст. уст. гр. суд. Рязанскій окружный судъ опредѣляетъ: 1) предъявленный повѣреннымъ Загоскиной кандидатомъ правъ Климовымъ отводъ относительно недопущенія повѣреннаго Попова Френкеля до судоговоренія признать заслуживающимъ уваженія, 2) настоящій искъ по отношенію отвѣтчика капитанъ-лейтенанта Лаврентія Алексѣева Загоскина прекратить, по отношенію же жены капитанъ-лейтенанта Анны Алексѣевой въ искѣ Попову отказать. 3.) Судебныя издержки возложить на истца.

III.

«Съ принятіемъ движимости въ свое распоряженіе по договору купли-продажи, лицо принявше считается ея собственникомъ при чемъ на него падаетъ ущербъ въ имуществѣ происшедшій отъ несчастнаго случая.»

По указу Его Императорскаго Величества, мировой судья 4 участка Дмитровскаго округа Николай Дмитріевичъ Сазоновъ, въ открытомъ засѣданіи 17 декабря 1875 года, разобралъ гражданское дѣло о взысканіи крестьяниномъ Александровскаго уѣзда Константиновской волости, деревни Мѣхова Кузьмою Яковлевымъ Андроновымъ съ купеческаго сына Ивана Александрова Мамаева 40 рублей серебромъ, изъ которыхъ 39 руб. за проданную Андроновымъ Мамаеву корову и одинъ рубль стараго долга.

Обстоятельства дѣла. 18 августа крестьянинъ Андроновъ словесно заявилъ мировому судьѣ о томъ, что купеческій сынъ Мамаевъ не отдаетъ ему 39 руб. сер. за купленную у него Андрова корову и 1 руб. прежняго долга и просилъ постановить опредѣленіе о взысканіи съ Мамаева означенной суммы. На разбирательствѣ этаго дѣла 5 ноября сего года, повѣренный Мамаева, мѣщанинъ Сергіева посада Палкинъ объяснилъ: что одного рубля его довѣритель не долженъ, что же касается до 39 рублей, то дѣйствительно довѣритель его не отдавалъ ихъ Андронову потому, что купленная корова оказалась больная и что онъ можетъ свидѣтельскими показаніями доказать, что спустя три часа по приводѣ ея изъ деревни Мѣхова въ Сергіевскій посадъ, она была убита его довѣрителемъ и мясо ея, по освидѣтельствованіи врача, найдено было зараженнымъ чумою, а потому просилъ по спросѣ свидѣтелей въ искѣ Андронову от-

казать на основаніи 1518 ст. X т. ч. I. по которой покупщикъ не обязанъ платить деньги за купленное движимое имущество если оно не будетъ соотвѣтствовать условной добротѣ.

Мировой судья принимая во вниманіе, что купля и продажа движимаго имущества по ст. 710 т. X. ч. I. можетъ быть заключена словесно, что обстоятельства сопровождавшія означенный договоръ, исполненіе, или неисполненіе его по ст. 409 уст. гражд. суд. и рѣшенія сената 1872 года № 211 по дѣлу Зазерскаго и другихъ, могутъ быть доказываемы свидѣтельскими показаніями, *постановилъ:* вызвать указываемыхъ свидѣтелей.

При разбирательствѣ дѣла, повѣренный истца титулярный совѣтникъ Андреевъ, просилъ допросить двухъ приведенныхъ имъ свидѣтелей Алексѣя Власова и крестьянку Степаниду Егорову, односеленныхъ его довѣрителю, въ томъ, что повальныхъ болѣзней и скотскаго падежа въ ихъ деревнѣ въ настоящемъ году не было и кромѣ того представилъ еще удостовѣреніе въ томъ же обстоятельствѣ Хомяковскаго волостнаго правленія, Александровскаго уѣзда.

При допросѣ вышеупомянутыхъ свидѣтелей, они вполнѣ подтвердили, что корова куплена здоровая, падежа въ деревнѣ Мѣховѣ въ настоящемъ году не было.

Изъ допроса свидѣтелей отвѣтчика Фельдшера Емельянова Улитина, Михайла Мамаева, Чигиринцева и Гаврилы Егорова выяснилось, что корова дѣйствительно зарѣзана спустя нѣсколько часовъ по приводѣ, причемъ мясо ел, по осмотру врача, оказалось зараженнымъ и поэтому было зарыто вмѣстѣ съ шкурою При этомъ свидѣтель Улитинъ добавилъ, что онъ видѣлъ какъ корову вели на бойню и она ему показалась здоровою, свидѣтель же Михаилъ Мамаевъ показалъ, что въ посадѣ въ это время былъ падежъ, въ мѣстности же гдѣ покупали корову падежа не было.

Повѣренный Андронова, Андреевъ, просилъ взыскать съ Мамаева 40 руб. и вознагражденіе за веденіе дѣла.

Повѣренный Мамаева просилъ въ искѣ Андронову отказать.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, выслушавъ показанія свидѣтелей и объясненіе сторонъ, мировой судья находитъ: 1) свидѣтельскими показаніями по сему дѣлу является доказаннымъ, что корова была продана Андроновымъ совершенно здоровою, при чемъ какъ удостовѣряютъ свидѣтели и Хомяковское волостное правленіе, даже падежа въ той мѣстно-

сти, гдѣ куплена корова не было, а потому и заявленіе повѣреннаго отвѣтчика о томъ, что корова была больна въ моментъ совершенія купли и продажи, является не только совершенно голословнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ, но прямо опровергается вышеупомянутыми показаніями и удостовѣреніемъ волостнаго правленія.

2) По статьѣ 1510 т. X ч. I. моментъ заключенія договора купли-продажи движимаго имущества опредѣляется врученіемъ покупателю купленнаго имущества, или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе. Въ данномъ случаѣ фактъ, что корова была убита по приказанію Мамаева, неотвергаемый и повѣреннымъ его, доказываетъ, что купленная корова вполнѣ поступила въ его распоряженіе и что такимъ образомъ сдѣлка между нимъ и Андроновымъ была заключена, и Мамаевъ сдѣлался собственникомъ купленнаго имъ животнаго и считалъ себя таковымъ.

3) Потерю и убытки отъ случайнаго умаленія, разстройства и самаго уничтоженія имущества естественно несетъ на себѣ собственникъ онаго. Это правовое положеніе формулировано въ римскомъ правѣ (casum sentit dominus). Въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ, хотя и не существуетъ статьи закона, въ которой бы означенное юридическое правило излагалось въ видѣ общаго положенія, но тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ аналогическимъ узаконеніямъ нельзя не признать, что и наше законодательство вполнѣ его себѣ усвоиваетъ, такъ напримѣръ по ст. 634 X т. ч. I собственникъ имущества не получаетъ отъ добросовѣстнаго владѣльца вознагражденія за разстройство или поврежденіе онаго, произшедшаго отъ случайныхъ причинъ, по ст. 642 того же тома недобросовѣстный владѣлецъ скота, павшаго отъ эпизоотической болѣзни обязанъ вознаградить собственника, только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что имъ, владѣльцемъ, не были приняты предписанныя закономъ мѣры предосторожности, по статьѣ 2106 того же тома, лицо взявшее на сохраненіе имущество, которое за тѣмъ погибло во время пожара, наводненія, или инаго несчастнаго случая, заявивъ о семъ прошеніемъ, отвѣчаетъ предъ собственникомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что погибель имущества произошла отъ его нерадѣнія. Изъ приведенныхъ узаконеній явствуетъ, что и наше законодательство, отвѣтственность за убытки по уничтоженію и разстройству имущества происшедшіе отъ случая, вполнѣ возлагаетъ на собственника

онаго, а потому въ настоящемъ дѣлѣ слѣдуетъ признать что Мамаевъ сдѣлавшійся въ силу состоявшагося договора собственникомъ коровы, долженъ нести на себѣ отвѣтственность за убытки, происшедшія отъ признанія врачемъ мяса ея негоднымъ къ употребленію.

4) Признавая за тѣмъ: а) что Мамаевъ получивъ корову по сознанію повѣреннаго его, слѣдуемой за нее суммы 39 рублей сер. не уплатилъ, но статьѣ же 1536 т. X. ч. I. договоры должны исполнятся по точному ихъ разуму; б) что искъ одного рубля серебромъ долга является на судѣ никакими доказательствами не подкрѣпленнымъ; с) что по статьѣ 868 уст. гражд. судопр. тяжущійся противъ котораго постановлено рѣшеніе, обязанъ вознаградить другую сторону за веденіе дѣла и d) что свидѣтели Чигиренцевъ и Гаврила Егоровъ, вызванные повѣреннымъ Мамаева заявили по окончаніи допроса, о желаніи получить вознагражденіе за отвлеченіе отъ занятій, мировой судья *опредѣлилъ*: на основаніи вышеизложеннаго 81, 112 и 129 ст. уст. гражд. судопр. на удовлетвореніе крестьянина Кузьмы Яковлева Андропова, взыскать съ купеческаго сына Ивана Александрова Мамаева за купленную послѣднимъ у перваго корову 39 руб. сер; въ искѣ же одного рубля долгу по бездоказательности отказать, вознагражденіе за веденіе дѣла въ размѣрѣ 2 руб. 50 к. возложить на Мамаева, взыскавъ какъ съ него же на основ. ст. 103 уст. гражд. судопр. на вознагражденіе свидѣтелей Чигиринцева и Гаврилы Егорова 2 руб. серебромъ по 1 рублю каждому.

Рѣшеніе неокончательное, предварительному исполненію не подлежитъ и объявлено сторонамъ съ соблюденіемъ ст. 140 и 162 уст. гражд. судопроизводства.

2) *Кредиторъ, не изъявившій согласія на мировую сдѣлку, обязанъ объявить причины своего основанія, письменно, общему собранію заимодавцевъ. Лицо, не имѣющее свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ, допускается до судоговоренія лишь въ случаѣ признанія судомъ, что предъявленная имъ довѣренность на управленіе имѣніями получена имъ не съ цѣлью обхода правилъ 25-го мая 1874 г.* (Рѣшеніе Рязанскаго окружнаго суда по дѣлу почетнаго гражд. Алексѣя Попова съ капитанъ-лейтенантомъ Лаврентіемъ и женою его Анною Загоскиными)..... 107

и 3) *Съ принятіемъ движимости въ свое распоряженіе по договору купли-продажи, лице принявшее считается ея собственникомъ, при чемъ на него падаетъ ущербъ въ имуществѣ происшедшій отъ несчастнаго случая.*" (Рѣшеніе мироваго судьи 4 участка, Дмитровскаго Округа, по дѣлу крестьянина Кузьмы Андронова съ купеческимъ сыномъ Иваномъ Мамаевымъ)..... 113

VII — ОБЪЯВЛЕНІЕ:

Отъ книжнаго магазина И. П. Анисимова..... 117

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЮРИД. ВѢСТНИКУ.

ОСНОВАНІЕ ЗАЩИТЫ ВЛАДѢНІЯ, — ПЕРЕСМОТРЪ УЧЕНІЯ О ВЛАДѢНІИ. Тайнаго совѣтника и профессора правъ Геттингенскаго Университета Рудольфа Іеринга (перев. со втораго дополненнаго и исправленнаго изданія на немѣц. языкѣ)..... 1

Редакція считаетъ обязанностью повторить, что оригинальныя сочиненія строго-научнаго содержанія, по всѣмъ отдѣламъ права, предлагаемыя для напечатанія въ журналѣ, будутъ, по желанію авторовъ, вознаграждаемы отъ 50 до 75 рублей за каждый печатный листъ, а за переводныя отъ 15 до 25 рублей, смотря по достоинству перевода. Статьи, пересылаемыя безъ заявленія о гонорарѣ будутъ сочтены доставленными для безмезднаго помѣщенія ихъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ.

Юридическій Вѣстникъ

выходитъ въ 1876 году ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ и болѣе.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083599
ЮФ СПбГУ